

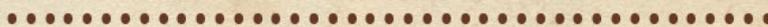

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДОРОТИ Л.

САЙЕРС

ПЯТЬ КРАСНЫХ СЕЛЕДОК

ДЕВЯТЬ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ УДАРОВ

Лорд Питер Уимзи

Дороти Сэйерс

**Пять красных селедок.
Девять погребальных ударов**

«Издательство АСТ»

1931, 1934

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Сэйерс Д. Л.

Пять красных селедок. Девять погребальных ударов /
Д. Л. Сэйерс — «Издательство АСТ», 1931, 1934 — (Лорд Питер
Уимзи)

ISBN 978-5-17-119244-0

Живописная шотландская деревушка издавна служила приютом художникам, рыболовам и тем эксцентричным джентльменам, которые умело сочетали оба этих пристрастия. Именно к их числу принадлежал Сэнди Кэмпбелл, погибший при крайне загадочных обстоятельствах. Детектив-любитель лорд Питер Уимзи быстро понимает, что в этом деле не один или два, а целых шесть подозреваемых – шесть художников, ненавидевших убитого по разным причинам, но в одинаковой мере. Однако как узнать, кто из них виновен, если все шестеро что-то скрывают? Покой тихой деревни в Восточной Англии нарушен – на местном кладбище найден труп. Казалось бы, что здесь необычного? Вот только обезображенное тело принадлежит жертве таинственного убийства... По просьбе настоятеля приходской церкви лорд Питер Уимзи берется за дело, но во время расследования возникает все больше вопросов. Неужели сыщик впервые не сможет назвать имя убийцы? И по кому в этот раз звонит колокол?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119244-0

© Сэйерс Д. Л., 1931, 1934
© Издательство АСТ, 1931, 1934

Содержание

Пять красных селедок[1]	7
Предисловие	7
Кэмпбелл в гневе	9
Кэмпбелл мертв	15
Фергюсон	23
Стрэчен	27
Уотерс	31
Фаррен	38
Грэм	44
Гоуэн	53
Миссис Маклеод	58
Сержант Дэлзиел	61
Инспектор Макферсон	67
Рассказ Фергюсона	74
Лорд Питер Уимзи	79
Констебль Росс	89
Бантер	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дороти Ли Сэйерс
Пять красных селедок.
Девять погребальных ударов

Dorothy L. Sayers

FIVE RED HERRINGS THE NINE TAILORS

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased), 1931, 1934

© Перевод. Е. Ильина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пять красных селедок¹

Предисловие

Моему другу Джо Дигнаму, самому сердечному из хозяев

Дорогой Джо!

Вот наконец и увидела свет книга о Гейтхаусе и Керкубри. Все упомянутые в ней места существуют, и поезда тоже. Описание местности соответствует действительности, хотя я добавила от себя пару домов. Но тебе лучше, чем кому-либо, известно, что ни один из персонажей моей книги не похож на реальных людей. Ведь никому из местных художников не придет в голову напиться, сбежать от жены или ударить своего соседа по голове. Все это придумано лишь ради забавы, чтобы сделать повествование более захватывающим.

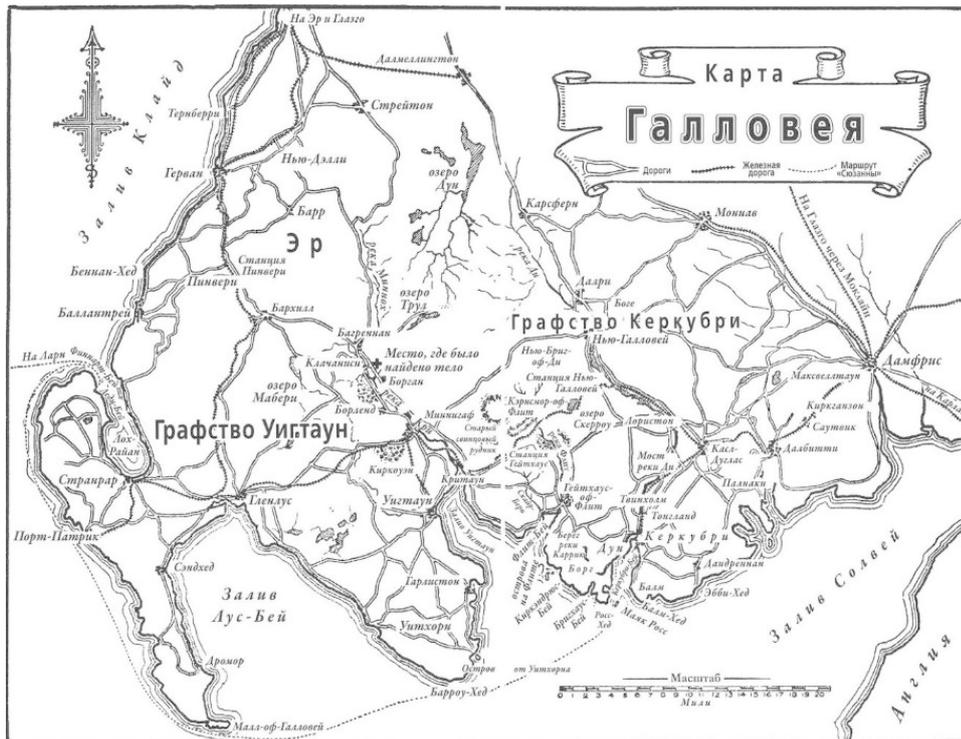
Если я случайно дала имя настоящего человека герою с дурным характером, прошу передать ему мои извинения и заверить, что я сделала это не намеренно. Ведь даже у отрицательных персонажей должно быть имя. Пожалуйста, передай мэру Лори, что, несмотря на то что действие происходит в эпоху масляных ламп, я не забыла, что теперь в Гейтхаусе есть электричество, благодаря которому можно читать эту книгу.

Если ты встретишь мистера Миллара из гостиницы «Эллангоуэн», начальника станции в Гейтхаусе, кассира из Керкубри или одного из сотни добрых людей, терпеливо отвечавших на мои вопросы о железнодорожных билетах, расписании автобусов или старом руднике возле Критауна, передай им мою искреннюю благодарность за помощь и извинения за то, что слишком им надоедала.

Мой сердечный привет всем, в том числе Феликсу. А миссис Дигнам скажи, что мы приедем на следующее лето, чтобы снова отведать картофельных лепешек в «Энвесе».

Дороти Ли Сэйерс

¹ В русском названии романа использован дословный перевод английской идиомы «red herring» – ложный след, отвлекающий маневр.

Кэмпбелл в гневе

Если вы живете в Галловее, то вы либо рыбак, либо художник. Хотя союз «либо» здесь не совсем уместен, поскольку все художники на досуге легко превращаются в рыбаков. Человека же, равнодушного к этим двум видам деятельности, считают странным и даже эксцентричным. Рыбалка – привычная тема для бесед в пабе и почтовом отделении, в гараже и на улице. Ее обсуждают все: и приезжие на «роллс-ройсах», прихватившие с собой удилища «харди», и местные жители, задумчиво наблюдающие за раскинутыми в речке Ди сетями. Погода, которую в остальных частях королевства определяют по меркам фермеров, садоводов и отдыхающих, в Галловее оценивается с точки зрения рыбака и художника. Какой бы ни выдался день, рыболов-живописец всегда найдет свою выгоду. Слишком ясный для охоты на форель день заливают светящимися яркими красками холмы и море, а дождь, лишая художника возможности провести время на этюдах, наполняет водой реки и озера, выгоняя его из дома с удочкой и корзиной для рыбы. В холодные пасмурные дни, когда окрестности тускнеют, а на реке нет клева, наш живописец-рыболов с радостью проводит время в уютном баре, где в дружеской компании может обсудить мушки для спиннингов, а также попрактиковаться в завязывании замысловатых узлов.

Художественным центром Галловее по праву считается Керкубри. Проживающие здесь художники напоминают своеобразное созвездие, центр которого сосредоточен на Хай-стрит, а отдельные звезды мерцают в примостившихся на склонах холмов уединенных коттеджах, озаряя своим сиянием Гейтхаус-оф-Флит. В величественных каменных коттеджах располагаются роскошные просторные студии с высокими потолками и обитыми панелями стенами, блистающие полированным дубом и тщательно начищенной лагуной. С ними соседствуют студии попроще – этакие временные пристанища творческих личностей, с превосходным освещением и беспорядочно разбросанными кистями и холстами, являющимися неотъемлемой частью жизни истинного живописца. Здесь есть также небольшие домашние студии с веселыми голубыми, красными и желтыми занавесками и странными образчиками гончарного искусства. Они прячутся на узких улочках, окруженные очаровательными садиками со старомодными клумбами. Почва тут настолько плодородна, что от обилия цветов рябит в глазах. Многие студии и вовсе располагаются в переоборудованных амбарах. Они привлекли своих владельцев простором и высокими потолками, став обитаемыми благодаря переносным печкам и газовым горелкам. У художников большие семьи, служанки в чепцах и кружевных фартуках. А некоторые снимают комнаты и с радостью принимают помощь их владелиц. Кто-то живет с подругой, а кто-то – в полном одиночестве. Одни нанимают помощниц по хозяйству, а другие предпочитают вести жизнь отшельников, заботясь о себе самостоятельно. Кто-то пишет маслом, кто-то отдает предпочтение акварели или пастели. Одни увлекаются гравюрой, а другие работают по металлу. Но всех этих людей, представляющих разнообразные направления в живописи, объединяет одно: они воспринимают свою деятельность всерьез и не приемлют дилетанства.

Однако лорда Питера Уимзи в этом сообществе рыболовов и художников приняли весьма дружески и даже с долей привязанности. Он весьма сносно забрасывал удочку и не пытался выдать себя за художника. Будучи англичанином, да к тому же чужаком, не давал поводов для недовольства. Англичан терпят в Шотландии лишь в том случае, если они не задаются. А лорд Питер был, к счастью, лишен этого присущего англичанам недостатка. Да, его акцент резал ухо, а манера держаться порой отличалась от тех, что приняты в здешних краях. И все же за время многочисленных визитов лорда Питера сумели оценить по достоинству и провозгласили совершенно безобидным. А уж если он и позволял себе какое-то чудачество, то окружающие просто пожимали плечами и снисходительно произносили: «Помилуйте, это всего лишь его светлость».

Провидению было угодно, чтобы Уимзи оказался в баре «Герб Макклеллана», когда разгорелась ссора между Кэмпбеллом и Уотерсом. Специализировавшийся на пейзажах Кэмпбелл, возможно, позволил себе на пару рюмок больше, чем следовало, особенно человеку с такой огненно-рыжей шевелюрой, как у него. В результате воинственный настрой шотландца проявился во всей красе. Он разразился хвалебной речью о деяниях джоков² во время Первой мировой войны, прерываясь лишь для того, чтобы указать Уотерсу на низкое происхождение англичан, неспособных даже разговаривать внятно на собственном треклятом языке.

Будучи представителем древнего рода йеменов, Уотерс, как и все англичане, с готовностью воздавал хвалы почти всем иностранцам, кроме даго³ и негров, но в то же время совершенно не переносил, когда те восхваляли самих себя. Ему казалось непристойным демонстративно гордиться собственной страной. Ведь это все равно что подробно рассказывать присутствующим в курительной комнате мужчинам о прелестях своей жены. Он слушал пылкую речь Кэмпбелла с той снисходительно-каменной улыбкой, которую иностранец принимает за проявление непроницаемого самодовольства, совершенно не нуждающегося в оправдании.

Кэмпбелл указал на то, что все высокие административные посты в Лондоне занимают шотландцы; Англии так и не удалось подчинить себе Шотландию, и если та захочет самоуправления, она, видит бог, его получит. Когда английские войска утрачивали контроль над своими позициями, приходилось посылать за шотландскими офицерами, которые сразу наводили порядок, и когда на фронте приходилось туго, становилось легче при мысли, что джоки где-то поблизости, на левом фланге.

– Спроси любого, кто побывал на войне, приятель, – добавил он, тем самым выказав свое превосходство над Уотерсом, достигшим призывного возраста только к концу войны, – и он непременно поведает, что думает о джоках.

– Ну да, – ответил Уотерс, усмехнувшись, – я знаю, что мне скажут: «Они только и делают, что бахвалятся».

Будучи человеком благовоспитанным да к тому же оказавшимся здесь в меньшинстве, Уотерс оставил без продолжения обидную цитату. Впрочем, Кэмпбелл и сам был в состоянии ее продолжить. Он разразился проклятиями, направленными уже не столько на национальность оппонента, сколько на него лично.

– Проблема шотландцев состоит в том, – произнес Уотерс, когда Кэмпбелл замолчал, чтобы перевести дух, – что в вас сильно развит комплекс неполноценности.

Он с беззаботным видом опустошил свой стакан и с улыбкой взглянул на Уимзи. Вероятно, именно эта улыбка, а не насмешка как таковая, переполнила чашу терпения разъяренного Кэмпбелла. Бросив в адрес своего обидчика несколько достойных осуждения фраз, он выплеснул в лицо Уотерсу часть содержимого собственного стакана.

– О нет, мистер Кэмпбелл! – воскликнул Вулли Мердок, которому не нравилось, когда в его заведении возникали подобные разборки.

Но тут уже и Уотерс не остался в долгу: осыпал Кэмпбелла не менее отвратительными ругательствами, и через мгновение они, сцепившись, катались по полу среди осколков стекла и опилок.

– За это я сверну твою чересчур умную башку! – в ярости бросил Уотерс. – Грязная дворняжка с гор!

– Эй, прекращайте, Уотерс! – попытался остановить англичанина Уимзи, хватая за ворот. – Не глупите. Он же просто пьян.

– Отойди-ка, приятель, – вмешался в дело рыбак Макадам, обхватывая Кэмпбелла своими крепкими мускулистыми руками. – Негоже так себя вести. Успокойся.

² Прозвище солдат Шотландского гвардейского полка. – *Здесь и далее примеч. пер.*

³ Прозвище итальянцев, португальцев, испанцев.

Драчуны разошлись в стороны, тяжело дыша.

– Нет, так дело не пойдет, – произнес Уимзи. – Здесь же не Лига наций. Чума на оба ваши дома! Имейте хоть немного здравого смысла.

– Он назвал меня... – пробормотал Уотерс, отирая виски с лица. – Будь я проклят, если оставлю это безнаказанным! Пусть держится от меня подальше. Вот что я скажу. – Он гневно взглянул на Кэмпбелла.

– Всегда к твоим услугам, – не остался в долгу тот. – Я не собираюсь убежать.

– Ну-ну, джентльмены! – снова вмешался Мердок.

– Это он первый начал со своими насмешками! – заявил Кэмпбелл.

– Нет, мистер Кэмпбелл, – возразил хозяин бара. – Это вам не следовало говорить того, что вы ему сказали.

– Буду говорить все, что пожелаю!

– Только не в моем заведении!

– Буду говорить все, что захочу и где захочу, – стоял на своем Кэмпбелл. – И еще раз повторю, что он...

– Да хватит уже! – рявкнул Макадам. – Утром тебе все представится в ином свете. А теперь идем-ка, подкину тебя до Гейтхауса.

– К черту! – ответил Кэмпбелл. – У меня своя машина есть. Так что доеду. Глаза б мои не глядели на ваше отвратительное сборище.

Он стремительно вышел за дверь, и в баре на мгновение воцарилась тишина.

– Ну и ну-у, – протянул Уимзи.

– Пойду-ка, пожалуй, и я подобру-поздорову, – угрюмо пробормотал Уотерс.

Уимзи и Макадам переглянулись.

– Подождите немного, – попросил Макадам. – К чему такая спешка? Всем известно, как вспыльчив Кэмпбелл, а уж если выпьет лишнего, начинает нести чушь.

– Верно, – кивнул Мердок. – Только вот он не имел права оскорблять мистера Уотерса. – Жаль, очень жаль, что так получилось.

– Простите, если я дурно отозвался о шотландцах, – вздохнул Уотерс. – Я не хотел никого обидеть. Просто этот парень вывел меня из себя.

– Мы на вас не в обиде, – произнес Макадам. – Вы же не подразумевали ничего дурного, мистер Уотерс. Выпьете чего-нибудь?

– Да, двойной виски, – ответил тот, пристыженно улыбнувшись.

– Вот это правильно, – сказал Уимзи. – Утопите воспоминания об оскорблении в напитке, производимом на родине обидчика.

Посетитель по имени Макгеок, державшийся во время ссоры в стороне, поднялся со своего места и подошел к стойке.

– Еще пива «Уордингтон»! – бросил он. – Не удивлюсь, если однажды Кэмпбелл попадет в серьезную передрагу. Он переходит всякие границы. Слышали, что Кэмпбелл недавно заявил Стрэчену на площадке для гольфа? Вел себя так, будто он там хозяин. Стрэчен даже пригрозил свернуть ему шею, если Кэмпбелл еще раз там появится.

Присутствующие молча закивали. Ссора между Кэмпбеллом и председателем местного гольф-клуба уже стала притчей во языцех.

– И я нисколько не осуждаю Стрэчена, – продолжил Макгеок. – Кэмпбелл живет в Гейтхаусе лишь два года, а уже успел перессориться со всеми в округе. Он становится настоящим исчадием ада, когда напьется, а протрезвев, превращается в неотесанного деревенщину. Такой стыд. В нашем маленьком художественном сообществе люди прекрасно между собой ладили и не оскорбляли друг друга. А теперь что ни день, то какая-нибудь ссора или драка. И все из-за этого Кэмпбелла.

– Думаю, со временем он утихомирится, – с надеждой протянул Мердок. – Он ведь не местный. Вот и чувствует себя не в своей тарелке. Кстати, несмотря на ту чушь, что он тут нес, Кэмпбелл не шотландец. Всем известно, что сам он из Глазго, а его мать родилась и выросла в Ольстере. Ее девичья фамилия Фланеген.

– Он из тех, что говорят много и не по делу, – вставил Мюррей, банкир и уроженец Керкуолла, выдающийся презрение, и не всегда молчаливое, всякому, кто родился южнее Уика. – Но лучше вообще не обращать внимания на его болтовню. Если Кэмпбелл и получит по заслугам, то вовсе не от кого-то из здесь присутствующих.

– Вы подумали о Хью Фаррене? – предположил Макадам.

– Я не называл никаких имен. Но ни для кого не секрет, что Кэмпбелл нажил себе неприятностей, спутавшись с одной известной всем леди.

– И в том нет ее вины, – решительно произнес Макгеок.

– А я этого и не говорил. Но люди обладают способностью попадать в неприятности без посторонней помощи.

– Не представляю Кэмпбелла в роли соблазнителя! – весело откликнулся Уимзи.

– Я вообще не желаю о нем говорить, – проворчал Уотерс. – Только вот он сам о себе слишком высокого мнения, и не за горами тот день, когда...

– Ну-ну, – поспешил успокоить англичанина Мердок. – Верно, Кэмпбелла тут не слишком-то жалуют, но лучше проявить снисхождение и постараться не обращать на него внимания.

– Все это, конечно, очень хорошо... – промолвил Уотерс.

– А по поводу рыбалки он ни с кем не ссорился? – перебил его Уимзи. Если уж разговор продолжал крутиться вокруг Кэмпбелла, то следовало постараться не давать слова Уотерсу.

– Случалось, – ответил Макадам. – Они с мистером Джоком Грэмом до сих пор на ножах. Мистер Грэм удил рыбу в заводи прямо под окнами Кэмпбелла, хотя в округе множество прудов и можно рыбачить где угодно, не действуя на нервы Кэмпбеллу. Но заводь-то ему не принадлежит, однако он старается доказать обратное. Да и река свободна для всех. Так что вряд ли можно было ожидать, что мистер Грэм всерьез обратит внимание на притязания человека, который плевать хотел на других.

– Особенно после того, – добавил Макгеок, – как Кэмпбелл попытался искупать его во Флите.

– Боже мой! И ему это удалось? – воскликнул Уимзи.

– Да. Только Кэмпбеллу и самому досталось, – ответил Мердок, довольно улыбаясь при воспоминании об этом инциденте. – И с тех пор Грэм рыбачит в заводи каждую ночь. Только не один. Прихватывает с собой приятелей. Не удивлюсь, если он отправится на рыбалку и сегодня.

– В общем, если Кэмпбелл захочет выпустить пар, то он знает, куда ему пойти, – подытожил Уимзи. – Идемте, Уотерс. Пора отправляться по домам.

Все еще пребывавший в мрачном настроении Уотерс поднялся со своего места и последовал за ним. Уимзи довез его до дома, весело болтая на протяжении всего пути, и помог улечься в кровать.

– Я уже жалею, что позволил Кэмпбеллу вывести вас из себя, – произнес он, заставив замолчать недовольно ворчавшего Уотерса. – Он того не стоит. Вам лучше заснуть и постараться обо всем забыть, иначе завтра не сможете взяться за работу. Весьма недурно, – добавил Уимзи, разглядывая прислоненный к комоду пейзаж. – А вы умеете управляться с мастихином, верно, приятель?

– Кто? Я? – переспросил Уотерс. – Не знаю, о чем вы. Кэмпбелл – единственный в этих краях, кто умеет пользоваться мастихином, по его собственным словам. У него даже хватило наглости обозвать Гоуэна старомодным растяпой.

– Да это сродни государственной измене!

– Я тоже так подумал. Гоуэн – настоящий художник. Господи, меня бросает в жар при одной только мысли, что Кэмпбелл заявил это в Клубе искусств в Эдинбурге перед друзьями Гоуэна.

– И что сказал на это сам Гоуэн?

– Много чего. С тех пор они не общаются. Черт бы побрал этого Кэмпбелла. Он не заслуживает того, чтобы жить на белом свете. Слышали, что он мне заявил?

– Да. Да бог с ним! Пусть живет как хочет. Не стоит Кэмпбелл нашего внимания.

– Нет, это факт. Его работы не настолько прекрасны, чтобы ему можно было спустить любую грубость.

– Кэмпбелл не умеет рисовать?

– Рисовать-то он умеет. В определенной степени. Гоуэн называет его коммивояжером. Первое впечатление от его работ весьма сильное, но это обман. Любой может нарисовать так же, если знаком с формулой. Да я за полчаса состряпаю шедевр в манере Кэмпбелла. Я вам сейчас покажу.

Уотерс свесил с кровати одну ногу, но Уимзи решительно уложил его назад.

– В следующий раз. После того как я познакомлюсь с его работами. Без этого я не сумею оценить, насколько хороша подделка. Верно?

– Да. Что ж, тогда взгляните на его работы. А потом я вам покажу, на что способен. Господи, какой в голове туман!

– Постарайтесь заснуть, – предложил Уимзи. – Хотите, попрошу миссис Маклеод позволить вам поспать дольше обычного и подать вместе с тостами на завтрак таблетку аспирина?

– Нет. К несчастью, мне нужно проснуться пораньше. Но завтра утром я буду в порядке.

– В таком случае до скорого и приятных сновидений, – произнес Уимзи.

Он тихо прикрыл за собой дверь и, погрузившись в размышления, направился к собственному дому.

Автомобиль Кэмпбелла, судорожно пыхтя, поднимался на холм, отделявший Керкубри от Гейтхаус-оф-Флита. А его хозяин со злостью дергал рычаг переключения передач и с мрачным выражением лица монотонно перечислял многочисленные обиды. Черт бы побрал эту презрительно ухмыляющуюся свинью Уотерса! Но ему, Кэмпбеллу, все же удалось сбить с него спесь. Жаль только, что все это случилось в присутствии Макгеока. Макгеок непременно передаст все Стрэчену, и тот загордится еще сильнее. «Вот видите, – скажет он, – я запретил этому парню появляться в гольф-клубе, и правильно сделал. Ведь он постоянно напивается и устраивает скандалы в общественных местах». Черт бы побрал Стрэчена с его извечной миной сержанта-майора, распекающего нерадивого подчиненного! Если уж подумать, то именно Стрэчен с его домовитостью, чрезмерной аккуратностью и авторитетом среди местных жителей и является корнем всех зол. Вроде бы ничего не говорит, однако постоянно распускает сплетни, провоцирует скандалы и настраивает всех против одного. А еще он дружит с Фарреном. Тот услышит о сегодняшнем происшествии и непременно использует его, чтобы оправдать собственное оскорбительное поведение. Да если бы не Фаррен, эта проклятая ссора в баре вообще не возникла бы. Отвратительная сцена перед ужином! Именно она привела его, Кэмпбелла, в бар «Герб Макклеллана». Рука водителя замерла на руле. Так почему бы прямо сейчас не поехать и не объясниться с Фарреном?

Что в этом такого, в конце концов? Кэмпбелл остановил машину и закурил. Если все здесь настроено против него, то он возненавидит это место. Есть одна славная женщина, однако она прочно связана с этим животным Фарреном. Но хуже всего то, что она ему предана. Ей ни до кого нет дела, кроме него. Только вот он, похоже, этого не понимает. Но зато об этом известно Кэмпбеллу и всем остальным. Он ведь не замышлял ничего дурного. Усталый и раздраженный, не в силах больше оставаться в собственном холодном и неприятном

жилище, он хотел немного посидеть в нарядной сине-зеленой гостиной Гильды Фаррен и утешиться ее изящной красотой и умиротворяющим голосом. Но Фаррену с его воображением и эмоциями быка непременно нужно было ворваться туда, разрушить чары и растоптать ароматные лилии в райском прибежище Кэмпбелла, истолковав происходящее на свой извращенный лад. Неудивительно, что пейзажи Фаррена выглядят так, словно их писали лезвием топора. В его творениях нет ни капли изящества. Насыщенные алые и голубые оттенки режут глаз. Ведь именно такой он видит жизнь. Если бы Фаррену предстояло умереть сегодня ночью, если бы кто-нибудь начал сдавливать его шею руками с такой силой, что голубые глаза вылезли бы из орбит, как (Кэмпбелл рассмеялся) глаза быка, это было бы весьма забавно. Кэмпбеллу очень хотелось бы сказать об этом Фаррену и проследить за его реакцией.

Фаррен – исчадие ада, животное, бык, воображающий себя великим художником. Только вот у него нет ни вкуса, ни таланта. Нет никакого покоя, когда он рядом. И нигде нет покоя. Кэмпбелл знал, что увидит, вернувшись в Гейтхаус. Стоит лишь посмотреть из окна спальни, и его взгляд тотчас же упадет на Джока Грэма, закидывающего удочку прямо под стенами дома. И ведь он делает это нарочно, желая позлить его, Кэмпбелла. Ну почему Грэм не оставит его в покое? У плотины клев лучше. Так нет, все делается назло. Нельзя просто лечь в постель и сделать вид, будто ничего не происходит. К тому же его все равно разбудят рано утром, начав барабанить в окно и похваляться уловом. Не исключено, что мерзавцы, словно в насмешку, оставят на подоконнике одну из форелей, причем самую мелкую, из тех, что за ненадобностью выбрасывают обратно в реку. Кэмпбеллу оставалось лишь надеяться, что в одну из ночей Грэм поскользнется на камнях, наполнит свои болотные сапоги водой и отправится на дно к своей проклятой рыбе.

Но более всего Кэмпбелла раздражало то, что эта ночная комедия разыгрывалась на глазах благодарного зрителя – его соседа Фергюсона. После той ссоры из-за садовой стены Фергюсон стал совершенно невыносим.

Нет, никто не спорит, он, Кэмпбелл, действительно врезался в стену соседа, давая задний ход, и выбил из нее камень или два. Но если бы Фергюсон починил ее должным образом, ничего подобного не случилось бы. Растущее в саду Фергюсона огромное дерево пустило корни под стену, разрушив ее основание, а отростки пробрались в сад Кэмпбелла. И теперь ему приходится регулярно выкорчевывать их. Никто не имеет права сажать деревья возле стен, чтобы те рушились от малейшего прикосновения, а потом требовать огромных денег за ремонт. Не станет он чинить стену Фергюсона, черт бы его побрал!

Кэмпбелл заскрежетал зубами. Эти незначительные мелкие ссоры раздражали, и ему ужасно хотелось ввязаться в какую-нибудь крупную драку. Если бы только удалось дать себе волю и превратить лицо Уотерса в месиво, сейчас он чувствовал бы себя гораздо лучше. Однако еще не поздно вернуться или двинуться вперед – без разницы – и с кем-нибудь сцепиться.

Кэмпбелл так глубоко погрузился в размышления, что не расслышал шума мотора в отдалении и не заметил света фар, то появлявшегося, то исчезающего на петлявшей по холмам дороге. Из раздумий его вывел оглушающий визг тормозов и громкий крик:

– Какого черта ты делаешь, болван, остановившись посреди дороги на самом повороте?

А потом, когда Кэмпбелл повернулся, шурясь в ослепляющем свете фар и пытаясь решить, как поступить в сложившейся ситуации, все тот же голос с каким-то гневным торжеством произнес:

– Кэмпбелл. Ну конечно. Мне следовало догадаться, что это именно он.

Кэмпбелл мертв

– Слышали про мистера Кэмпбелла? – спросил мистер Мердок, хозяин бара «Герб Макклеллана», тщательно протирая стакан перед тем, как наполнить его пивом.

– Нет. В какую еще передрагу он успел попасть? – спросил Уимзи и, облокотившись о барную стойку, приготовился наслаждаться рассказом.

– Он умер.

– Умер? – Ответ ошеломил Уимзи настолько, что он, сам того не сознавая, начал копировать речь собеседника.

Мистер Мердок кивнул:

– Да. Макадам только что приехал с новостями из Гейтсхауса. Тело нашли в два часа дня в холмах близ Ньютон-Стюарта.

– Святые небеса! – воскликнул Уимзи. – И отчего же он скончался?

– Упал в речку и захлебнулся. Так говорят. Туда уже отправились полицейские.

– Несчастный случай, полагаю.

– Наверное. Люди из Боргана видели Кэмпбелла после десяти часов утра. Он расположился недалеко от моста и рисовал. В два часа дня проходивший мимо со своей удочкой майор Дугал заметил лежавшее в воде тело. Весь берег покрыт большими скользкими валунами. Наверное, он решил спуститься вниз, чтобы набрать воды для своих красок, и поскользнулся.

– Масляные краски водой не разводят, – заметил Уимзи. – Но, вероятно, Кэмпбелл решил размешать горчицу для сэндвича, наполнить чайник или разбавить виски. Знаете, Мердок, отправлюсь-ка я, пожалуй, туда и взгляну, что да как. Вы же знаете, что трупы – моя страсть. Где находится это место?

– Поезжайте по дороге, что тянется вдоль берега через Критаун в сторону Ньютон-Стюарта, – пояснил Мердок. – За мостом сверните направо. А потом еще раз направо возле указательного столба на дороге, ведущей на Багреннан. Дальше двигайтесь до тех пор, пока не минуете небольшой мост через Кри, и держитесь правее.

– В общем, – произнес Уимзи, – нужно постоянно поворачивать направо. Я знаю это место. Там есть мост, шлагбаум и речушка, в которой водится лосось.

– Да, она называется Миннох. Там мистер Деннисон выловил в прошлом году огромную рыбину. Это место будет как раз перед шлагбаумом. Чуть левее.

Уимзи кивнул:

– В таком случае разрешите откланяться. Не хочется пропустить это событие. Увидимся позднее, старина. Готов поклясться, это самая оригинальная проделка Кэмпбелла. Ничто в жизни ему не удалось лучше, чем уход из нее. Что скажете?

Это был восхитительный день августа, и сидящий за рулем автомобиля Уимзи едва не мурлыкал от удовольствия. Дорога из Керкубри в Ньютон-Стюарт отличалась редкой красотой. А если к этому прибавить ярко сияющее в чистом небе солнце, плывущие белоснежные облака, пестреющие цветами живые изгороди, отличную ровную дорогу, мерно урчащий мощный мотор и ожидающий в конце пути труп, то чашу счастья Питера Уимзи можно было считать полной. Он был человеком, предпочитавшим простые удовольствия.

Его светлость миновал Гейтсхаус, бодро помахав рукой хозяину гостиницы «Энвос», проехал мимо мрачно-темных стен замка Кардонесс, в тысячный раз подивился странной японской красоте фермы Мосс-Ярд, напоминавшей алый рубин в обрамлении редких деревьев на фоне голубой воды, и итальянскому очарованию Киркдейла, окаймленного тонкими, переплетенными между собой деревьями и лазурной полоской побережья залива Уигтаун, поблескивающей от солнца. Затем взору Уимзи открылась старая приграничная крепость Бархольма,

окруженная белоснежными домиками фермеров. А потом его внезапно ослепила пронзительная зелень травы, вынырнувшая из тени раскидистых деревьев, подобно одной из лужаек Авалона⁴. Заросли дикого чеснока остались позади, но его аромат все еще витал в воздухе, наполняя его трепетом крыльев вампиров и напоминая о темном прошлом крепости. Его светлости встретилась старая мельница на белом фундаменте, сложенная из осыпавшегося гранита и окруженная облаком каменной пыли; буровая вышка, четко вырисовывавшаяся на фоне неба и стоявший на якоре буксир. Затем взору нашего путешественника открылись развешанные для просушки сети и полукружье залива с мутной лилово-коричневой водой, берегами, покрытыми розовым ковром цветущей армерии и величественной горой Кэрнсмор, грозно возвышающейся над Критауном. И снова дорога – ныряющая и петляющая, какие-то белые строения слева от нее, скользящие по поверхности тени облаков, домики с розами и астрами, жмушмились к белым и желтым стенам, а потом Ньютон-Стюарт с его серыми крышами, небольшими группами спускавшимися к каменистому руслу Кри, и устремленными ввысь остроконечными башенками. Дорога тянется через мост и уходит вправо возле церковного кладбища, ведя в Багрэннан. Она петляет и извивается подобно речушке Кри, выглядывающей из-за стволов деревьев, высоких цветов и зарослей папоротника-орляка у обочины. Дальше снова какое-то строение и длинная аллея из рододендронов, лесок из серебристых берез, тянущихся все выше и выше, до тех пор, пока не закроют собой солнечный свет. Затем небольшое скопление каменных домиков, мост и шлагбаум, каменистая дорога, вьющаяся между округлыми холмами, похожими на дворец короля эльфов, покрытый сочной зеленой травой и лиловый от вереска, менявшего свой оттенок в тени набегавших облаков.

Подъехав ко второму мосту со старым шлагбаумом, Уимзи сбавил скорость и припарковался на поросшей травой обочине, где уже находились другие автомобили. Бросив взгляд налево, он заметил группу людей, столпившихся на краю речушки ярдах в сорока – пятидесяти от дороги. Он двинулся к ним по протоптанной овцами тропинке и вскоре оказался на краю гранитной скалы, отвесно спускавшейся к шумным водам Минноха. Рядом с ним, почти у обрыва, стояли мольберт и небольшой стульчик, на котором лежала палитра. Внизу, у самой кромки коричневой воды, среди кустов боярышника лежало нечто странное и зловещее. Над этим трудноразличимым объектом склонились два или три человека.

Незнакомый мужчина – вероятно, местный фермер – поприветствовал Уимзи с каким-то настороженным волнением.

– Он там, внизу, сэр. Упал с обрыва. Сержант Дэлзиел и констебль Росс расследуют обстоятельства.

С первого взгляда становилось понятно, что здесь произошло. К мольберту был прикреплен холст с нанесенным на него рисунком. Работу выполнили лишь наполовину, краски еще не успели высохнуть и влажно поблескивали в лучах солнца. Уимзи представил, как художник поднимается со своего места, отходит назад, чтобы посмотреть на результат собственного труда, пятится к вероломному обрыву. Затем скрип каблука по гладкой каменной поверхности, отчаянная попытка сохранить равновесие, скольжение кожаной подошвы по невысокой траве, пошатывание, падение – и тело с глухим стуком ударяется об острые камни, что торчат из бурлящей воды подобно клыкам огромного чудовища.

– Я знал его, – произнес Уимзи. – Как ужасно, верно? Пожалуй, спущусь вниз и посмотрю, что там.

– Глядите под ноги, – предостерег фермер.

– Непременно, – ответил Уимзи, подобно крабу карабкаясь по камням и зарослям папоротника. – Мне совсем не улыбается перспектива стать еще одним предметом интереса полиции.

⁴ Мифический остров в кельтских легендах.

Услышав шум, сержант поднял голову. Он и его светлость уже встречались, поэтому Дэлзиел знал об интересе Уимзи к разного рода происшествиям.

– Приветствую вас, милорд! – весело произнес он. – Я не сомневался, что в скором времени увижу вас здесь. Возможно, вы знаете доктора Кэмерона?

Уимзи пожал руку врачу – долговязому мужчине с непримечательным лицом – и спросил, как продвигается расследование.

– Я уже осмотрел его, – сообщил доктор. – Смерть наступила несколько часов назад. Трупное окоченение ярко выражено.

– Он захлебнулся?

– Точно сказать не могу. Но по моему мнению – заметьте, весьма субъективному, – причина смерти не в этом. Височная кость сломана, поэтому я склонен считать, что он скончался вследствие падения или удара о камни вниз. Но вы же понимаете, что я не могу дать официального заключения до тех пор, пока не произведу вскрытие и не увижу, есть ли в легких вода.

– Да, – кивнул Уимзи. – Ударившись головой, он мог лишиться сознания, а настоящей причиной смерти стало утопление.

– Именно так. Когда мы обнаружили его, рот находился под водой. Но так могло произойти и оттого, что почву под телом смыло потоком и голова ушла под воду. На руках и голове имеются ссадины, некоторые – но это опять же мое субъективное мнение – получены уже после смерти. Вот видите? Здесь и здесь.

Доктор перевернул труп, чтобы его светлость мог получше рассмотреть царапины. Потревоженное тело осталось таким же скрюченным, как и прежде, словно Кэмпбелл застыл в тот момент, когда пытался защитить лицо от угрожающе острых камней.

– Самый сильный удар пришелся вот сюда, – добавил доктор.

Он взял руку Уимзи в свою, приложил пальцы к левому виску покойного, и его светлость почувствовал, как от легкого касания кость поддалась.

– Природой устроено так, что в этом месте мозг защищен хуже всего, – объяснил доктор Кэмерон. – Здесь кости черепа заметно тоньше и даже от сравнительно несильного удара могут треснуть точно яичная скорлупа.

Изящные длинные пальцы Уимзи осторожно ощупывали голову и конечности погибшего. Доктор наблюдал за его действиями с выражением одобрения на лице.

– Послушайте, – произнес он, – из вас получился бы превосходный хирург. Ваши руки словно созданы для этого.

– Но не мозги, – со смехом возразил Уимзи. – Да, у него достаточное количество повреждений. Что неудивительно после падения с такого обрыва.

– Опасное место, – заметил сержант. – Что ж, доктор, тут мы уже все осмотрели. Наверное, надо отнести труп в машину.

– А я поднимусь наверх и взгляну на картину, – сказал Уимзи, – если, конечно, вам не потребуется моя помощь здесь. Мне не хотелось бы мешаться под ногами.

– Нет-нет, – поспешно возразил сержант. – Спасибо за предложение, милорд, но мы справимся сами.

Наклонившись, сержант и констебль подхватили тело с двух сторон. Убедившись в том, что они действительно не нуждаются в помощи, Уимзи вновь вскарабкался наверх. Вот теперь ему удалось как следует рассмотреть творение покойного Кэмпбелла. Быстро и умело нанесенным мазкам не хватало завершенности, и все же чередование света и тени, искусно созданное мастихином, производило неизгладимое впечатление. На полотне был нарисован рассвет. Уимзи вспомнил показания свидетелей о том, что они видели художника за работой уже в десять часов утра. Серые камни изображенного на пейзаже моста отливали прохладным золотом раннего утра. На их фоне пламенели алые и желтые ягоды рябины, отбрасывая яркие блики на бурлящую внизу коричневую с белой пеной воду. В левом углу холста просматривались

сквозь зыбкую голубую пелену вершины холмов, устремленные в подернутые предрассветной дымкой небеса. На переднем плане раскинулся во всем своем золотистом великолепии папоротник-орляк, усыпанный разноцветными каплями росы.

Уимзи поднял со стульчика палитру и мастихин. Он уже заметил, что Кэмпбелл использовал всего несколько красок, и это произвело на него благоприятное впечатление, поскольку он очень любил, когда экономия средств приводила в итоге к незаурядному результату. На земле лежала старая сумка, вероятно, служившая своему хозяину не один год. Скорее по привычке, нежели следуя дедуктивному методу, Уимзи внимательно изучил ее содержимое.

В основном отделении он обнаружил небольшую, наполовину пустую фляжку с виски, стакан с толстыми стенками, сверток с хлебом и сыром, восемь кистей, связанных вместе обрывком тряпицы, служившей некогда носовым платком, а теперь превратившейся в тряпку, дюжину кистей разного размера, еще парочку мастихинов и скребок. В сумке было и несколько тюбиков с краской. Уимзи аккуратно разложил их на гранитной поверхности подобно ряду маленьких трупов.

Среди них были: совсем новый чистый тюбик, наполненный киноварью, весом полфунта, полупустой тюбик ультрамарина № 2, еще один почти полный тюбик желтого крона и точно такой же, но совершенно пустой. Уимзи отметил не совсем полный полуфунтовый тюбик зеленовато-голубой краски, опустевший на три четверти тюбик кобальта и еще один – невероятно грязный, без этикетки, которому изрядно досталось в этой жизни. Только вот на его содержимом это никак не отразилось. Он оставался практически полным. Открутив колпачок, Уимзи разглядел темно-малиновый оттенок. Коллекцию завершал почти пустой тюбик бледно-розовой краски и полуфунтовый очень грязный тюбик лимонной. Судя по всему, ею пользовались тоже не слишком часто.

С минуту Уимзи рассматривал сей натюрморт, а потом решительно сунул руку в сумку. Однако в основном отделении больше ничего не было, кроме нескольких цветков сухого вереска, остатков табака и многочисленных крошек. Поэтому его светлость переключил свое внимание на два других, сравнительно небольших отделения.

В первом обнаружилась небольшая пачка вошеной бумаги, о какую вытирались кисти, маленькая оловянная баночка из-под репеллента с липкой завинчивающейся крышкой, в которой содержалась камедь, и старый ковшик, похожий на тот, что был прикреплен к мольберту.

Третье, и последнее, отделение сумки было заполнено всевозможными мелочами. Здесь лежал спичечный коробок фирмы «Суон Веста» с кусочками древесного угля внутри, оловянный портсигар, также содержащий уголь, и несколько мелков красного цвета; небольшой блокнот для зарисовок, изрядно перепачканный маслом; три или четыре ножа для резки холста, остроту которых Уимзи опробовал на собственных пальцах; несколько пробок от бутылок и пачка сигарет.

Длинный любопытный нос Уимзи подрагивал, как у кролика, когда он перевернул сумку и хорошенько встряхнул ее в слабой надежде извлечь из глубин что-нибудь еще. Он выпрямился в полный рост и тщательно осмотрел мольберт, землю вокруг него и стульчик, на котором сидел художник.

Рядом с мольбертом лежал широкий плащ в крупную клетку. Уимзи поднял его с земли и внимательно обследовал карманы. В них он обнаружил перочинный нож с одним сломанным лезвием, половинку печенья, еще одну пачку сигарет, коробок спичек, носовой платок, два мотка лески для форели в прозрачной бумаге и обрывок веревки.

Его светлость покачал головой. Искомое среди этих вещей не оказалось. Он вновь обследовал землю, вода носом точно собака, почуявшая след, а затем, разочарованный результатом, начал осторожно спускаться по гладкой каменной поверхности. Там были трещины, в которых могло что-нибудь застрять, а также заросли папоротника и вереска и колючие корни утесника. Его светлость обыскал и ощупал каждый дюйм, укалывая пальцы и отчаянно ругаясь. Колючки

утесника пробрались ему в штанины и ботинки. Жара сводила с ума. Почти спустившись к воде, Уимзи поскользнулся и был вынужден проделать остаток пути на ягодицах. Услышав окрик, его светлость поднял голову.

– Пытаетесь восстановить события, милорд?

– Не совсем, – ответил Уимзи. – Подождите, не уходите.

Он снова вскарабкался наверх. Труп уже лежал на носилках в ожидании транспортировки.

– Вы обыскали его карманы? – тяжело дыша, спросил Уимзи.

– Пока нет, милорд. Для этого будет достаточно времени в участке. Вы же знаете, что это простая формальность.

– Нет, – возразил Уимзи, сдвинул шляпу на затылок и вытер пот со лба. – Кое-что кажется мне весьма странным, Дэлзиел. Я осмотрю карманы покойного прямо сейчас?

– Разумеется. Мы никуда не торопимся. Так что вполне можем сделать это здесь, а не в участке.

Уимзи присел на корточки рядом с носилками, а сержант расположился поблизости и достал блокнот, приготовившись составлять описание содержимого карманов.

В правом кармане куртки обнаружился еще один носовой платок, каталог «Харди», два мятых счета и предмет, заставивший сержанта со смехом воскликнуть:

– Что это? Губная помада?

– Ничего непристойного, – печально промолвил Уимзи. – Это держатель для графитового карандаша. Кстати, произведенный в Германии. Что ж, если мы нашли эту вещь, то в кармане должно быть что-нибудь еще.

Однако содержимое левого кармана оказалось не таким уж интересным – небольшой штопор и крошки. В нагрудном кармане лежали часы фирмы «Ингерсолл», расческа и наполовину использованный блокнот с почтовыми марками. После этого Уимзи без особого энтузиазма переключился на карманы брюк, поскольку покойный не надел жилета.

В правом кармане он нашел немного денег – монеты и мелкие купюры – и связку ключей на кольце. В левом кармане – пустой спичечный коробок и складные маникюрные ножницы. В заднем кармане хранилась пачка ветхих писем, несколько газетных вырезок и маленький блокнот без записей.

Уимзи выпрямился и внимательно посмотрел на сержанта.

– Нужной мне вещи здесь нет, – сообщил он, – и я понятия не имею, где ее искать, Дэлзиел. У меня лишь одно объяснение: искомый предмет мог упасть в воду. Ради бога, созовите своих людей и отправьте на поиски прямо сейчас. Не теряйте ни минуты.

Сержант ошеломленно смотрел на пребывающего в сильном возбуждении южанина, а констебль сдвинул свою фуражку и озадаченно поскреб затылок.

– Что именно мы должны найти? – спросил он.

(Лорд Питер Уимзи объяснил, что и зачем он собирается искать, и сообразительный читатель наверняка сам догадается, о чем идет речь, поэтому детали опустим.)

– Значит, вы считаете, что это очень важно, – протянул Дэлзиел с видом человека, блуждающего впотьмах и силящегося разглядеть впереди хоть какой-то проблеск света.

– Важно? – переспросил Уимзи. – Конечно, это очень важно. Чрезвычайно! Вы полагаете, я стал бы кататься по этому проклятому склону, постепенно превращаясь в игольницу, утыканную булавками, если бы это не было важно?

Данный аргумент произвел на сержанта впечатление. Он созвал своих подчиненных и отдал им приказ прочесать тропинку, берег и дно речушки в поисках затерявшейся улики. Уимзи же тем временем направился к старенькому четырехместному «моррису», стоявшему на траве в самом начале тропы.

– Да, – кивнул констебль Росс, выпрямляясь и слюнявя пальцы, прежде чем погрузить их в колючие заросли, – это его машина. Может, в ней вы отыщете то, что вам необходимо.

– Вы и сами в это не верите, приятель, – произнес Уимзи, однако подверг автомобиль покойного тщательному осмотру, сосредоточив все свое внимание на заднем сиденье.

Особенно его заинтересовало черное масляное пятно. Лорд Питер тщательно изучил его с помощью лупы, тихонько насвистывая себе под нос. Вскоре он заметил еще одно похожее пятно сразу за водительским сиденьем. Там же, на полу, лежал свернутый коврик. Его Питер Уимзи осмотрел дюйм за дюймом и был вознагражден, обнаружив немного гравия и масляное пятно.

Уимзи достал из кармана трубку и закурил. После этого он пошарил в карманах сидений и вытащил карту местности. Устроившись на водительском месте, лорд Питер разложил карту на руле и погрузился в размышления.

Вскоре вернулся сержант. Он был в одной рубашке, а его лицо покраснелось и покрылось капельками пота.

– Мы обыскали обрыв сверху донизу, – сообщил он, наклоняясь, чтобы выжать воду из штанины, – но так и не нашли то, что вам нужно. Может, теперь вы нам объясните, почему считаете этот предмет таким важным?

– Вот как? – поднял брови Уимзи. – По-моему, вы изрядно взмокли, Дэлзиел. А я прекрасно охладился, сидя в тени. Значит, вы ничего не нашли?

– Нет, – с вызовом ответил сержант.

– В таком случае, – произнес лорд Уимзи, – вам лучше обратиться к коронеру. Хотя нет, у вас же в участке нет coronera. Тогда вам нужен окружной прокурор. Отправляйтесь к нему и доложите, что Кэмпбелла убили.

– Убили? – воскликнул Дэлзиел.

– Да. Мы действительно имеем дело с убийством.

– Эй! – позвал сержант. – Это я тебе, Росс!

Констебль быстро подошел к нему.

– Его светлость полагает, что Кэмпбелла убили, – пояснил Дэлзиел.

– Правда? – удивился Росс. – Ну и дела. И что же заставило его светлость сделать такой вывод?

– Степень окоченения, – начал перечислять Уимзи, – то обстоятельство, что вы не сумели отыскать нужного мне предмета, пятна смазки на сиденьях «морриса» и характер покойного. Он был человеком, убийством которого многие могли бы гордиться.

– Что касается трупного окоченения, – произнес сержант, – то это сфера доктора Кэмерона.

– Должен признаться, – сказал врач, присоединившийся к компании, – что я весьма озадачен. Если бы покойного не видели после десяти часов утра, я бы решил, что он мертв уже часов двенадцать.

– О том и речь, – кивнул Уимзи. – Но можно заметить, что пейзаж, выполненный быстро-сохнущей краской, до сих пор кое-где остался влажным, несмотря на палящее солнце и сухой воздух.

– Да, – кивнул доктор. – Я вынужден заключить, что труп окоченел быстрее из-за ледяной воды.

– А вот я не стану делать подобных выводов. Я полагаю, что Кэмпбелла убили примерно около полуночи. Картина меня не убеждает. И я не верю, что она говорит нам правду. Кэмпбелл никак не мог работать над ней сегодня в десять часов утра.

– Это почему же? – поинтересовался сержант.

– На то есть причины, о каких я упоминал ранее, – ответил Уимзи. – И еще кое-что. Мелочь, но она подтверждает мое предположение. Место происшествия выглядит так, словно

Кэмпбелл поднялся со своего места, отошел назад, чтобы взглянуть на свое творение издали, споткнулся и упал вниз. Однако палитра и мастихин аккуратно лежали на стуле. Если бы все действительно было так, как я описал выше, Кэмпбелл оставил бы палитру на пальце и держал в руке кисть или мастихин, чтобы в случае необходимости нанести дополнительный мазок. Я не говорю, что он не мог положить их на стул. Просто хочу сказать, что все выглядело бы более естественно, если бы мы нашли палитру рядом с телом, а мастихин – где-нибудь на склоне.

– Верно, – согласился Росс. – Мне приходилось видеть, как они это делают. Отходят на несколько шагов назад, слегка прикрыв глаза, а потом подаются вперед с кистью в руке, будто готовятся метнуть дротик.

– Моя версия такова, – продолжил Уимзи. – Убийца привез тело Кэмпбелла на склон рано утром в его собственной машине. На нем была шляпа покойного с мягкими полями и этот отвратительный клетчатый плащ, чтобы проходившие мимо люди приняли его за Кэмпбелла. Труп лежал на полу в машине, накрытый сверху велосипедом, который и оставил масляные пятна на обивке. Все это было прикрыто ковриком – на нем имеются аналогичные масляные пятна. Потом преступник вытащил тело из машины, на плечах отнес к краю обрыва и столкнул вниз. А может, оставил до поры до времени наверху, накрытое ковриком, а сам, все еще в шляпе и плаще Кэмпбелла, сел за мольберт и нарисовал картину. Создав видимость, будто Кэмпбелл творит на свежем воздухе, убийца снял шляпу и плащ, оставил палитру и мастихин на стульчике и преспокойно убрался восвояси на велосипеде. Место это настолько уединенное, что здесь можно совершить дюжину убийств, если правильно рассчитать время.

– Любопытная версия, – протянул Дэлзиел.

– Ее можно проверить, – сказал Уимзи. – Если вы найдете свидетеля, которому удалось поговорить с Кэмпбеллом или подойти настолько близко, чтобы разглядеть его лицо, так и быть, я признаю, что ошибся. Но если свидетели видели лишь шляпу и плащ и заметили нечто громоздкое на заднем сиденье автомобиля, тогда моя версия имеет право на существование. Заметьте, я настаиваю на обязательном наличии велосипеда. Но на месте убийцы я воспользовался бы именно этим средством передвижения. Если же вы внимательнее изучите масляное пятно с помощью лупы, то наверняка обратите внимание на оставленные шинами отметины.

– Я не говорю, что вы не правы, – произнес Дэлзиел.

– Что ж, хорошо, – продолжил Уимзи. – Давайте представим дальнейшие действия преступника. – Его светлость выразительно похлопал по карте, и оба полисмента склонились над ней вместе с ним. – Итак, у него под рукой только велосипед, и ему необходимо создать себе алиби. Возможно, он не стал ломать голову и придумывать сложную комбинацию. И все же ему необходимо было как можно скорее убраться отсюда. Сомневаюсь, чтобы он направился в Ньютон-Стюарт или Критаун. Вряд ли преступник двинулся на север. Ведь там вокруг Ларга и Ринз-оф-Келлз одни холмы. Он мог поехать в сторону Глен-Трул, но это лишено смысла. Поэтому ему оставалось лишь вернуться тем же путем, каким он прибыл сюда. Конечно, убийца мог направиться вдоль реки Кри по восточному берегу и добраться до Миннигафа, минуя Ньютон-Стюарт, и затем оказаться в Нью-Галловее. Но этот путь слишком длинный и проходит в непосредственной близости от места преступления. По-моему, для него было лучше всего вернуться на дорогу и поехать на северо-запад мимо Багрэннана, Кэрндерри, Крисайда и Драмбейна, чтобы попасть на железнодорожную станцию в Бархилле. Это примерно девять или десять миль. Он вполне мог преодолеть это расстояние за час, если ехал быстро, или за полтора часа в случае не слишком хорошей дороги. Предположим, что преступник закончил картину в одиннадцать часов. Тогда он попадает на станцию Бархилл в двенадцать тридцать. Там он мог сесть на поезд, отправляющийся в Странрар, Порт-Патрик или даже в Глазго. Если же он бросил где-то свой велосипед, то ему уже ничто не мешало воспользоваться автобусом. На вашем месте я бы начал расследование с этого направления.

Сержант посмотрел на своих коллег и заметил в их глазах одобрение.

– А кто, по вашему мнению, милорд, мог бы с большей вероятностью совершить данное преступление? – спросил он.

– Ну, – пожал плечами Уимзи, – мне приходят на ум полдюжины человек с весьма вескими мотивами. Однако убийца должен быть художником, причем талантливым. Ведь ему необходимо было убедить окружающих, будто картину написал Кэмпбелл. Он должен уметь водить автомобиль и иметь велосипед. Или знать, где его добыть. К тому же он наверняка крепко сложен, коль с легкостью нес тело на себе. А это так, ведь следов волочения я не обнаружил. Вероятно, он встретился с Кэмпбелом после четверти десятого прошлым вечером. В это время я видел, как тот покидал бар «Герб Маккеллана» живым и раздраженным. Еще убийца должен прекрасно знать местность и людей. Очевидно, ему было известно, что Кэмпбелл проживает один. К нему приходила лишь уборщица, и его отъезд из дома рано утром никого не удивил бы. Преступник живет где-то поблизости или имеет веские причины для того, чтобы подниматься рано утром, до завтрака. Если вы найдете мужчину, отвечающего всем этим условиям, то это наверняка и есть убийца. Его вполне можно отследить по железнодорожному билету, если, конечно, он брал такой. Но не исключено, что я сам вам на него укажу, если еще немного поразмышляю над этим делом.

– Ладно, – кивнул сержант. – Когда догадаетесь, кто он такой, сообщите нам.

– Непременно, – пообещал Уимзи. – Только это вряд ли доставит мне удовольствие. Ставлю десять к одному, что убийцей окажется кто-то, кого я прекрасно знаю и к кому испытываю большую симпатию, нежели к Кэмпбеллу. И все же людей убивать нельзя, какими бы неприятными они ни были. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы изловить его. Если, конечно, он не перережет мне глотку.

Фергюсон

По дороге в Керкубри лорду Уимзи пришло в голову, что неплохо бы выпить чаю и заглянуть в дом Кэмпбелла. Поэтому он заехал в отель «Энвос» и, жадно поглощая картофельные лепешки и имбирный кекс, набросал примерный список подозреваемых:

Жители Керкубри:

1. Майкл Уотерс: 28 лет, рост 5 футов 10 дюймов, холост; снимает квартиру; пишет пейзажи; хвастался тем, что может подделывать манеру Кэмпбелла; повздорил с ним накануне вечером и грозился свернуть ему шею.

2. Хью Фаррен: 35 лет, рост 5 футов 9 дюймов, женат; пишет портреты и пейзажи; невероятно широк в плечах; ревновал к Кэмпбеллу; живет вместе с женой, которая, судя по всему, сильно к нему привязана.

3. Мэтью Гоуэн: 46 лет, рост 6 футов 1 дюйм, холост, пишет портреты и пейзажи, а также увлекается гравюрой; имеет дом со слугами; состоятелен; подвергся публичному оскорблению со стороны Кэмпбелла; отказывается с ним разговаривать.

Жители Гейтхаус-оф-Флита:

4. Джок Грэм: 36 лет, рост 5 футов 11 дюймов, холост; проживает в гостинице «Энвос»; портретист; заядлый рыбак; безрассуден; сильно повздорил с Кэмпбеллом и окунул того во Флит, будучи оскорбленным.

5. Генри Стрэчен: 38 лет, рост 6 футов 2 дюйма, женат; имеет ребенка и слугу; пишет портреты и подрабатывает иллюстратором; является председателем гольф-клуба; поссорился с Кэмпбеллом и лишил его членства в клубе.

Лорд Уимзи остановился как раз на этом месте, когда в столовую вошел хозяин гостиницы. Его светлость сообщил последние новости, не упоминая о том, что произошло убийство, и заметил, что намерен съездить к дому Кэмпбелла и расспросить его соседей.

– Вряд ли вы что-либо узнаете, – заметил хозяин. – Миссис Грин, которую он нанял убираться, у себя дома. Она ничего не знает, кроме того, что, когда пришла в восемь часов утра убираться, Кэмпбелла уже не было. А мистер Фергюсон, живущий по соседству, с первым поездом уехал в Глазго.

– Фергюсон? – переспросил лорд Питер. – По-моему, я с ним встречался. Не он ли расписывал фресками здание муниципалитета?

– Да. Он хороший художник. Да вы наверняка видели его разъезжающим на своем крошечном «остине». У него студия по соседству с домом Кэмпбелла. Приезжает в наши места каждое лето.

– Женат?

– Да, но его жены сейчас нет. Отправилась в Эдинбург навестить друзей. Они не очень ладят.

– Кто, Фергюсон и Кэмпбелл?

– Нет, Фергюсон и миссис Фергюсон. Но и с Кэмпбеллом их тоже нельзя назвать друзьями. Они рассорились в пух и прах, когда Кэмпбелл въехал в стену сада Фергюсона.

«Интересно, есть ли в Стюартри хоть один человек, которому удалось избежать ссоры с Кэмпбеллом», – подумал Уимзи и внес в свой список еще один пункт:

«6. Джон Фергюсон: около 36 лет, рост 5 футов 10 дюймов, соломенный вдовец; пишет пейзажи и портреты; поссорился с Кэмпбеллом из-за стены».

– Кстати, – продолжил его светлость, – а нет ли где-нибудь поблизости Джок Грэма?

– Ах, Джок... Нет. Вчера так и не вернулся в свой номер. Сказал, что, возможно, пойдет удить рыбу на озеро Трул.

– Ого! – воскликнул Уимзи. – На озеро Трул, говорите? Почему именно туда?

– Думаю, его пригласил управляющий. Наверное, он провел ночь в Ньютон-Стюарте, а рано утром отправился на озеро вместе с управляющим. Или рыбачил на озере всю ночь.

– Вы так считаете? – спросил Уимзи.

Заявление хозяина гостиницы только еще больше все запутывало. Деятельный человек вполне мог отвезти тело в Миннох и вернуться в Ньютон-Стюарт к назначенному времени, если только встреча не должна была состояться слишком рано. А это скорее всего так и случилось. К тому же Джок Грэм любит бодрствовать ночью.

– А сегодня вечером он вернется, Джо?

– Этого я вам тоже не могу сказать, – произнес хозяин гостиницы, одним ударом разбив все надежды его светлости. – Они останутся на озере еще на одну ночь, если будет хороший клев.

– Хм! Это замечательно. А я, пожалуй, пойду.

Уимзи оплатил счет и спустился вниз, сопровождаемый хозяином гостиницы.

– Как дела у Энди? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Прекрасно, – ответил его собеседник. – Только вот сегодня день у него не задался с самого утра. Кто-то украл его велосипед. И обиднее всего то, что он совсем недавно поставил на оба колеса новые шины.

Держа палец на стартере и стараясь не показывать своего волнения, его светлость спросил:

– Как же это получилось?

– Да парень сам виноват. Оставлял велосипед повсюду. Наверняка это сделали проезжие торговцы коврами. Никто из жителей Гейтхауса не способен на подобное.

– Когда мальчик хватился его?

– Сегодня утром, собираясь в школу. Слава богу, это был не мотоцикл, который он так упрашивает ему купить.

– Осмелюсь предположить, что кто-то просто одолжил ваш велосипед.

– Не исключено. Поживем – увидим. Хорошего дня вашей светлости.

Уимзи не поехал по мосту, а свернул на дорогу, ведущую к железнодорожной станции. Он миновал поворот налево, к старой энвосской церкви и Критауну, и двигался вдоль русла реки Флит, пока не добрался до съезда направо. Узкая дорога тянулась к двум стоявшим особняком домам, выходящим окнами на глубокую запруду. Ту самую, куда Джок Грэм окунул покойного ныне Кэмпбелла.

При обычных обстоятельствах двери обоих домов наверняка оказались бы открытыми, но сегодня нижний дом, принадлежавший Кэмпбеллу, был на замке. Скорее всего, его заперли заглянувшие сюда полицейские. Уимзи заглянул во все окна первого этажа. Вроде все вещи лежали на своих местах, там, где их оставила утром уборщица. В передней части дома располагались по-холостяцки обставленная гостиная и кухня. Спальня, судя по всему, находилась на втором этаже. Позади кухни виднелась пристройка со стеклянной крышей, в которой Кэмпбелл устроил студию. По правую руку пустовал предназначавшийся для «морриса» гараж, а свежие следы колес в пыли указывали, в какую именно сторону поехал автомобиль. Позади дома виднелась калитка, которая вела в небольшой неухоженный садик. Рядом со студией находилась стена из грубого камня, отделявшая владения Кэмпбелла от соседских. Уимзи заметил пролом в стене и кучку осколков в том месте, где Кэмпбелл неосмотрительно сдавал задом при въезде в гараж и тем самым навлек на себя гнев соседа.

Дом Фергюсона как две капли воды походил на дом Кэмпбелла. Однако здесь сад был ухоженным, а современный гараж, облицованный рифленным железом, поблескивал в лучах солнца. Уимзи толкнул дверь и обнаружил в гараже новенький двухместный автомобиль.

На лице лорда Питера отразилось удивление. Фергюсон отправился в Глазго первым поездом со станции Гейтхаус, располагавшейся в шести с половиной милях от города. Почему же он не воспользовался автомобилем? Фергюсон вполне мог оставить его на станции до своего возвращения. Побоялся бросать свою новую игрушку на произвол судьбы? Или же собирался отсутствовать длительное время?

Уимзи приподнял капот. А вот и объяснение. Пустота и несколько свисающих проводов свидетельствовали об отсутствии индуктора. Вероятно, Фергюсон забрал его с собой в Глазго, чтобы отремонтировать. Но в таком случае как он добрался до станции? Подвез кто-либо из друзей? Добрался автобусом? На велосипеде? Самый простой способ выяснить это – отправиться на станцию и спросить. В маленьких городках ни один пассажир не останется незамеченным. Кстати, неплохо бы убедиться, что Фергюсон действительно сел в поезд.

Уимзи опустил капот и аккуратно прикрыл за собой дверь гаража. Дверь в дом была не заперта, поэтому он вошел внутрь и осмотрелся. Обстановка в нем была примерно такой же, как и в любом доме. Чисто, аккуратно, но ничего примечательного. Миссис Грин постаралась на славу: прибралась не только в доме, но и в студии. В отсутствие хозяина она могла сколь угодно переставлять банки с краской, не встречая при этом никаких возражений. Уимзи окинул взглядом нагромождение незаконченных набросков возле стены, прищурившись, изучил прикрепленный к мольберту детально проработанный, хотя и немного вычурный, пейзаж. Машинально отметил, что Фергюсон покупает художественные принадлежности у Робертсона, просмотрел стоявшие на полке гостинной детективы и попытался открыть крышку бюро. Она оказалась не заперта и явила взору лорда Питера аккуратные ряды полочек и отделений. Хозяин дома обладал, похоже, болезненной склонностью к идеальному порядку. Ни одна деталь не могла пролить света на гибель Кэмпбелла, и все же лорд Уимзи чувствовал, что снимать подозрения с Фергюсона нельзя. Судя по близкому расположению домов, имеющих к тому же общий двор, от внимания владельца одного никак не могло ускользнуть то, что происходит у соседа. Если прошлой ночью с Кэмпбеллом случилось что-нибудь необычное, то Фергюсон наверняка заметил это. Если же Фергюсон не заметил ничего, то о других соседях и говорить нечего. Ведь эти два дома располагались на почтительном расстоянии от других, спрятанные в конце неровной, окаймленной раскидистыми деревьями дороги и отделенные от домов речушкой Флит, протекающей у самой стены сада. Вот было бы хорошо, если бы прошлой ночью Джек Грэм рыбачил в своей излюбленной запруде! Но нет, очевидцы сообщили, что он уехал на озеро Трул. В общем, если кто-то и может рассказать нечто полезное, то только Фергюсон. Следовало как можно скорее поговорить с ним.

Уимзи вернулся к машине и выехал на петлявшую между холмами дорогу до станции Гейтхаус. Она располагалась на самой окраине Галлоуэя, в долине реки Флит, под суровым взором возвышавшихся в отдалении скалистых хребтов Дромора.

Проезд к железнодорожной станции преграждал один из многочисленных шлагбаумов, столь часто встречающихся в приграничных районах. Для скота они не помеха, а вот для нетерпеливого путешественника могут стать весьма досадным препятствием на пути. Но, как зачастую происходит на таких участках дороги, из одного из располагавшихся поодаль домов появился услужливый джентльмен и поднял шлагбаум, пропустив автомобиль Уимзи.

Сразу же за шлагбаумом дорога разветвлялась на две неровные каменистые тропы. Левая вела в Критаун, в то время как правая тянулась в сторону Дромора и резко обрывалась у железнодорожного виадука. Уимзи пересек эту тропу и двинулся дальше по крутому спуску, прятавшемуся в густых зарослях рододендронов.

Однколейная железная дорога из Касл-Дугласа в Странрар превращается в двухколейную в районе станции Гейтхаус. Это сделано для удобства пассажиров и для того, чтобы могли разъехаться шедшие навстречу друг другу поезда. Уимзи подошел к начальнику станции, воспользовавшемуся свободной минуткой, чтобы спокойно почитать в своем кабинете свежий выпуск «Глазго ньюс».

– Я искал мистера Фергюсона, – произнес Уимзи, обменявшись с начальником станции обычными приветствиями, – чтобы пригласить его порыбачить на озеро Скерроу, но мне сказали, будто он уехал сегодня утром на поезде, отправляющемся в девять ноль восемь. Это так?

– Совершенно верно. Видел его собственными глазами.

– Хотелось бы знать, когда он вернется. Мистер Фергюсон отправился именно в Глазго или купил билет до Дамфриса?

– Вообще-то мистер Фергюсон говорил, что собирается в Глазго, – ответил начальник станции, – но, возможно, вернется сегодня вечером. Ангус подскажет вам, купил ли он обратный билет.

Кассир, деливший кабинет с начальником станции, хорошо помнил мистера Фергюсона, поскольку тот купил билет первого класса до Глазго и обратно, что считалось среди местных художников небывалым расточительством.

– Хотя, – произнес Уимзи, – этот билет действителен в течение трех месяцев. Так что мистеру Фергюсону нет необходимости возвращаться именно сегодня. Он оставил свою машину тут?

– Мистер Фергюсон приехал не на автомобиле, – ответил кассир. – Объяснил, что перегорел индуктор. Поэтому он и сел на поезд здесь, а не в Дамфрисе.

– Тогда он наверняка воспользовался велосипедом, – беззаботно предположил Уимзи.

– Нет, – возразил начальник станции. – Наверное, мистер Фергюсон приехал на автобусе. Появился тут как раз в это время. Верно, Ангус?

– Да. Он как раз беседовал с Рэбби Макхарди, когда вошел в здание вокзала. Возможно, ему он рассказал, как долго собирается пробыть в Глазго.

– Благодарю вас, – улыбнулся Уимзи. – Пойду переговорю с Рэбби. Собирался арендовать на завтра лодку, но если Фергюсон сегодня не вернется, необходимость в этом отпадает.

Лорд Питер еще поболтал с сотрудниками станции, вкратце изложив им суть произошедшего с Кэмпбеллом, а затем отправился по своим делам. Он не слишком-то продвинулся в расследовании, хотя и счел возможным исключить Фергюсона из списка подозреваемых. Но прежде следовало убедиться, что тот действительно прибыл в Глазго. Самому Уимзи сделать это будет довольно затруднительно, а вот для сержанта Дэлзиела и его подчиненных это рутинная работа.

Уимзи взглянул на часы. На данный момент самым многообещающим кандидатом на роль убийцы являлся Джок Грэм.

Но поскольку он исчез, вести расследование в этом направлении пока не представлялось возможным. Лорд Питер решил побеседовать со Стрэченом и тем самым закончить с расспросами в Гейтхаусе.

Стрэчен

Стрэчен жил в симпатичном коттедже средних размеров, весьма удобно расположенном на некотором расстоянии от Гейтхауса, но зато по дороге в гольф-клуб. Отворившая дверь опрятно одетая служанка мило улыбнулась гостю, а потом сообщила, что хозяин дома и пригласила его войти.

Питер Уимзи прошел в гостиную, где увидел миссис Стрэчен, сидевшую у окна и обучающую свою маленькую дочурку Миру основам вязания на спицах. Он извинился за неожиданный визит перед обедом и пояснил, что собирался обсудить со Стрэченом состав четверки для игры в гольф.

– Ой, я даже не знаю, – с сомнением протянула миссис Стрэчен. – Думаю, в ближайшие два дня Гарри не станет играть. У него была весьма утомительная... В общем, ничего не могу вам сказать. Мира, дорогая, беги и передай папочке, что с ним желает поговорить лорд Питер Уимзи. Знаете, мне никогда не нравилось говорить за Гарри. И все равно я каждый раз поступаю именно так.

Хозяйка дома захихикала. Она вообще слыла смешливой женщиной. Очевидно, таким образом пыталась скрыть собственную нервозность. Стрэчен обладал довольно резкими манерами, заставлявшими окружающих нервничать, и Уимзи подозревал, что дома он был настоящим тираном.

Лорд Питер извинился за то, что невольно нарушил семейную идиллию, однако миссис Стрэчен возразила, обеспокоенно поглядывая на дверь:

– Ничего подобного. Разве может ваша светлость быть помехой? Мы всегда рады вас видеть. Чем вы занимались в столь чудесный день, как сегодня?

– Побывал в Миннохе, чтобы взглянуть на тело, – радостно промолвил Уимзи.

– На тело? – воскликнула миссис Стрэчен, едва не сорвавшись на визг. – Звучит ужасно! Что вы имели в виду? Тушку лосося или что-нибудь другое?

– Нет-нет, – ответил Уимзи, – я говорю о Кэмпбелле... Сэнди Кэмпбелле. Разве вы ничего не слышали?

– Нет. А что я должна была слышать? – Небесно-голубые, как у младенца, глаза миссис Стрэчен стали большими и круглыми будто плоски. – С мистером Кэмпбеллом что-то случилось?

– Святые небеса, – вздохнул лорд Уимзи. – Я думал, в округе уже всем об этом известно. Он умер. Упал в Миннох и разбился.

Миссис Стрэчен издала исполненный ужаса вопль:

– Разбился? Ужасно! Он утонул?

– Точно не знаю, – ответил Уимзи. – Он сильно ударился головой. Но, возможно, и захлебнулся.

Миссис Стрэчен снова вскрикнула:

– Когда это случилось?

– Его обнаружили около полудня.

– Господи! А мы ничего не знали. Гарри! – воскликнула она, когда дверь распахнулась. – Лорд Питер говорит, что несчастный мистер Кэмпбелл убит в Миннохе.

– Убится? – переспросил Стрэчен. – Что ты хочешь сказать, Милли? Кто его убил?

Миссис Стрэчен вскрикнула в третий раз, еще громче:

– Конечно, я имела в виду вовсе не это, Гарри. Как глупо и ужасно! Он упал вниз, разбил себе голову и утонул.

Стрэчен медленно вошел в гостиную и кивком поприветствовал его светлость.

– Так в чем же, собственно, дело, Уимзи?

– Все, что сказала сейчас ваша жена, истинная правда, – ответил тот. – Тело Кэмпбелла было обнаружено в Миннохе в два часа дня. Очевидно, он рисовал, а потом поскользнулся на гранитной поверхности скалы и размозжил голову о камни.

Уимзи говорил немного рассеянно. Хозяин дома выглядел невероятно бледным и расстроенным. А когда Стрэчен развернулся и льющийся из окна свет упал ему на лицо, взору лорда Питера предстал красующийся у него под глазом синяк, причем довольно большой, расплывшийся на половину лица, очень темный и резко очерченный.

– О! – промолвил Стрэчен. – Я, знаете ли, совсем не удивлен. Это опасное место. Я ему так и сказал в минувшее воскресенье, а он обозвал меня дураком.

– Значит, Кэмпбелл был там и в воскресенье? – уточнил Уимзи.

– Да. Вроде делал какие-то наброски. Помнишь, Милли, мы как раз расположились на пикник на противоположной стороне реки?

– Бог мой! – воскликнула миссис Стрэчен. – Так это случилось там? Ужасно! Никогда больше туда не пойду! Никогда. Даже на веревке меня туда не затащишь.

– Не говори ерунды, Милли. Разумеется, тебе нет необходимости туда идти. Особенно если ты этого не хочешь.

– Я теперь буду постоянно бояться, что Мира тоже упадет и расшибется насмерть! – всплеснула руками миссис Стрэчен.

– Перестань! – раздраженно бросил ее муж. – Мы туда не пойдем. И довольно об этом. Как все случилось, Уимзи?

Лорд Питер вот уже в который раз пересказал историю гибели Кэмпбелла, опустив кое-какие детали.

– Очень похоже на Кэмпбелла, – промолвил Стрэчен. – Расхаживает – вернее, расхаживал – по округе, не отрываясь от холста и совершенно не глядя себя под ноги. В воскресенье я посоветовал ему быть осторожнее, но он не расслышал, что я ему крикнул, или сделал вид, будто не расслышал. Тогда я все же перебрался на противоположную сторону реки и еще раз предупредил, что берег тут скользкий, но в ответ он лишь нагрубил. С ним подобное частенько случалось.

– Не будь таким бессердечным! – воскликнула миссис Стрэчен. – Бедняга умер. И хотя Кэмпбелл был не самым приятным человеком, пожалеть его все же надо.

У Стрэчена хватило такта пробормотать, что ему действительно жаль и он никогда не желал Кэмпбеллу зла. Стрэчен прижал ко лбу ладонь, словно страдал от невыносимой головной боли.

– Похоже, вам тоже досталось, – заметил Уимзи.

Его собеседник рассмеялся:

– Да. Забавная история. После завтрака я решил поиграть в гольф, где какой-то чертов осел ударил по мячу так, что тот отклонился на тысячу миль от нужной траектории и угодил мне прямо в глаз.

С губ миссис Стрэчен снова сорвался возглас удивления.

– О! – выдохнула она, но сразу замолчала, когда супруг бросил на нее предостерегающий взгляд своих разноцветных глаз.

– Вам сильно не повезло, – вздохнул Уимзи. – И кто же этот негодник?

– Понятия не имею, – беззаботно откликнулся Стрэчен. – Я на мгновение потерял сознание, а когда пришел в себя и отправился на поиски обидчика, то лишь увидел небольшую группу игроков, удалявшихся с поля. Я чувствовал себя отвратительно и не пустился в погоню, а просто отправился в клуб, чтобы промочить горло. Кстати, подбивший мне глаз мяч – «серебряный король»⁵. В общем, когда владелец явится за ним, уж я найду что ему сказать.

⁵ Марка мячей для гольфа с рельефной поверхностью.

– Да, неудачный удар, – с сочувствием произнес Уимзи. – Восхитительный образец кровоподтека и наверняка ужасно болезненный. Я смотрю, он распух. Когда именно вы его получили?

– Довольно рано, – ответил Стрэчен. – Примерно около девяти часов. Все утро я пролежал в своей комнате в здании клуба, поскольку чувствовал себя просто ужасно. А потом направился домой, поэтому и не слышал о Кэмпбелле. Проклятье! Значит, скоро состоятся похороны. Положение щекотливое. Обычно мы посылаем от клуба венки, но я не знаю, как поступить в сложившихся обстоятельствах. Ведь в свою последнюю встречу с Кэмпбеллом я велел ему убираться прочь и больше в клубе не появляться.

– Да, действительно проблема, – согласился Уимзи. – Но на вашем месте я все же послал бы венок. Дух всепрощения и все такое. А мстительность приберегите для того, кто подпортил вам лицо. Кстати, с кем вы играли? Тот человек не смог узнать вашего обидчика?

Стрэчен покачал головой.

– Да я просто обрабатывал удары, – ответил он. – И мячи подносил себе сам. Поэтому никто не видел, что со мной произошло.

– Похоже, вы повредили еще и руку. Да, сегодняшнее утро явно не задалось. Ну да ладно. Я ведь пришел узнать, не захотите ли вы завтра поиграть в четверке со мной, Уотерсом и Биллом Мюрреем. Но теперь я вижу, что подбитый глаз вам этого скорее всего не позволит.

– Это вы верно подметили, – мрачно усмехнулся Стрэчен.

– Тогда я, пожалуй, откланяюсь, – сказал Уимзи, поднимаясь со своего места. – Всего хорошего, миссис Стрэчен. До свидания, старина. Не надо, не провожайте. Я найду дорогу.

Но Стрэчен настоял на том, чтобы проводить гостя до самой калитки.

На повороте дороги Уимзи нагнал мисс Миру Стрэчен и ее няню, вышедших на вечернюю прогулку. Остановив автомобиль, его светлость поинтересовался, не хотят ли они немного прокатиться. Мира с радостью согласилась, и ее няня тоже не стала возражать. Уимзи усадил девочку рядом с собой, женщину устроил на заднем сиденье и заставил свой «даймлер» продемонстрировать все, на что он способен.

Мира пришла в восторг.

– Папочка никогда не ездит так быстро, – сказала она, когда автомобиль поднялся по окаймленному деревьями склону близ Келли-Лодж и вырулил, подобно аэроплану, на открытую местность.

Уимзи бросил взгляд на стрелку спидометра, подрагивающую на отметке «85», и, не сбавляя скорости, эффектно миновал поворот.

– У вашего папы весьма примечательный синяк, – заметил он.

– Это точно. Я спросила, где он подрался, но папа велел не приставать к нему с расспросами. Я люблю драться. Бобби Крейг однажды поставил мне синяк под глаз. А я так врезала ему по носу, что у него пошла кровь и костюм пришлось отдать в чистку.

– Юным леди не следует распускать руки, – с упреком произнес лорд Уимзи. – Даже если эти юные леди очень современные.

– Почему? Мне нравится драться. Посмотрите, коровы!

Уимзи поспешно нажал на педаль тормоза, и «даймлер» пополз, словно за рулем сидела изнеженная дама.

– И все же мне кажется, папа подрался, – продолжила Мира. – Он ведь так и не пришел вчера домой, и мамочка ужасно испугалась. Она боится нашей машины, потому что та ездит очень быстро, хотя и совсем не так быстро, как ваша. Эта корова хочет нас забодать?

– Да, – ответил Уимзи. – Наверное, она по ошибке приняла нас за блинчик.

– Глупости! Коровы едят не блины, а жмых. Я тоже однажды попробовала. Он очень мерзкий на вкус. После этого я даже заболела.

– Поделом тебе, – усмехнулся Уимзи. – Пожалуй, я высажу вас здесь, иначе вы вернетесь домой слишком поздно. Но, наверное, будет лучше, если я вас немного подвезу.

– Пожалуйста, – попросила Мира. – Тогда мы сможем спугнуть коров и заставить разбежаться врассыпную.

– Это будет нехорошо, – покачал головой Уимзи. – Коровам вредно быстро бегать. Ты дерзкая, кровожадная и злая юная особа. Когда-нибудь ты станешь настоящей угрозой для общества.

– Как чудесно! У меня будет пистолет и нарядное вечернее платье. Я буду заманивать людей в опиумные притоны и грабить. Мне нужно выйти за вас замуж. Ведь у вас быстрая машина. Она мне пригодится.

– Это точно, – серьезно произнес Уимзи. – Постараюсь запомнить твои слова. Хотя пройдет время, и ты, вероятно, уже не захочешь становиться моей женой.

Уотерс

Лорду Питеру нравилось жить обычной размеренной жизнью Керкубри, однако, к разочарованию хозяев местных гостиниц, в этом году он решил арендовать небольшую студию, расположенную в узком, мощенном булыжником тупике. Выкрашенная ярко-голубой краской калитка свидетельствовала о том, что владелец дома на Хай-стрит причисляет себя к художественной элите городка. Столь необычный выбор места жительства лорд Питер объяснял просто. Ему было забавно наблюдать, как его важный камердинер потрошит форель и моет картофель в колонке на улице и принимает посетителей в лучших традициях Уэст-Энда.

Пробираясь сквозь нагромождение велосипедов, практически перекрывших проход, Уимзи представлял, как собственный вышколенный слуга ждет его на пороге дома с тщательно скрываемым стремлением услужить.

– Привет, Бантер! – весело воскликнул его светлость. – Что у нас на обед? У меня проснулся небывалый аппетит, ведь в Критауне обнаружили труп.

– Я предчувствовал, что ваша светлость непременно примет участие в расследовании. Однако, не будучи уверенным относительно времени вашего возвращения домой, милорд, счел, что будет лучше приготовить тушеную говядину с густым соусом и овощами. В случае необходимости это блюдо можно держать на медленном огне, не опасаясь за его качество.

– Прекрасно.

– Благодарю вас, милорд. Судя по словам мясника, ту часть туши, какую я привык называть рулькой, в здешних краях именуют... коленом.

– Наверное, вы правы, Бантер.

– Однако я не поверил этому человеку на слово, – с достоинством продолжил Бантер. – Я лично осмотрел тушу, желая убедиться в том, что мне отрежут от нее надлежащий кусок.

– Вы всегда скрупулезны, – с одобрением заметил его светлость.

– Делаю все от меня зависящее, милорд. Изволит ли ваша светлость, чтобы, пребывая в данной местности, я и далее именовал вышеозначенное кушанье... коленом?

– С вашей стороны это будет в высшей степени великодушно и польстит национальной гордости местных жителей. Если, конечно, вы решитесь на подобный шаг.

– Как скажете, милорд. Баранья нога снова будет именоваться бараньим окороком, как и в ваш прошлый визит, милорд?

– Естественно, Бантер.

– Хорошо, милорд. – Камердинер тяжело вздохнул. – К удовольствию вашей светлости, я постараюсь поступать так, как считается правильным в этих краях.

– Благодарю вас, Бантер. Мы должны стараться поступать правильно при любых обстоятельствах.

– Да, милорд. Обед будет подан через двадцать минут, как только будет готов картофель.

– Замечательно! А я пока пройду по улице и поболтаю с мисс Селби.

– Прошу прощения, милорд, но, насколько я понял, леди уехала.

– Уехала?

– Да, милорд. Прислуживающая им молодая особа сообщила, что она уехала в Глазго.

– А это значит, что ее не будет целый день. Мы, южане, предположили бы в таком случае, что люди упаковали вещи и уехали с длительным визитом, но здесь все по-другому. Ладно, разыщу мистера Уотерса. Мне бы хотелось увидеть его. Возможно, приглашу его на обед.

– Да, милорд.

Лорд Питер пересек Хай-стрит и постучался в дверь дома Уотерса. Дверь отворила домохозяйка, которая на вопрос его светлости о ее постояльце ответила:

– Он только что уехал.

– А когда вернется?

– Не могу сказать наверняка, милорд, но полагаю, что он останется на ночь в Глазго.

– Похоже, сегодня все направили свои стопы в Глазго, – задумчиво протянул Уимзи.

– Да, ведь там открылась выставка. Мистер Уотерс отбыл с первым поездом.

– Вот как! В восемь сорок пять? – удивился лорд Уимзи. Он прекрасно помнил, в каком состоянии пребывал Уотерс вчера вечером, и никак не ожидал от него подобной прыти.

– Совершенно верно, – промолвила домовладелица. – Он позавтракал в восемь часов и отправился на станцию вместе с мисс Селби и мисс Кохран.

Уимзи почувствовал облегчение: ведь он на мгновение испугался, что столь ранняя активность горожан может стать предвестником дурных событий, – но сопровождаемый мисс Селби и мисс Кохран Уотерс вряд ли попадет в переделку. Похоже, из списка можно со спокойной совестью вычеркнуть еще одного подозреваемого. Его светлость оставил Уотерсу записку с пожеланием увидеться с ним сразу по его возвращении из Глазго и вернулся домой.

Он уже покончил с пряной тушеной говядиной и наслаждался восхитительным сырным суфле, когда послышался стук тяжелых ботинок по булыжной мостовой. А затем мужчина поинтересовался, дома ли его светлость лорд Уимзи.

– Эй! – крикнул Питер. – Это вы, Дэлзиел?

– Да, милорд. – Сержант протиснулся в узкий дверной проем и отошел в сторону, чтобы дать дорогу своему товарищу. – Я доложил о случившемся сэру Максвеллу Джеймисону, начальнику полиции, и он оказался настолько любезен, что решил поехать вместе со мной и поговорить с вашей светлостью.

– Превосходно! Очень рад видеть вас обоих. Нам не доводилось встречаться прежде, сэру Максвелл, но репутация вас опередила, и я наслышан о вас, как и, полагаю, вы обо мне. В прошлом году я однажды слегка превысил скорость, но, надеюсь, правосудие смиростивилось. Выпейте чего-нибудь.

– Итак, – произнес Дэлзиел, когда посетители отдали должное гостеприимству его светлости, – я постарался проверить выдвинутую вами версию, но наведенные справки меня не удовлетворили. Прежде всего я пообщался с жителями Боргана, и они в один голос заверили, что юный Джок видел Кэмпбелла за мольбертом десять минут одиннадцатого, когда отправился в Клоченси с донесением. Тот сидел на своем месте, когда Джок возвращался обратно пять минут двенадцатого. Вот и получается, что до начала двенадцатого он оставался на берегу.

– Говоря, что он видел Кэмпбелла, что вы имеете в виду? Парень точно знал, что это он? Или же просто принял за Кэмпбелла другого человека?

– Нет, он не сказал, что это именно Кэмпбелл. Свидетель просто видел человека в широкополой черной шляпе и клетчатом плаще. Такие были у покойного. А еще добавил, что рядом на земле лежал большой плед или коврик.

– В таком случае это вполне мог быть убийца.

– Наверное. Но прошу обратить ваше внимание на время. Признайте, что – преступник он или нет – этот человек не мог покинуть берег раньше половины двенадцатого.

– Это уже установлено.

– Теперь что касается расписания. В течение дня не так уж много поездов, следующих из Странрара в Герван и делающих остановки в Пинвери и Бархилле.

Сержант достал из кармана расписание и положил на стол.

– Давайте сначала изучим поезда, отправляющиеся в Странрар. Вполне вероятно, что убийце пришла в голову мысль сбежать на пароходе. И если подобное случилось, то нам придется искать его в Ирландии.

Сержант вытащил из кармана толстый карандаш и быстро записал на листке бумаги время.

	<i>До полудня</i>	<i>После полудня</i>
<i>Герван</i>	<i>10:45</i>	<i>14:16</i>
<i>Пинмор</i>	<i>11:01</i>	<i>14:31</i>
<i>Пинвери</i>	<i>11:08</i>	<i>14:39</i>
<i>Бархилл</i>	<i>11:18</i>	<i>14:50</i>
<i>Гленвилли</i>	<i>11:33</i>	<i>15:06</i>
<i>Нью-Лус</i>	<i>11:41</i>	<i>15:13</i>
<i>Данреджит</i>	<i>11:52</i>	<i>15:26</i>
<i>Касл-Кеннеди</i>	<i>12:00 (полдень)</i>	<i>15:33</i>
<i>Странрар</i>	<i>12:07</i>	<i>15:39</i>

Уимзи покачал головой:

– Он не мог попасть на первый поезд. Во всяком случае, не на велосипеде. Бархилл – ближайшая станция. И даже если убийца успел собраться и покинуть место преступления за пять минут, ему осталось бы восемь минут на то, чтобы преодолеть примерно десять миль. Я допускаю, что он все же мог успеть на поезд. Да и то, если поезд немного запоздал, а сам он на полной скорости несся на станцию на автомобиле. Только вот откуда преступник взял этот самый автомобиль? Конечно, он мог прятаться в холмах и сесть на поезд, отправляющийся в четырнадцать пятьдесят, или проехать чуть дальше и сесть на этот же самый поезд на другой станции, но это не обеспечило бы ему надежного алиби.

– Разумеется, милорд, – произнес Дэлзиел. – Я тоже допустил такую возможность. Я получил отчет начальника станции Пинвери, в котором он сообщил, что в четырнадцать тридцать девять видел одного джентльмена. Этот человек привлек внимание начальника станции, поскольку был ему незнаком и к тому же заметно нервничал.

– Куда он направлялся?

– А вот это самое интересное. Купил билет до Странрара...

– Ну конечно. – Уимзи быстро просмотрел расписание. – Теперь понятно, почему он ждал именно этот поезд: с него можно пересесть на пароход, отправляющийся в Ларн. Версия, конечно, слабая: ведь ему пришлось бы ждать в Странраре более трех часов, – но другой у нас нет.

– Я как раз хотел рассказать, – продолжил сержант, – что вышеозначенный джентльмен настойчиво интересовался временем отправления пароходов и был разочарован, выяснив, что ближайший отправляется лишь в семь часов вечера.

– Что ж, это вполне укладывается в нашу версию, – кивнул Уимзи. – Однако странно, что он не изучил расписание заранее, хотя детально продумал само преступление. Как выглядел джентльмен?

– Моложавый мужчина в сером костюме, мягкой шляпе и с небольшим чемоданчиком. Довольно высокий, с тонкими темными усиками. Начальник станции сказал, что непременно узнает его, если увидит снова.

– Он ничего не говорил о себе?

– Сказал что-то относительно того, что неверно прочитал расписание и поэтому думал, что есть пароход, отплывающий в пятнадцать пятьдесят.

– Что ж, это возможно. Видите, здесь, внизу расписания, три строчки с указанием времени отплытия пароходов из Странрара в Ларн и Белфаст, а прямо над ними три строчки с временем отправления поездов между Странраром, Колфином и Порт-Патриком. Легко ошибиться и посмотреть не туда. Но послушайте, Дэлзиел, если до семи часов вечера нет ни одного парохода, вы вполне успеете на пристань, чтобы перехватить вышеозначенного джентльмена.

– Вы совершенно правы, милорд. Получив этот отчет, я сразу связался с полицейским участком в Странраре. Перед тем как прийти сюда, мне был дан ответ: человека с такой внешностью на корабле нет.

– Проклятье! – воскликнул Уимзи.

– Полицейские проводят расследование в Странраре на случай, если этот человек еще там. Они проверяют все автомобили, въезжающие в город и покидающие его. Они будут внимательно проверять пассажиров, купивших билеты на завтрашний рейс парохода. Но ведь вполне может статься, что убийца вовсе не собирался в Ларн.

– А действительно ли он направился в Странрар?

– Похоже на то. Все билеты проверены. Билет в третий класс, купленный в Пинвери, сдан в Странраре. К сожалению, служащий, собиравший билеты, не обращал внимания на внешность пассажиров и не помнит, кто именно отдал ему этот билет.

– Что ж, вы отлично поработали, – заметил Уимзи, – особенно учитывая то, что времени на это было не слишком много. Похоже, у нас кое-что есть. Да, кстати, начальник станции в Пинвери не упоминал, был ли у пассажира с собой велосипед?

– Нет, велосипеда у него не было. Я спрашивал, на чем приехал данный пассажир, но никто не видел, как он появился на станции. Судя по всему, он пришел пешком.

– Естественно. Если он собирался сесть на пароход, направлявшийся в Ирландию, то прежде всего должен был избавиться от велосипеда. У него было достаточно времени, чтобы спрятать его в холмах. Это обстоятельство обнадеживает. И все же не следует на него полагаться. А как обстоит дело с поездами в другом направлении? С теми, что отправляются в Глазго?

Дэлзиел перевернул несколько страниц, послунывил толстый карандаш и набросал еще один список.

		<i>До полудня</i>	<i>После полудня</i>	<i>Вечер</i>
<i>Странрар</i>	<i>(отпр.)</i>	11:35	12:30 <i>(с пристани Странрар)</i>	16:05
<i>Касл-Кеннеди</i>		11:42	...	16:12
<i>Данреджит</i>		11:52	12:42	16:20
<i>Нью-Лус</i>		12:07 <i>(после полудня)</i>	...	16:33
<i>Гленвилли</i>		12:19	...	16:45
<i>Бархилл</i>		12:35	...	17:00
<i>Пинвери</i>		12:43	...	17:08
<i>Пинмор</i>		12:56	...	17:18
<i>Герван</i>	<i>(приб.)</i>	13:06	13:37	17:28
	<i>(отпр.)</i>	13:11	13:42	17:36

– Ну вот. Появилось еще несколько подходящих вариантов, – протянул Уимзи. – Как насчет двенадцати тридцати пяти? Убийца вполне мог успеть на этот поезд и направиться в Глазго. А уж оттуда можно уехать куда угодно.

– Именно. Я тоже об этом подумал. Я позвонил начальнику станции в Бархилле, но тот ответил, что на поезд сели всего четыре пассажира, с каждым из которых он знаком лично.

– Тут мы потерпели неудачу.

– Да. Но, получив эту информацию, я не успокоился и навел справки на всех станциях по ходу следования поезда. В итоге выяснилось, что джентльмен с велосипедом сел на поезд в тринадцать одиннадцать в Герване.

– Вот как! – Достав карту местности, Уимзи принялся внимательно изучать ее. – А что, Дэлзиел, это вполне вероятно. Бархилл находится в девяти милях от места преступления, а

Герван расположен на двенадцать миль дальше. В общей сложности получается двадцать одна миля. Если наш убийца отправился в путь в одиннадцать десять, ему потребовалось два часа, чтобы добраться до станции. Что такое десять миль в час для хорошего велосипедиста? Кстати, поезд прибыл вовремя?

– Именно так. Да, убийца мог на него поспеть.

– Начальник станции описал велосипедиста?

– Он сообщил, что, по словам проводника, это был обычный джентльмен лет тридцати – сорока, в сером костюме и низко надвинутом на лоб клетчатом кепи. Чисто выбритый, среднего роста, в больших очках с затемненными стеклами.

– А вот это подозрительно, – заметил Уимзи. – Как думаете, проводник сможет его опознать?

– Наверное. Он сказал, что джентльмен разговаривал как англичанин.

– Правда?

Уимзи еще раз мысленно перечислил всех шестерых подозреваемых. Уотерс вырос в Лондоне и разговаривал на классическом английском языке, преподаваемом в школах. Стрэчен, хотя и был шотландцем, говорил с английским акцентом, поскольку обучался в Харроу и Кембридже. И все же он был достаточно высоким человеком. Вряд ли на станции в Герване видели именно его. Гоуэн двуязычен. Он разговаривал на прекрасном английском с Уимзи и переходил на шотландский в общении с местными жителями. Однако пышная шелковистая борода Гоуэна никогда не знала бритвы и делала своего обладателя местной достопримечательностью, на которую советовали взглянуть всем гостям Керкубри. Грэм сумел бы составить конкуренцию любому лондонцу и говорил по-английски так, что мог сойти за своего даже в Оксфорде. Его пронзительно-голубые глаза – весьма запоминающаяся деталь. Это их прятал за темными стеклами таинственный незнакомец? Шотландский выговор Фаррена не спутаешь ни с чем. Его точно никто не принял бы за англичанина. Да и сам он личность примечательная: широкие мускулистые плечи, спутанные светлые волосы, блеклые глаза, недовольно надутые губы и тяжелая челюсть. Фергюсон говорит с шотландским акцентом, хотя и не употребляет в речи шотландских слов, и обладает заурядной внешностью.

– А тот джентльмен ничего не рассказал о себе? – внезапно спросил Уимзи, прервав размышления.

– Нет. Он появился на станции, когда поезд уже стоял у платформы. Но вскользь упомянул о том, что слишком поздно выехал из Баллантрея. Он взял билет до Эра, и его велосипед поместили соответствующим образом.

– Уверен, это нам удастся проследить.

– Я уже послал запрос в Эр и Глазго. Надеюсь, там что-нибудь вспомнят.

– А может, и нет, – возразил Уимзи. – Кстати, я тоже времени даром не терял. – Он достал составленный им же самим список подозреваемых. – Имейте в виду, что этот список может быть неполным. Однако нам известно, что разыскиваемый нами человек – художник. А это значительно сужает круг подозреваемых. Все эти шестеро людей, так или иначе, имели зуб на Кэмпбелла, хотя некоторые из мотивов могут показаться незначительными.

Сержант внимательно изучил список. Сэр Максвелл последовал его примеру. Полномочия последнего распространялись не только на Керкубри, но и на Уигтауншир, поэтому он в той или иной степени был знаком со всеми проживающими здесь художниками, однако не слишком хорошо разбирался в искусстве, а интересовался военным делом и охотой.

– Знаете, – добавил Уимзи, – у двух человек из данного списка есть алиби. Фергюсона видели на станции Гейтхаус. Он садился в поезд отправлением в девять ноль восемь. Купил билет до Глазго, и велосипеда при нем не было. Там сейчас открылась выставка картин, и Фергюсон наверняка поехал именно туда. Уотерс также отправился в Глазго поездом с отправлением в восемь сорок пять со станции в Керкубри. Его сопровождали мисс Селби и мисс

Кохран. Встретившись на выставке, эти двое лишь подтвердят алиби друг друга. Стрэчен не ночевал дома. Вернулся к ленчу, да к тому же с синяком под глазом. Относительно происхождения данного синяка он явно солгал. И Уимзи вкратце пересказал содержание своей беседы со Стрэченем и его дочерью Мирой.

– Это мне совсем не нравится, – протянул Дэлзиел.

– Да уж. И все же нам не следует заикливаться на велосипедисте, которого видели в Герване, или на загадочном пассажире в Пинвери. Оба они могут быть обычными путешественниками. А вот Стрэчен вполне мог оказаться в Миннохе в одиннадцать часов утра, нарисовать картину и к ленчу вернуться домой в Гейтхаус. Это двадцать семь миль. Он рисковал, ведь кто-нибудь мог узнать его. Впрочем, все убийцы, так или иначе, должны быть готовы рискнуть. К тому же он мог спрятать автомобиль у дороги накануне и воспользоваться им на обратном пути, прихватив с собой велосипед. Кстати, я не говорил вам, что из гостиницы «Энвос» в Гейтхаусе пропал велосипед?

Дэлзиел покачал головой?

– Нам попало дело со множеством вариантов развития событий. Если, конечно, это убийство. Ведь доктор до сих пор не дал своего заключения.

– Полагаю, вы получите его завтра? – спросил Уимзи.

– Да. Дело представлено на рассмотрение окружному прокурору. Будет проведено вскрытие. Сегодня вечером мы ожидаем приезда сестры Кэмпбелла. Похоже, она его единственная родственница, и прокурор захочет, чтобы сестра опознала труп брата. К тому же доктору будет сподручнее проводить вскрытие при дневном свете.

После ухода сержанта и его спутника Уимзи некоторое время курил. Он беспокоился из-за Уотерса, поскольку накануне ночью оставил того в опасном состоянии. Последний поезд из Глазго прибывал на станцию Керкубри в 21 час. Если Уотерс действительно посещал выставку, то было не слишком логично ожидать его возвращения сегодня: ведь он прибыл в Глазго лишь в 14.16, а в 17.30 нужно было возвращаться обратно. Никто не стал бы проделывать такой путь, чтобы провести в городе три часа (разве только для того, чтобы создать себе алиби). Но вот вопрос: стал бы Уотерс обеспечивать себе алиби подобным образом?

Уимзи снова сосредоточился на расписании. Поезд отправился из Керкубри в 08.45. Здесь наверняка найдутся свидетели. В 08.53 он в Тарфе; в 09.02 – в Бриг-оф-Ди. Оттуда ни на чем не уехать, только на машине. В Касл-Дугласе поезд останавливается в 09.07. А вот это другое дело. Данная станция является узловой. Отсюда можно спокойно вернуться обратно в Ньютон-Стюарт. И как раз есть подходящий поезд. Конечно, это нелепо, ведь Уотерс путешествует в компании двух дам, и все же проверить версию не помешает. Итак, Касл-Дуглас – 9.14, Ньютон-Стюарт – 10.22. Уимзи облегченно вздохнул. Если убийцу видели рисующим в десять часов утра, то Уотерс отпадает: ведь к этому времени он даже не успел бы добраться до Ньютон-Стюарта.

Теперь все зависит от заключения доктора. Если они ошиблись относительно степени трупного окоченения, то вполне вероятно, что Кэмпбелл сам находился за мольбертом в Миннохе и рисовал до начала двенадцатого. И тогда... Уимзи вновь провел пальцем по расписанию.

И тогда поезд, прибывающий в Ньютон-Стюарт в 10.22 был бы очень кстати для предполагаемого убийцы. Если, конечно, тот знал, что Кэмпбелл намеревается рисовать в Миннохе. Автомобиль домчал бы его от Ньютон-Стюарта до места преступления за двадцать минут. Времени достаточно. У Уотерса нет личного автомобиля, но ведь его можно взять напрокат. Это определенный риск, поскольку люди в маленьких городках прекрасно знают друг друга. Да и кто даст машину напрокат незнакомцу? Хотя если бы владельцу автомобиля предложили хороший залог, он, возможно, и пошел бы на риск. В общем, пока не надо вычеркивать Уотерса из списка подозреваемых.

Тут Уимзи обругал себя за глупость. Ясно же, что Уотерс добрался до Глазго в компании двух спутниц и так же вернется обратно на следующий день.

Его светлость взглянул на часы. Вряд ли Уотерс приехал девятичасовым поездом, однако проверить не помешает. И лорд Питер двинулся по Хай-стрит. Окна спальни и гостиной в доме Уотерса были темными. Хозяйка дома наверняка сочтет его недалеким, если он снова начнет расспросы. У Уотерса имелась еще и студия – большой переоборудованный амбар, расположенный на повороте на Тонгланд-роуд. Даже если художник вернулся домой, вряд ли станет работать в студии в столь поздний час. Но если уж кому-то не спится, то можно прогуляться и в ту часть города.

Уимзи поднялся по небольшому пролету ступеней и двинулся по поросшему травой берегу. Начался отлив, и теперь в бледном свете летней ночи поблескивали на влажном песке полосы ила. Прибывшая утром яхта до сих пор покачивалась у причала, и ее мачты и снасти выделялись сплетением горизонтальных и вертикальных линий на фоне неровных изгибов уродливого бетонного моста. Уимзи пересек площадь, служившую стоянкой для автобусов в течение дня, нырнул на маленькую улочку, извивавшуюся вдоль стены газового завода, миновал станцию и выбрался на Тонгланд-роуд.

Его светлость пересек улицу, свернул направо и оказался у тихой заводи с древней водяной мельницей, несколькими домиками и заброшенным, поросшим густой травой полем, окруженным покосившимися сараями и прочими заброшенными постройками.

К студии Уотерса вела узкая тропинка, извивавшаяся между разросшимися кустами и густой сочной травой. Уимзи прошел в ворота и подергал дверь студии. Она оказалась заперта, а вокруг никаких признаков жизни. До слуха Уимзи донесся шорох – какой-то зверек копошился в траве. Затем раздался плеск воды, стекавшей из деревянного желоба на лопасти мельничного колеса. Где-то в отдалении хрипло залаяла собака.

Уимзи развернулся, чтобы вернуться обратно. Когда под каблуками его ботинок зашуршал гравий, дверь одного из домов внезапно распахнулась, и тропинку прорезала длинная полоса яркого света. Уимзи заметил в дверном проеме силуэт женщины, обеспокоенно всматривавшейся в серебристые сумерки.

Внезапно его светлость сообразил, что находится возле дома Фаррена, и остановился, хотя еще и не решил, нужно ли заговорить с хозяйкой. Пока он раздумывал, как поступить, на плечо женщины легла чья-то рука и втащила ее в дом. Дверь со стуком захлопнулась. Это быстрое и осторожное движение разрушило планы Уимзи. Рука явно принадлежала мужчине, но гораздо более высокому и крепкому, чем Фаррен. Его светлость был убежден, что того в доме нет и стучать в дверь бессмысленно: ему все равно не откроют.

Фаррен

Сэр Максвелл Джеймисон никогда не действовал поспешно. Здравомыслящий, осторожный и неразговорчивый, он предпочитал убедиться в достоверности информации, прежде чем обрекать себя на скандал неприятными расспросами. Поэтому не слишком обрадовался, обнаружив на своем пороге дрожавшего от нетерпения Уимзи. Сэр Максвелл только что позавтракал и еще не успел прочитать утреннюю газету.

Однако он был слишком благогазумы, чтобы игнорировать лорда Уимзи и его умозаключения. Сэр Максвелл знал: его светлость обладает сверхъестественным чутьем в том, что касается разного рода преступлений, и его помощь может оказаться весьма полезной. Однако при этом начальнику полиции не нравилась английская привычка лорда Питера вмешиваться в дело, болтать без умолку и заражать всех вокруг своим энтузиазмом. Впрочем, нужно было отдать должное Уимзи, продемонстрировавшему во время визита определенный такт. В Блю-Гейт-Клоуз не было телефона, и если лорд Уимзи желал получать последние новости из первых рук, то пусть уж узнает их от начальника полиции, нежели мучает расспросами сержанта Дэлзиела у стойки бара в отеле.

Впрочем, сэр Максвелл пока не убедился в том, что ему предстоит расследовать именно убийство. Разговоров об исчезнувших предметах и велосипедах было явно недостаточно для того, чтобы выдвигать серьезное обвинение. К тому же начальник полиции не сомневался: если поискать более тщательно, то все вскоре найдется и версия убийства лопнет как мыльный пузырь. Разумеется, в деле присутствовал такой момент, как трупное окоченение. Однако просматривая соответствующую литературу, сэр Максвелл пришел к выводу, что нет научных закономерностей, позволяющих установить время смерти с точностью до минуты.

Недовольно сдвинув брови, он принялся изучать составленный лордом Питером список подозреваемых – дурно пахнувший, по его мнению, документ, бросающий тень на уважаемых граждан. Взять, к примеру, Гоуэна. Он живет в Керкубри вот уже пятнадцать лет. Его все знают и уважают, несмотря на тщеславие и заносчивость. Он состоятелен, у него прекрасный дом, которым заправляют экономка и дворецкий, выписанные из Англии. В гараже стоят целых два автомобиля и даже имеется личный водитель. Возможно ли, чтобы этот человек пробил голову собрату-художнику и сбросил его в кишашую лососем реку в соседнем графстве? Какой мотив толкнул его на такое злодейство? Ходили разговоры о каких-то их разногласиях относительно живописи, но сэр Максвелл по собственному опыту знал, что в среде художников это обычное дело. Ссоры заканчиваются возникновением прохлады в отношениях и созданием противоборствующих группировок. Фигурирующий в списке Уотерс – приятный молодой человек, хотя порой и раздражает соседей своей южной манерностью. Прискорбно, что он повздорил с Кэмпбеллом. Только вот Уотерс определенно не из тех, кто способен лишить человека жизни из-за необдуманно брошенных в пьяном разговоре слов. А вот Фаррен...

На этой фамилии Максвелл задержался, отдавая должное проницательности Уимзи. Когда в деле замешана женщина, трудно сказать, чем оно завершится. Кэмпбелл довольно часто посещал расположенный возле старой мельницы коттедж. Поговаривали, будто Фаррен угрожал ему. И если хотя бы часть из этих разговоров правда, то докопаться до истины будет непросто. Впрочем, для того, чтобы подозревать Фаррена, нет никаких оснований. Ведь единственного взгляда на миссис Фаррен достаточно, чтобы понять: на дурной поступок она не способна. Однако жены порой лгут и предоставляют алиби для своих, даже самых безрассудных, мужей. Причем чем добродетельнее жена, тем упрямее она стоит на своем. Чувствуя себя отвратительно, сэр Максвелл вынужден был признать, что в сложившихся обстоятельствах не может вычеркнуть супругов Фаррен из списка подозреваемых.

В списке присутствовали также жители Гейтхауса. Джок Грэм – настолько безрассудный и отважный человек, какой только может быть. А еще он умен. Если уж кому и хватило бы ума составить хитроумный план преступления и расчетливо его осуществить, так это Джоку Грэму. Он известен своими изощренными шутками и способен открыто и уверенно лгать, глядя собеседнику в лицо честными ангельскими глазами. У Фергюсона плохие отношения с женой. Подробностей Максвелл не знал, но пресвитерианский ум подсказывал ему, что вышеозначенное обстоятельство свидетельствует отнюдь не в пользу подозреваемого. Стрэчен... Что ж, Стрэчен – председатель местного гольф-клуба и в высшей степени уважаемый человек. Его, как и Гоуэна, определенно следует вычеркнуть из составленного лордом Питером списка.

Зазвонил телефон, и Уимзи навострил уши. Максвелл раздражающе неторопливо поднял трубку, сказал несколько слов и повернулся к Уимзи:

– Это Дэлзиел. Вам лучше послушать, что он скажет.

– Это вы, сэр Максвелл? Да, мы получили заключение доктора... И оно подтверждает версию убийства. Воды в легких нет. Кэмпбелл скончался до того, как оказался в реке. Смерть наступила в результате удара по голове. Сломанная кость вошла в мозг. Удар был нанесен Кэмпбеллу при жизни, но умер он почти сразу. Обнаружено еще несколько синяков на голове и теле. Доктор считает, что все они получены уже после смерти, когда тело падало вниз, ударяясь о камни.

– Что со временем смерти?

– Да, сэр Максвелл, я как раз собирался к этому перейти. Доктор утверждает, что в момент, когда он впервые увидел тело, покойный был мертв по меньшей мере часов шесть. А если точнее – часов двенадцать-тринадцать. Из этого следует вывод, что убийство было совершено ночью или ранним утром. В промежутке между полночью и девятью часами утра. Есть еще одно очень подозрительное обстоятельство, подтверждающее время смерти. Желудок покойного абсолютно пуст. Его убили до того, как он успел позавтракать.

– Но, – вмешался в разговор Уимзи, – если Кэмпбелл поел слишком рано, то еда уже успела миновать желудок.

– Вы правы. Однако доктор сообщил, что его внутренности пусты как барабан, и готов поклясться своей профессиональной честью, что с прошлой ночи у покойного не было во рту и маковой росинки.

– Ему виднее, – кивнул Уимзи.

– Я говорю с вашей светлостью, не так ли? Значит, вы будете довольны, что ваша версия получила подтверждение.

– Замечательно, что у его светлости появился повод для радости, – произнес Джеймисон, – но я бы предпочел, чтобы это был обычный несчастный случай, а не убийство.

– Вы правы, мистер Максвелл. Но что случилось, то случилось, и наша задача – приложить все силы к тому, чтобы раскрыть данное преступление. Вот еще одна примечательная деталь. Мы не сумели найти каких-либо четких отпечатков пальцев на художественных принадлежностях покойного, поэтому у меня сложилось впечатление, что убийца работал в перчатках. Руль тоже протерли до блеска. Да, у нас есть основания считать, что это убийство. Как по-вашему, сэр Максвелл, нужно ли сделать этот факт достоянием общественности?

– Трудно сказать, сержант. А что думаете вы сами? Вы советовались с инспектором Макферсоном?

– Да, сэр. Он полагает, что мы должны как-то объяснить людям причину многочисленных расспросов. Действовать надо деликатно, хотя местные жители уже судачат о ссоре покойного с Уотерсом... да и с Фарреном тоже... да-да... Поползли слухи, что Стрэчен провел ночь в Критауне. Вряд ли нам удастся скрыть подробности.

– Что ж, придется сообщить, что в Миннохе, видимо, было совершено преступление и ведется расследование, однако не стоит предавать огласке слова доктора о времени смерти

Кэмпбелла. Я скоро освобожусь и поговорю с прокурором. А пока поручу полицейским из Керкубри еще кое-кого допросить.

– Да, сэр. Это их район. Пусть действуют. А я получил новости из Странрара и займусь этим. Задержали человека, садившегося на пароход в Ларне... В общем, я перезвоню вам позднее, сэр Максвелл.

Начальник полиции повесил трубку и посмотрел на лорда Уимзи.

– Судя по всему, вы были правы, – неохотно признал он. – Но, – добавил уже более жизнерадостно, – теперь, когда в Странраре задержали подозрительного человека, преступление, надеюсь, будет раскрыто в ближайшее время.

– Не исключено, – кивнул Уимзи. – Только вот я сильно сомневаюсь, что человек, столь детально спланировавший убийство, попался на такой глупости, как запоздалая попытка отплыть в Ирландию. Вам это не кажется странным?

– С фактами не поспоришь, – вздохнул Джеймисон. – Если он действительно хотел скрыться, то ему следовало сесть на пароход еще вчера утром. А уж если решил прикинуться невиновным, то ему следовало остаться дома.

– По-моему, настало время о многом поговорить с Фарреном, Гоуэном и Уотерсом, хотя последний исчез, а также еще кое с кем из добропорядочных жителей Керкубри. Легкая непринужденная беседа с таким веселым, дружелюбным и любознательным человеком, как я, сэр Максвелл, может сотворить чудо. Ведь в моей утренней прогулке по местным художественным студиям нет ничего необычного, верно? Никому нет до меня дела. Более того, я так сдружился с некоторыми из живописцев, что они позволяют мне сидеть рядом и наблюдать за их работой. А вот официальное лицо вроде вас может смутить их, в то время как мое высокое положение уже давно никого не удивляет. В Керкубри никто не испытывает передо мной благоговейного трепета. Я с рождения выгляжу глуповато, и с каждым днем меня все меньше воспринимают всерьез. Даже вы, сэр, позволили мне прийти сюда, сидеть в вашем кабинете и спокойно курить трубку. Для вас я лишь беззлойный зануда, не так ли?

– Отчасти вы правы, – кивнул Джеймисон, – но не забывайте, что вам надо держать язык за зубами. Нет нужды лишний раз произносить слово «убийство».

– Я нем как рыба, – заверил Уимзи. – Пусть его произносят другие. Что ж, всего хорошего.

Питер Уимзи не вызывал у окружающих благоговейного трепета, но прием, оказанный ему в доме Фаррена, напроочь опровергал его заявление о том, что якобы до него никому нет дела. Дверь отворила миссис Фаррен, но при виде посетителя отшатнулась и тихо вскрикнула, словно ужасно удивилась столь неожиданному визиту. На ее лице отразилось смятение и даже страх.

– Добрый день! – произнес Уимзи, с беззаботным видом переступая порог. – Как поживаете, миссис Фаррен? Не видел вас целую вечность. Хотя о чем это я? Мы встретились в пятницу вечером у Бобби, но минувшее с тех пор время показалось мне вечностью. А где ваш супруг?

Миссис Фаррен, напоминая привидение с полотна сэра Эдварда Бёрн-Джонса эпохи прерафаэлитов, протянула его светлости ледяную руку.

– У меня все хорошо, благодарю вас. Хью нет дома. Э... не хотите ли войти?

Уимзи, который и так уже вошел, принял приглашение с искренней благодарностью.

– Что ж, замечательно. Я не помешаю? Вы, наверное, готовили или убивались?

Миссис Фаррен покачала головой и провела гостя в небольшую гостиную с уютными сине-зелеными шторами и вазами, наполненными оранжевыми бархатцами.

– Или, может, вы занимались шарфами? – Миссис Фаррен ткала замечательные шерстяные шарфы с замысловатыми узорами. – Знаете, я завидую вашему умению. Есть в этом нечто

от волшебницы Шалот⁶. «Проклятье пало на меня...» Вы обещали, что как-нибудь позволите мне попробовать.

– Боюсь, что сегодня меня одолела лень, – ответила хозяйка, слабо улыbnувшись. – Я просто... Простите, я на минуту отлучусь.

Миссис Фаррен вышла из комнаты, и Уимзи услышал, как она разговаривает с кем-то в задней части помещения. Без сомнения, с девушкой, выполнявшей грязную работу по дому. Его светлость осмотрел комнату, и от его пронизательного взгляда не укрылась некоторая неопрятность. Не то чтобы здесь совсем не убирались: откровенного беспорядка не наблюдалось, – но подушки показались его светлости смятыми, один или два цветка поникли, а на подоконниках и полированной поверхности стола лежал тонкий слой пыли. В домах его приятелей подобное положение дел свидетельствовало о беззаботности и нежелании заострять внимание на таких мелочах, как пыль и легкий беспорядок, но в случае с миссис Фаррен это было чем-то экстраординарным и полным тайного смысла. Для нее красота повседневной жизни – не пустой звук. Это было сродни вероучению, которое следовало почитать, или культу, какому нужно было служить страстно и усердно. Для Уимзи, наделенного богатым воображением, все эти мелочи стали доказательством весьма беспокойной ночи и исполненного ужаса утра. Он вспомнил женскую фигуру в дверном проеме и стоявшего позади нее таинственного мужчину. Да-да, в том, что прошлой ночью в доме находился посторонний мужчина, его светлость не сомневался. А вот мистер Фаррен отсутствовал. Лорд Питер считал миссис Фаррен красивой женщиной, если, конечно, кому-то нравится подобный типаж – милое овальное лицо, большие серые глаза и густая копна медно-рыжих волос, разделенных посередине и собранных на затылке в тугий пучок.

За окном раздались шаги. Мимо дома прошла Дженни с корзиной на руке. Хозяйка вернулась в гостиную и опустилась на стул с высокой узкой спинкой. При этом она смотрела куда-то поверх головы своего гостя со страдальческим выражением лица, как нищенка из легенды, которая осознавала, что жизнь с королем Кофетуа⁷ отнюдь не сахар.

– А куда подевался мистер Фаррен? – бестактно поинтересовался Уимзи.

В больших глазах хозяйки дома мелькнул страх... а может, боль.

– Он ушел... куда-то.

– Вот гуляка, – усмехнулся Уимзи. – Или он решил поработать?

– Я... не знаю. Вам же известно, как заведено в наших краях. Человек уходит из дому, уверяя, будто вернется к обеду, а потом встречает какого-нибудь приятеля, от которого узнает о хорошем клевете. И все...

– Да уж. Форменное безобразие, – с сочувствием протянул Уимзи. – Вы хотите сказать, что мистер Фаррен даже не вернулся, чтобы перекусить?

– О, я говорила в общем. Разумеется, мой муж пришел домой к обеду.

– А затем снова ушел, сказав, что ему нужно купить сигарет и вернется через десять минут. Верно? Как же обескураживающе мы порой себя ведем. Я и сам часто обижаю людей, хотя потом совершенно не мучаюсь совестью. В конце концов, Бантер получает жалованье за то, чтобы молча сносить мои выходки. Все было бы совсем иначе, имей я преданную жену, которая грела бы мне тапочки и каждые пять минут бросала взгляд на дверь в ожидании моего появления.

Миссис Фаррен судорожно вздохнула.

⁶ «Волшебница Шалот» («*The Lady of Shalott*») – баллада английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892).

⁷ Африканский правитель, воспетый в старинной английской балладе, упоминался у Шекспира. Слыл женоненавистником, пока не полюбил нищенку.

– Нет, в самом деле, – продолжил Уимзи. – Я действительно считаю, что это нечестно. В конце концов, никто не знает, что может случиться. Только посмотрите, как все обернулось для бедняги Кэмпбелла.

Хозяйка дома охнула от ужаса и едва не сорвалась на крик, однако быстро взяла себя в руки.

– Лорд Питер, прошу вас, расскажите, что произошло. Дженни поведала мне какую-то жуткую историю: вроде его убили, – но она была так взбудоражена и говорила на таком ужасном шотландском, что я толком ничего не поняла.

– Дженни сказала правду. Кэмпбелла нашли вчера в Миннохе после полудня с проломленной головой.

– С проломленной головой? Но вы же не думаете...

– Пока трудно сказать, как это случилось. В том месте берег реки усеян камнями.

– Он упал в реку?

– Похоже на то. Кэмпбелл лежал в воде, но, по словам доктора, не утонул: причиной смерти стал удар по голове.

– Ужасно!

– Странно, что вы еще не слышали об этом, – произнес Уимзи. – Ведь он был вашим другом, верно?

– Ну... да. Мы хорошо его знали.

Миссис Фаррен замолчала. Уимзи показалось, что она вот-вот лишится чувств, и он вскочил со своего места.

– Послушайте... Вы испытали шок. Позвольте принести вам воды.

– Нет-нет...

Миссис Фаррен протянула руку, чтобы остановить гостя, но тот уже метнулся в сторону студии, где, как помнил, находился водопроводный кран. Первое, что он заметил, был открытый чемоданчик с рисовальными принадлежностями, стоявший на столе. Тюбики с красками в беспорядке рассыпались по его поверхности. Тут же валялась палитра. За дверью висел старый плащ Фаррена. Уимзи тщательно прощупал карманы и подкладку, но не обнаружил ничего интересного. Он наполнил чашку водой из-под крана, не переставая скользить взглядом по комнате. Мольберт с незаконченной картиной располагался на своем месте, переносной мольберт был сложен и прислонен к раковине, так что, судя по всему, Фаррен уехал отнюдь не на этюды.

Пролившаяся на руку вода напомнила его светлости, зачем он оказался в студии. Вытерев чашку, он развернулся, чтобы уйти, и в этот самый момент заметил рыболовные снасти Фаррена, стоявшие в углу за дверью: два удилица для форели, удочка для лосося, сеть, багор, корзина для рыбы и болотные сапоги. Но не исключено, что у Фаррена имеется и четвертая удочка и рыбачить можно без корзины и сапог, однако, спрятанные в углу, все эти вещи смотрелись единым целым.

Уимзи вернулся в гостиную, но миссис Фаррен лишь раздраженно отмахнулась.

– Благодарю вас, вода мне не нужна. Я в полном порядке.

Но ее взволнованный взгляд свидетельствовал об обратном. Уимзи понимал, что ведет себя бесцеремонно, и все же этой женщине придется ответить на его вопросы. Пусть лучше их задаст он, а не полицейские.

– Ваш муж скоро вернется, – произнес он. – Новости наверняка уже разлетелись по всему графству. Странно, что мистер Фаррен еще не объявился. Вы действительно не знаете, куда он отправился?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Я хочу сказать, что готов передать ему записку или что-то в этом роде.

– С чего бы это? Спасибо вам огромное. Но в самом деле, лорд Питер, вы разговариваете со мной так, будто несчастье случилось в нашей семье. Мы хорошо знали мистера Кэмпбелла, однако у меня нет никаких оснований так уж по нему убиваться. Боюсь, что покажусь вам бесчувственной...

– Все нет. Просто я вижу, что вы слегка расстроены. Возможно, я неправильно расценил...

– Возможно, – вымученно промолвила миссис Фаррен, а потом словно бы взяла себя в руки и с вызовом посмотрела на гостя. – Мне жаль мистера Кэмпбелла. К сожалению, его многие недолюбливали. И он остро это чувствовал, хотя об этом мало кто догадывался. Мистер Кэмпбелл постоянно на всех злился – отталкивающая черта. Чем сильнее человек ненавидит окружающих за ненависть к нему, тем более неприятной личностью становится, притягивая к себе еще больше негатива. Хотя мне это не нравится. Не может нравиться. Но я старалась быть вежливой. И люди наверняка неверно истолковали мое отношение к мистеру Кэмпбеллу. Но ведь нельзя перестать быть собой лишь потому, что окружающие что-то поняли превратно, правда?

– Да, – кивнул Уимзи. – Если вы и ваш муж...

– О, – выдохнула миссис Фаррен. – Мы с Хью прекрасно друг друга понимаем.

Уимзи подумал, что она лжет. Противостояние ее мужа и Кэмпбелла стало притчей во языцех. Миссис Фаррен принадлежала к той категории женщин, которые если уж берутся излучать свет и доброту, то от своего не отступятся. Лорд Питер посмотрел на ее пухлые губы и узкий упрямый лоб. Это было лицо женщины, которая видит лишь то, что желает видеть. Считает, что зло во всем мире можно искоренить, делая вид, будто его не существует. Такие понятия, как ревность или самокритичность, ей неведомы. Подобные женщины опасны, поскольку глупы. Глупые и опасные, как Дездемона.

– Что ж, ладно, – беззаботно произнес Уимзи. – Будем надеяться, что наш гуляка скоро объявится. Он обещал мне показать кое-что из своих снастей. И мне не терпится с ним увидеться. Вероятно, я еще его встречу. Он на велосипеде, как обычно?

– Да.

– По-моему, в Керкубри на душу населения приходится гораздо больше велосипедов, чем в любом другом городе, – заметил Уимзи.

– Это потому, что мы трудолюбивы и бедны.

– Ничто так не способствует развитию добродетели, как велосипед. Вряд ли вы сможете представить, чтобы велосипедист совершил преступление, верно? Я не говорю об убийстве или попытке убийства.

– А почему вы заговорили про убийство?

– Да потому что они носятся по противоположной стороне дороги, забывая о тормозах, предупредительных сигналах и фарах. То, с какой легкостью велосипедисты могут столкнуть вас в канаву, я называю убийством. Или самоубийством.

Лорд Уимзи вскочил, испуганно вскрикнув: на сей раз миссис Фаррен действительно лишилась чувств.

Грэм

Оказав миссис Фаррен первую помощь, лорд Уимзи оставил ее удобно расположившейся на диване в гостиной, а сам отправился на поиски Дженни. Он обнаружил ее в лавке торговца рыбой и отослал домой, сообщив, что ее хозяйке нездоровится.

– М-да, – философски протянула Дженни. – Я совсем не удивлена. Ведь она так переживает из-за мистера Фаррена. Натворил дел, а потом вышел за дверь и вот уже два дня не появляется.

– Два дня?

– Ага. Уехал на велосипеде позапрошлой ночью, изрыгая проклятия. Только вот куда отправился и зачем, не сообщил.

– И вчера вечером к ужину не вернулся? – спросил Уимзи.

– Кто? Он? Конечно, нет. Ни днем, ни вечером его не видели. Пришел домой в понедельник, застал там Кэмпбелла и погнал его прочь. А потом орал так, что жену моего брата едва не хватил удар. После этого пулей выскочил за дверь и зашагал прочь, а миссис Фаррен за ним. Так рыдала, бедняжка. Не знаю, чего она так по нему убивается. По мне, так пусть бы убирался на все четыре стороны со своей ревностью и дурным характером.

Теперь Уимзи понял, почему Дженни столь спешно отослали из дома, хотя было бы глупо надеяться, что она станет держать язык за зубами, когда появился такой замечательный повод посплетничать. Рано или поздно история все равно стала бы достоянием общественности. Даже сейчас, когда они с Дженни шли по улице, Уимзи ловил на себе любопытные взгляды.

Он задал девушке еще несколько вопросов. Нет, жена брата не знает, из-за чего произошла ссора, но видела в окно спальни, как ругались супруги Фаррен. Мистер Кэмпбелл пришел около шести часов вечера, и почти следом за ним появился мистер Фаррен. Сразу после этого Кэмпбелл ушел. Жена брата Дженни не слышала, ругались ли мужчины, но мистер и миссис Фаррен беседовали в гостиной целый час, причем хозяин дома беспокойно расхаживал по комнате и размахивал руками, а миссис Фаррен плакала. Вскоре раздались громкие крики, и мистер Фаррен выскочил из дому, со злостью надвинув шляпу на глаза и схватив велосипед. Миссис Фаррен побежала следом, чтобы остановить его, но он грубо оттолкнул ее и был таков. С тех пор мистер Фаррен домой не возвращался. Жена брата Дженни знает это наверняка, потому что поглядывала на соседский дом в надежде выяснить, что же произойдет дальше.

Все это случилось в понедельник. Сегодня среда. А во вторник Кэмпбелла обнаружили в Миннохе с проломленным черепом.

Уимзи попрощался с Дженни, предупредив ее, чтобы не слишком-то болтала о проблемах своих работодателей, и направился в сторону полицейского участка, но потом передумал. Не надо поднимать шум, пока в деле нет ясности. Необходимо проверить и другие версии. Сейчас неплохо было бы прогуляться по Гейтхаусу. Его светлости хотелось задать еще один вопрос миссис Грин – женщине, убиравшейся в доме Кэмпбелла. К тому же в доме покойного могли обнаружиться какие-нибудь письма, документы или еще что-нибудь любопытное. В любом случае небольшая прогулка на автомобиле не помешает.

Проезжая с такими намерениями по ведущему в Гейтхаус мосту, лорд Питер внезапно заинтересовался высоким мужчиной, стоявшим возле входа в гостиницу «Энвос» и беседовавшим с констеблем. Этот человек в убогом плаще из непромокаемой ткани, старых брюках гольф, сомнительного качества ботинках и гетрах и с рюкзаком за плечами неистово замахал руками при виде автомобиля его светлости. Уимзи с безрассудной поспешностью нажал на тормоз, едва не задавив гостиничного кота, и замахал рукой в ответ.

– Привет, привет! – закричал он. – Каким ветром вас сюда занесло, старый негодяй?

– Всем без исключения не терпится это узнать, – произнес неряшливо одетый человек, протягивая лорду Питеру большую костлявую руку. – Похоже, мне ни на секунду нельзя отлучиться по личному делу, не подняв шума. Что здесь происходит?

Уимзи бросил взгляд на констебля, но тот с загадочным видом покачал головой.

– Получив приказ, провести расследование... – начал он.

– Но ведь вы не получали приказа напускать таинственности, не так ли? – возразил неряха. – Да что случилось-то? Меня подозревают в совершении какого-то преступления? Что же я натворил? Напился и учинил дебош? Или ехал на велосипеде без заднего фонаря? Или же гонял на огромной скорости, представляя опасность для окружающих?

– Минуточку, мистер Грэм, подождите. Сэр, дело касается вашего велосипеда, и мне хотелось бы знать...

– На сей раз я невиновен! – воскликнул мистер Грэм. – Позаимствовать не значит украсть.

– Вы и раньше заимствовали велосипеды? – поинтересовался Уимзи. – Дурная привычка. Велосипеды – настоящее проклятие этой страны. Центр тяжести расположен слишком высоко, а тормоза редко бывают в порядке.

– Знаю! – откликнулся Грэм. – Просто стыд. Каждый последующий позаимствованный мною велосипед хуже предыдущего. И мне часто приходится прямо говорить об этом. Позавчера я едва не свернул шею на велосипеде юного Энди.

– Господи, – вздохнул хозяин гостиницы, услышав обрывки разговора. – Значит, это вы, мистер Грэм, увели велосипед моего парня? Что ж, пользуйтесь на здоровье. Я на вас не сержусь, но парень сильно расстроился, когда его велосипед исчез в неизвестном направлении.

– Снова исчез? – вскинул брови мистер Грэм. – Но, клянусь, на сей раз я ни при чем. Можете передать Энди, что я не возьму его жалкую развалюху до тех пор, пока он не приведет ее в надлежащий вид. И да поможет Господь тому, кто ее забрал, потому что беднягу наверняка найдут мертвым в каком-нибудь придорожном кювете.

– Возможно, мистер Грэм, – произнес констебль. – И все же я был бы рад, если бы вы сообщили мне...

– Да что ж такое! – в сердцах воскликнул Джок Грэм. – Нет, я не расскажу вам, где был. С какой стати?

– Просто дела обстоят довольно скверно, приятель, – заметил Уимзи. – Находясь в своем загадочном уединении, вы, случайно, не слышали, что вчера днем Кэмпбелла нашли мертвым на берегу реки?

– Кэмпбелла? Господь всемогущий! Нет, я не слышал. Так, так, так... Надеюсь, Всевышний простит ему все прегрешения. Как это его угораздило? Хватил лишку и шагнул с пристани в Керкубри?

– Не совсем так. Судя по всему, мистер Кэмпбелл рисовал, а потом поскользнулся на камнях и разбил голову.

– Разбил голову? То есть не утонул. Верно?

– Не утонул.

– Ну и ну! Я всегда говорил: он рожден, чтобы быть повешенным. Но, очевидно, ему удалось избежать виселицы таким вот печальным способом. И все же я оказался прав, предположив, что Кэмпбелл не утонет. Вот бедняга. Бесславный конец. Думаю, нам надо зайти внутрь и пропустить по стаканчику. За упокой его души. Признаюсь, я недолюбливал Кэмпбелла, и все же мне отчасти жаль, что я больше никогда не смогу над ним подшутить. Присоединитесь к нам, офицер?

– Благодарю вас, сэр, но если бы вы были так любезны и...

– Предоставьте это мне, – негромко произнес Уимзи, подталкивая констебля локтем и направляясь следом за Грэмом к барной стойке.

– Как вы умудрились не услышать этой новости, Джок? – поинтересовался его светлость, когда им подали напитки. – И где прятались последние два дня?

– Час от часу не легче. Да вы не менее любопытны, чем наш приятель там, на улице. Я живу тихо и спокойно. Скандалов не устраиваю. Газет не читаю. Однако расскажите мне про Кэмпбелла. Когда с ним произошло несчастье?

– Тело обнаружили в два часа дня, – сообщил Уимзи. – Но есть свидетели, которые якобы видели его живым и стоявшим за мольбертом в начале двенадцатого.

– Это еще повезло, что Кэмпбелла так быстро нашли. Я частенько задумывался над тем, что, если с кем-то в холмах случится несчастье, пройдут недели, прежде чем беднягу обнаружат. Правда, Миннох не такое уж богом забытое место. Во всяком случае, в рыболовный сезон. Вряд ли...

– А откуда, позвольте спросить, сэр, вам известно, что несчастье произошло в Миннохе?

– Откуда мне известно? Я вам отвечу цитатой, которую подслушал у одной в высшей степени уважаемой и хорошо одетой дамы, беседовавшей с приятельницей на Теобальд-руд: «Все не так просто, как кажется на первый взгляд». Это ваше беспокойство о моем местонахождении и рана на голове Кэмпбелла... Правильно ли я понимаю, констебль? Меня подозревают в том, что я огрел по голове хорошего человека, а потом сбросил в реку, точно чужеземный рыцарь из баллады?

– Не совсем так, сэр. И все же по долгу службы...

– Господи! – воскликнул хозяин гостиницы, до которого наконец дошел смысл разговора. – Уж не хотите ли вы сказать, что беднягу убили?

– Не исключено, – ответил констебль.

– Он вовсе не хотел этого сказать, – произнес Грэм. – Я прочитал это в его выразительном взгляде. Кто бы мог подумать, что в нашем тихом городке может случиться подобное?

– Кошмар, – кивнул хозяин гостиницы.

– Ну же, Джок, – встрял в беседу Уимзи, – избавьте нас от мучений и приподнимите завесу тайны. Откуда вы узнали, что несчастье произошло с Кэмпбеллом именно в Миннохе?

– Телепатия, – широко улыбнулся Грэм. – Я прочитал ваши мысли и явственно увидел картинку: речка с усыпанным острыми камнями дном, отвесный гранитный склон, мост, деревья и темная заводь под ними. И тогда я себе сказал: «Черт возьми! Да это же Миннох!»

– Вы умеете читать мысли?

– Подозрительный факт, верно? Но, если честно, не умею. Я знал, что Кэмпбелл отправится в Миннох на этюды, потому что он сам сообщил мне об этом.

– Неужели?

– Да. А почему нет? Иногда я беседовал с Кэмпбеллом вполне мирно, не бросаясь в него сапогами. В понедельник он сказал, что собирается изобразить мост. И даже сделал набросок, недовольно ворча себе под нос. Ну, вы помните его манеру...

Грэм достал из кармана кусок мела и принялся рисовать на барной стойке, сморщившись при этом так, что сразу стал похож на Кэмпбелла с его тяжелой челюстью, надутыми губами. Рука живописца, имитирующая манеру письма покойного, быстро и ловко делала наброски. Перед глазами присутствующих с волшебной быстротой, напоминая смену кинокадров, возникала картина: речка, деревья, мост и пушистые белые облака. Все это было так похоже на тот пейзаж, что Уимзи видел в Миннохе, что он на мгновение утратил дар речи.

– Вы могли бы заработать целое состояние на изготовлении копий, Джок!

– В этом-то и проблема. Моя манера письма универсальна. Могу писать в чем угодно стиле, кроме собственного. Это не дает покоя критикам. «Мистер Грэм все еще нащупывает свой стиль». Что-то вроде того. Но это весьма занятно. А вот теперь глядите. Это Гоуэн.

Грэм стер нарисованное, а вместо него воспроизвел живую копию одного из характерных для Гоуэна пейзажей: мрачная приграничная цитадель, широкая полоса берега, и на переднем плане – лодка с мускулистыми рыбаками, склонившимися над сетью.

– А вот Фергюсон... Одинокое дерево, его отражение в воде, размытая голубая даль... Все в голубых тонах. И еще груды камней, чтобы выдержать композицию. А это Фаррен: вид на крыши Керкубри с неизменным постом у заставы. Все это выглядит как Ноев ковчег, построенный из детских кубиков: киноварь, неаполитанский желтый, ультрамарин – изощренная наивность и никаких наклонных теней. Или Уотерс с его заявлением, что «ни один из этих шарлатанов не умеет рисовать по-настоящему», и изображением каменоломни с высоты птичьего полета, с тщательно прорисованными выступами, а также лошадь и повозка, бесчеловечно изображенные в перспективе. А все для того, чтобы доказать степень своего мастерства. Видит бог... – Грэм плеснул на стойку немного пива и вытер ее потрепанным рукавом. – ...все они обладают даром, которого напрочь лишен я. Уникальностью стиля. И от этого мне еще печальнее. Они абсолютно искренни в отличие от меня. Вот в чем разница. Говорю вам, Уимзи, половина этих чертовых портретов, за которые мне платят люди, не более чем карикатуры. Только полные идиоты этого не понимают. А если бы понимали, то скорее умерли бы, чем подписали чек.

Уимзи рассмеялся. Если Грэм хотел выиграть время, то ему это удалось. А если он пытался отвести от себя подозрения, выставляя напоказ собственный дар подражания, то вряд ли можно было бы сделать это с еще большей беззаботностью и прямотой. Объяснение собственной осведомленности тоже звучит правдоподобно. Кэмпбелл вполне мог поведать о своих намерениях Грэму или кому-либо еще.

Констебль начал проявлять нетерпение.

– По долгу службы... – снова забормотал он.

Но Грэм перебил его:

– О! Да этот малый что тот бульдог: если уж вцепился во что-нибудь, то не отпустит.

– Да уж, – кивнул Уимзи. – Вроде святого Гангольфа⁸. Все кричали: «Боже правый! Какое упрямство!» Дело плохо, приятель. Он вознамерился получить ответы на свои вопросы и не отступится.

– Бедолага, – протянул Грэм. – Мало ли, чего вам хочется, как говаривали нянюшки в старые добрые времена, когда еще никто не слышал о Марии Монтессори⁹. Меня не было в Миннохе. А где я находился, не ваше дело.

– Ладно, сэр, – кивнул констебль.

Разрываясь между необходимостью допросить подозреваемого, следуя установленным правилам, собственным нежеланием верить в то, что мистер Грэм способен на дурной поступок, и стремлением с пользой для дела выполнить возложенную на него задачу, полицейский оказался в весьма затруднительном положении.

– Ступайте своей дорогой, приятель, – добродушно произнес Грэм. – Вы лишь напрасно теряете время. Одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять: я и мухи не обижу. А убийца замечает следы, пока мы тут с вами обмениваемся дружескими шутками за кружечкой пива.

– Насколько я понял, – упрямо гнул свою линию констебль, – вы категорически отказываетесь сообщить мне, где находились в понедельник вечером.

⁸ Святой Гангольф – крупный землевладелец, живший в Бургундии в 8 в. Имел много добродетелей, помогал малоимущим. Был убит любовником своей жены.

⁹ Мария Монтессори (1872–1952) – итальянский врач и педагог. Создала педагогическую систему, основанную на идее свободного воспитания.

– Да сколько же можно! – вскричал Грэм. – Мы в этой стране действуем медленно, да верно. Я отказываюсь категорически, абсолютно, целиком и полностью. Сделайте себе пометку на случай, если забудете.

Констебль так и поступил, причем отнесся к совету весьма серьезно.

– Что ж, хорошо, – произнес он. – Мне придется доложить об этом начальству.

– И это правильно, – кивнул Грэм. – Я сам поговорю с вашим начальником.

Констебль с сомнением покачал головой и неохотно отошел от барной стойки.

– Господи, – вздохнул Грэм. – Мне даже стыдно над ним подтрунивать. Еще по одной, Уимзи?

Его светлость отказался, и тогда Джек Грэм резко вскочил со своего места, заявив, что ему непременно надо взглянуть, как обстоят дела у него в студии. Хозяин гостиницы «Энвос» проводил его взглядом.

– Интересно, что за этим кроется? – поинтересовался Уимзи.

– Да что угодно, – ответил хозяин. – Он истинный джентльмен, наш Грэм. И к тому же дамский угодник.

– Да, – согласился Уимзи. – Кстати, это напомнило мне о том, Джо, что я припас для вас новый лимерик¹⁰.

– Правда? – Хозяин гостиницы осторожно закрывал дверь, отделявшую бар от зала.

Поделившись лимериком, Уимзи покинул гостиницу и сосредоточился на делах. Миссис Грин, поденщица для домашней работы, жила в своем доме неподалеку. Она как раз пекла пресные лепешки, когда в ее дверь постучался лорд Уимзи, но тотчас же отряхнула руки, уложила лепешки на противень и с готовностью дала согласие поговорить о внезапной смерти своего нанимателя.

Миссис Грин говорила на крайне трудном для понимания шотландском и ужасно волновалась, но, повторив свои вопросы по несколько раз, Уимзи наконец смог понять ответы на них.

– Мистер Кэмпбелл съел что-нибудь на завтрак, перед тем как уйти из дома в понедельник утром?

Миссис Грин сообщила, что он поел. Она поняла это по остаткам бекона и яиц на столе и чашке из-под чая. К тому же по сравнению с предыдущим вечером явно уменьшились запасы хлеба и масла. А еще Кэмпбелл отрезал несколько кусков ветчины.

– Это был обычный завтрак мистера Кэмпбелла?

Да, он каждый день исправно съедал свою порцию яичницы с беконом. Насколько могла судить миссис Грин, в то злополучное утро он съел два яйца и пару ломтиков бекона.

– Завтракал ли в то утро мистер Фергюсон?

Да, мистер Фергюсон позавтракал копченой рыбой и выпил чашку кофе. Миссис Грин лично принесла ему в субботу пару рыбин. Одну он съел в воскресенье, а второй позавтракал в понедельник. Женщина не заметила ничего необычного ни в одном из домов. Это она и сказала навестившему ее полицейскому.

Возвращаясь в Керкубри, Уимзи размышлял об услышанном. Заключение доктора делало эту пару яиц и такое же количество ломтей бекона весьма подозрительным обстоятельством. Кто-то завтракал в доме Кэмпбелла. Скорее всего Фергюсон. Но если он не заходил в дом соседа, то вполне мог видеть посетителя. Жаль, что Фергюсон уехал в Глазго.

Что же касается Грэма, то он вряд ли ездил на озеро Трул. Его молчание можно объяснить дюжиной различных причин. И наиболее вероятная из них – женщина. В интересах Грэма неплохо было бы узнать, нет ли у него подруги в здешних местах. А может, он просто обнаружил какую-нибудь никому не известную речушку, полную форели, и не хочет ни с кем делиться. Или вел себя так, чтобы досадить полицейскому. Несмотря на всю свою эксцентрич-

¹⁰ Короткое юмористическое стихотворение из пяти строк, в котором обыгрывается бессмыслица.

ность, Грэм никогда не терял головы и был начеку. Однако здесь, в сельской глубинке, где все друг друга знают, передвижения человека трудно сохранить в секрете. Кто-нибудь наверняка видел Грэма и подтвердит это, если, конечно, захочет говорить. Но это сомнительно, как и все остальное в данном деле, поскольку местные жители мастера хранить многозначительное молчание.

Уимзи заехал к сэру Максвеллу Джеймисону, чтобы доложить новости о яйцах и беконе, но тот встретил слова его светлости лишь сухим «угу». Сообщений от Дэлзиела пока не поступало, поэтому лорд Питер отправился домой, заглянув предварительно к Уотерсу, желая убедиться, что тот еще не вернулся.

Бантер встретил его с привычной вежливостью, однако сэру Питеру показалось, будто преданного слугу что-то гнетет. Выяснилось, что тот сделал весьма неприятное открытие. Шотландцы настолько утратили чувство такта и меры, что называют тарелку блюдом – очевидно для того, чтобы намеренно сбить с толку иностранцев и заставить их чувствовать себя слонами в посудной лавке.

Уимзи посочувствовал Бантеру и, чтобы отвлечь его от оскорбляющих достоинство мыслей, поведал о своей встрече с Джоком Грэмом.

– В самом деле, милорд? Меня уже уведомили о появлении мистера Грэма. Насколько я понял, ночь понедельника он провел в Критауне.

– Вот как? Но откуда вам это известно?

– После разговора с молодым человеком из посудной лавки, милорд, я ненадолго заглянул в «Герб Макклеллана». Не в сам бар, где всегда толпится народ, а в приватный зал, расположенный за стеной. Там-то я случайно и услышал, как какие-то люди говорили о мистере Грэме.

– Что за люди, Бантер?

– Неряшливо одетые, милорд. Я предположил, что они как-то связаны с торговлей рыбой.

– Больше они ничего не сказали?

– Нет, милорд. К сожалению, один из них заметил меня, и они сразу замолчали.

– Вы знаете, кто они такие?

– Я попытался выяснить это у хозяина заведения, но он лишь ответил, что это парни из порта.

– А вы ожидали чего-то другого? Вы кого-нибудь разглядели?

– Только того, кто посмотрел в мою сторону. Да и то пару секунд. Остальные стояли спиной к двери, когда я вошел, милорд. А мне не хотелось выказывать излишнего любопытства.

– Так... Критаун располагается по дороге в Ньютон-Стюарт, но до Минноха оттуда очень далеко. Незнакомцы не называли время, когда они видели мистера Грэма?

– Нет, милорд, но, судя по тому, что они упоминали о количестве выпитого им спиртного, я заключил, что это было незадолго до закрытия заведения.

– Ага! – воскликнул его светлость. – Это можно выяснить, если навести справки в пабах Критауна. Прекрасно, Бантер. Полагаю, мне необходимо немного проветриться и привести мысли в порядок за партией в гольф. А в половине восьмого я с удовольствием поужинаю бифштексом и жареным картофелем.

– Хорошо, милорд.

Уимзи сыграл обещанную партию в гольф с мэром, однако удовлетворения не получил, хотя и выиграл со счетом 5:3. Из этого проигрыша Уимзи сделал вывод, что у мэра не совсем спокойно на душе, однако вызвать его на разговор о Кэмпбелле не удалось. Мэр посчитал произошедшее несчастным случаем и предположил, что все выяснится не так скоро, как хотелось бы. После такого заявления он сменил тему и принялся рассуждать о соревнованиях по мета-

нию колец в Гейтхаусе, недавней регате в Керкубри, скудных уловах лосося, зверствах браконьеров в устье реки и проблемах загрязнения прибрежных вод.

В половине десятого, покончив с бифштексом и ревеневым пирогом, Уимзи дремал над старым номером «Вестника Галловея» и был разбужен стуком каблуков по булыжной мостовой. Не успел он подняться со своего места и выглянуть в окно, как раздался стук в дверь и веселый женский голос поинтересовался:

– Можно нам войти?

Мисс Селби и мисс Кохран жили в соседних домах, частенько приходили друг к другу на чай и купались на песчаных пляжах реки Дун. Высокая, смуглая и немного угловатая мисс Селби обладала какой-то своеобразной бескомпромиссной красотой. Она писала маслом симпатичные, насыщенные и такие же, как она сама, угловатые, портреты. В волосах полненькой и смешливой мисс Кохран кое-где поблескивала седина. Она трудилась иллюстратором в журнале и предпочитала работать карандашом и акварелью. Дамы нравились Уимзи, поскольку были весьма неглупы. И его светлость нравился им по этой же самой причине. А еще их весьма забавлял его верный слуга Бантер. Бедняга испытывал почти физические страдания, когда видел, как они самостоятельно готовят себе обед или вешают на окна занавески. Бросая на дам укоризненные взгляды, он приходил им на помощь. Брал из их рук молоток и гвозди, произнося вежливое «позвольте мне, мисс», и любезно предлагал присмотреть за рагу или запеканками в их отсутствие. В качестве благодарности за помощь Бантера вознаграждали свежими овощами или цветами из собственного сада. И он принимал дары с неизменно вежливым «благодарю вас, мисс: его светлость будет очень признателен». Пока Уимзи приветствовал гостей, возникший в гостиной и воспользовавшийся паузой в разговоре Бантер поинтересовался, не хотят ли дамы отужинать после долгой дороги.

Гости ответили, что сыты, хотя дальнейшие расспросы показали, что после вечернего чая у них не было во рту ни крошки, если не считать нескольких сэндвичей, съеденных в поезде. Уимзи тотчас приказал подать омлет, бутылку кларета и остатки ревеневого пирога, а когда Бантер удалился, чтобы исполнить приказ, произнес:

– Ну что я могу сказать! Самое любопытное вы пропустили.

– То же самое нам заявили на станции, – кивнула мисс Кохран. – Так что же произошло? Неужели мистер Кэмпбелл действительно мертв?

– Истинная правда. Его обнаружили в реке...

– Но нам сказали, что он был убит, – вставила мисс Селби.

– Что ж, и это тоже правда.

– Господи! – воскликнула мисс Селби.

– А что говорит полиция насчет того, кто это сделал? – спросила мисс Кохран.

– О личности убийцы пока ничего не известно, – ответил Уимзи. – Однако есть предположение, что преступление было тщательно спланировано.

– Неужели? – изумилась мисс Кохран.

– На это указывают детали. К тому же у покойного ничего не украли. Ну и еще кое-какие обстоятельства.

– В общем, вы знаете гораздо больше, чем можете нам рассказать. Хорошо, что у нас есть алиби, правда, Маргарет? Мы находились в Глазго со вчерашнего утра. Ведь несчастье случилось во вторник?

– Похоже, что так, – кивнул Уимзи. – Но чтобы удостовериться, полиция проверяет местонахождение всех с вечера понедельника.

– Кого это всех?

– Ну, людей, которые были знакомы с Кэмпбеллом.

– Вам прекрасно известно, что в понедельник вечером мы были здесь, поскольку пожелали вам спокойной ночи. Мы отбыли в Глазго на поезде, отправлением в восемь сорок пять,

и у нас есть свидетели, способные подтвердить, что мы действительно отсутствовали до сего момента. Нам ничто не грозит. К тому же потребовался бы кто-то посильнее меня или Мэри, чтобы справиться с мистером Кэмпбеллом. Какое облегчение, что наших имен не окажется в списке подозреваемых!

– Верно, вас обеих, как и Уотерса, ни в чем не подозревают.

– Где же находился мистер Уотерс?

– Разве не с вами?

– С нами?

Дамы переглянулись, а Уимзи продолжил:

– Прошу прощения, но миссис Дуингс, квартирная хозяйка, сообщила мне, что Уотерс уехал в Глазго вместе с вами.

– Она, наверное, что-то перепутала. В воскресенье вечером у Боба Андерсона он сказал, что, возможно, мы встретимся с ним в Глазго. Но этого не случилось, и мы решили, что Уотерс передумал. В любом случае мы и не ждали встречи с ним, правда, Мэри?

– Нет, не ждали. Но разве Уотерс не в городе, лорд Питер?

– Если честно, то нет.

– Но ведь где-то же он сейчас находится.

– Естественно, – кивнул Уимзи. – Мне доподлинно известно, что Уотерс ушел из дома вчера в восемь тридцать утра, сообщив квартирной хозяйке, что отправляется в Глазго. Ну или он хотел, чтобы у окружающих сложилось именно такое впечатление.

– На станции его не было, – заявила мисс Селби. – И на выставке на следующий день мы его тоже не видели. Возможно, у него возникли дела поважнее.

Уимзи почесал затылок.

– Я должен поговорить с этой женщиной еще раз, – произнес он. – Наверное, я неправильно истолковал ее слова. Хотя все это чрезвычайно странно. Зачем Уотерсу вставать ни свет ни заря и уходить из дому, если он не собирался ехать в Глазго? Особенно если...

– Что? – спросила мисс Кохран.

– Ну, я просто не ожидал подобного поворота событий, – ушел от прямого ответа Уимзи. – Накануне вечером Уотерс был немного навеселе, и, как показывает практика, после такого его сложно вытащить из постели. Странная история. Однако, чтобы все выяснить, нам придется ждать его возвращения.

– «Нам»? – переспросила мисс Селби.

– Я имел в виду полицию.

– А, я поняла: вы помогаете полиции! – воскликнула мисс Кохран. – Я забыла, что вы снискали репутацию Шерлока Холмса. Жаль, что мы не сумели вам помочь. Вам лучше поговорить с мистером Фергюсоном. Вероятно, он встретил мистера Уотерса в Глазго.

– Значит, Фергюсон тоже там находился?

Уимзи постарался придать своему вопросу беззаботности, однако не обманул бдительную мисс Кохран, тотчас же бросившую на него многозначительный взгляд.

– Да, он там был. Уверена, мы сможем назвать вам точное время встречи с ним. – Чем больше мисс Кохран волновалась, тем отчетливее проступал в ее речи шотландский акцент. Она топнула ногами и подалась вперед, опершись руками о колени, словно рабочий в трамвае, готовый отстаивать свою точку зрения. – Наш поезд прибыл на конечную станцию в четырнадцать шестнадцать. Не слишком удобный поезд. Останавливался на каждой станции. Нам следовало подождать и сесть в Дамфрисе на поезд, отправлявшийся в тринадцать сорок шесть, но хотелось увидеться с сестрой Маргарет Кэтлин и ее мужем, ведь они уезжали в Англию. Они прибыли на станцию, чтобы встретиться с нами. Вместе мы отправились в отель, где пообедали, поскольку ничего не ели с восьми часов утра. В поезде еды не подавали. В отеле можно было спокойно поговорить. Не хуже, чем в любом другом месте. После этого мы проводили

Кэтлин с мужем и немного поспорили относительно того, что следует сделать дальше: сразу отправиться к моей кухне, у которой мы намеревались остановиться, или же сначала посетить выставку. Я сказала, что уже слишком поздно, чтобы предпринимать поход на выставку, но Маргарет предложила посмотреть на расположение полотен, чтобы на следующий день разглядеть каждое более внимательно. Я согласилась, что это разумно. Мы сели в трамвай и примерно в половине пятого или чуть раньше уже были на выставке. В первом же зале мы столкнулись с мистером Фергюсоном, направлявшимся к выходу. Конечно, мы остановились, чтобы немного поболтать. Мистер Фергюсон сообщил, что обошел всю экспозицию, но собирается проделать это еще раз на следующий день, и он прошелся по залам вместе с нами.

Уимзи, изо всех сил старавшийся удержать в голове расписание поездов и поспешно высчитывавший время отправления и прибытия, прервал рассказ мисс Кохран:

– Мистер Фергюсон действительно осмотрел всю экспозицию?

– Да. Он рассказал нам о расположении картин и упомянул о тех, что понравились ему больше других. Мистер Фергюсон прибыл в Глазго тем же поездом, что и мы. Только наверняка сразу отправился на выставку.

– Поезд в четырнадцать шестнадцать. Да, конечно. Он сел на него в Дамфрисе. Он останавливается там в одиннадцать двадцать две, не так ли? Вы видели мистера Фергюсона на платформе?

– Нет. Но это вовсе не означает, что его там не было. Ведь он путешествовал в вагоне для курящих. Мы же предпочли старый добрый дамский вагон, поскольку не любим курить в замкнутых пространствах. В любом случае мистер Фергюсон видел нас в Глазго, хотя мы его не заметили. При встрече он так нам и сказал: «Я видел вас на станции, а вы меня – нет. Это Кэтлин и ее муж были с вами?» После этого сообщил, что приехал тем же поездом.

– Отлично, – кивнул Уимзи. – Что ж, теперь, пожалуй, нам надо навестить Фергюсона. Вернее, не нам, а полиции.

Мисс Кохран покачала головой:

– Вам меня не обмануть. Вас выдают глаза. И, если честно, мне кажется, что вы и есть убийца.

– Нет, – возразил он. – Вот этого преступления я как раз и не смог бы совершить. По той простой причине, что не умею рисовать.

Гоуэн

Инспектор Макферсон из Керкубри был из тех старательных и лишенных воображения людей, для которых ни одна версия не является надуманной и непременно должна быть включена в расследование. Он любил вещественные доказательства и не принимал в расчет такие банальные заключения, как невозможность совершения того или иного деяния с точки зрения психологии. Начальник полиции представил ему обстоятельства смерти Кэмпбелла, и Макферсон понял, что они указывают на виновность кого-либо из художников. Эти обстоятельства ему понравились. И медицинское заключение тоже: четкое, веское, содержательное описание трупного окоченения и состояния пищеварительного тракта покойного. Созерцание расписания поездов тоже доставило инспектору удовольствие. Ведь все эти цифры можно было занести в таблицу и тщательно проверить. Факты же, касающиеся обнаруженной на мольберте картины, привели Макферсона в уныние. Речь шла о предмете, в котором он совершенно не разбирался, но был готов положиться на опыт эксперта. Макферсон, например, не стеснялся выслушать мнение своего кузена Тома относительно электричества и посоветоваться с сестрой Элисон в том, что касалось женского белья. В общем, инспектор был готов принять на веру факт, что джентльмен вроде Питера Уимзи вполне способен разбираться в живописи и технике письма различных художников.

Макферсон предположил, что все местные живописцы вполне годятся на роль подозреваемого независимо от того, насколько они богаты, уважаемы и мягкосердечны. Для него не имело значения, ссорились ли они с покойным Кэмпбеллом или нет. Керкубри являлся вверенной ему территорией, поэтому он считал своим долгом собрать разнообразную информацию о проживающих здесь художниках обоих полов и проверить у них наличие алиби – неважно, молодые они или старые, добродетельные или не очень. Действовал инспектор добросовестно, не сделав исключения ни для прикованного к постели Маркуса Макдональда, ни для лишь недавно поселившейся в Керкубри Хелен Чемберс, ни для девяностодвухлетнего старика Джона Питерсона, ни для Уолтера Фленагана, вернувшегося с войны с протезом вместо ноги. Макферсон отметил отсутствие Уотерса и Фаррена, однако не сделал из этого факта таких умозаключений, как лорд Питер. После обеда он объявился на крыльце мистера Гоуэна с блокнотом в руке и печатью добродетели на лице. Инспектор Макферсон оставил мистера Гоуэна напоследок, поскольку опасался навлечь на свою голову неприятности. Всем было известно, что утром Гоуэн работает и не терпит вторжения в личную жизнь до обеда.

Дверь отворил типичный английский дворецкий и коротко ответил на вопрос инспектора:

– Мистера Гоуэна нет дома.

Инспектор пояснил, что пришел по официальному делу, и еще раз попросил аудиенции у хозяина дома, однако дворецкий высокомерно повторил:

– Мистера Гоуэна нет.

Тогда Макферсон поинтересовался, когда мистера Гоуэна можно застать. И дворецкий снизошел до объяснения:

– Мистер Гоуэн уехал.

Для шотландца этот глагол имеет несколько иное значение, нежели для англичанина, поэтому инспектор спросил, вернется ли мистер Гоуэн к вечеру. Вынужденный прояснить ситуацию, дворецкий невозмутимо произнес:

– Мистер Гоуэн уехал в Лондон.

– Вот как? – Инспектор мысленно обругал себя за то, что так долго откладывал визит в этот дом. – Когда это случилось?

Дворецкий счел этот допрос в высшей степени неприличным, но тем не менее ответил:

– Мистер Гоуэн уехал в Лондон в понедельник вечером.

Инспектор изумленно посмотрел на дворецкого:

– В котором часу?

Судя по всему, в душе вышколенного слуги происходила внутренняя борьба, и все же он сумел сохранить самообладание:

– Мистер Гоуэн сел на поезд, отправлявшийся в восемь сорок пять из Дамфриса.

Инспектор задумался. Если это правда, то Гоуэна можно исключить из списка подозреваемых, но прежде необходимо проверить информацию.

– Я все-таки войду, – сказал он.

Дворецкий мгновение колебался, однако, заметив, что за этой беседой с интересом наблюдают соседи, милостиво отошел в сторону и впустил посетителя в красиво декорированный деревянными панелями холл.

– Я расследую обстоятельства смерти мистера Кэмпбелла, – пояснил инспектор.

Дворецкий молча кивнул.

– Должен заметить, у нас появились веские основания полагать, что вышеозначенный джентльмен был убит.

– Я понимаю.

– В таком случае вы наверняка понимаете, что для нас важно поговорить со всеми, кто видел мистера Кэмпбелла незадолго до смерти.

– Разумеется.

– К тому же нам необходимо знать, где находился каждый в то время, когда произошло преступление.

– Естественно.

– Я не сомневаюсь, – продолжил гнуть свою линию инспектор, – что если бы мистер Гоуэн был дома, то, несомненно, оказал бы нам любую посильную помощь.

Дворецкий выразил уверенность в том, что его хозяин был бы просто счастлив сделать это. Макферсон раскрыл свой блокнот.

– Ваше имя Хэлкок, не так ли? – спросил он.

– Элкок, – с упреком произнес дворецкий.

– «Ха», «Э» и два «эль»?

– В моей фамилии нет буквы «ха», молодой человек. Первая буква «э» и только одно «эль».

– А теперь, мистер Элкок, – это лишь формальность, вы же понимаете, – скажите, в котором часу мистер Гоуэн уехал из Керкубри в понедельник вечером.

– Примерно в начале девятого.

– Кто повез его на станцию?

– Хаммонд, водитель.

– Аммонд?

– Хаммонд. Его имя Альберт Хаммонд. Имя начинается с буквы «а».

– Прошу прощения.

– Ничего страшного. Наверное, вы захотите с ним поговорить?

– Непременно, – ответил инспектор. – А вы не знаете, видел ли мистер Гоуэн мистера Кэмпбелла в понедельник?

– Нет.

– Мистер Гоуэн дружил с мистером Кэмпбеллом?

– Не могу сказать наверняка.

– Не заходил мистер Кэмпбелл недавно к вашему хозяину?

– Насколько мне известно, мистер Кэмпбелл никогда не навещал мистера Гоуэна.

– Неужели? – Инспектору не хуже Элкока было известно, что Гоуэн держится в стороне от остального артистического сообщества. Он редко приглашал к себе гостей. Разве что иногда играл с избранными в бридж. И все же инспектор Макферсон считал себя обязанным задать эти вопросы официально.

– Я просто хотел уточнить имена знакомых мистера Кэмпбелла. Не могли бы вы сказать мне, чем занимался в понедельник мистер Гоуэн?

– Согласно своей привычке мистер Гоуэн поднялся в девять часов утра и позавтракал в девять тридцать. Затем он немного прогулялся по саду и опять же согласно привычке отправился в студию. Я подал обед в привычное время – в тринадцать тридцать. После обеда мистер Гоуэн опять рисовал вплоть до шестнадцати часов. Затем я подал чай в библиотеку.

– А дальше?

– После чая он выехал на прогулку на своем двухместном автомобиле.

– За рулем был Хаммонд?

– Нет. Выезжая куда-нибудь на этом автомобиле, мистер Гоуэн предпочитает самостоятельно садиться за руль.

– Вот как? Куда же он направился?

– Не могу сказать наверняка.

– Что ж, хорошо. Когда мистер Гоуэн вернулся?

– Около семи часов вечера.

– А что потом?

– Мистер Гоуэн объявил о своем решении отправиться в город.

– А раньше он что-нибудь говорил о своем намерении?

– Нет. Мистер Гоуэн имеет привычку время от времени ездить в город.

– И не предупреждает об этом?

Дворецкий кивнул.

– Это никогда не казалось вам странным?

– Нет.

– Он поел перед отъездом?

– Нет. Мистер Гоуэн собирался поужинать в поезде.

– В поезде? Вы сказали, он уехал из Дамфриса в восемь сорок пять?

– Да, так я понял из его слов.

– Но послушайте, разве вы не знаете, что поезд, отправлявшийся из Дамфриса в восемь сорок пять, не имеет никакого отношения к Лондону? Он прибывает в Карлайл в девять пятьдесят девять, а это поздно для ужина. Следующий же поезд в Лондон отправляется лишь в пять минут первого. Так почему мистер Гоуэн не поужинал дома, чтобы потом сесть на поезд, отправлявшийся из Дамфриса в одиннадцать ноль восемь?

– Не могу сказать. Мистер Гоуэн не информировал меня о своих намерениях. Вероятно, у него были какие-то дела в Карлайле.

Инспектор посмотрел в бледное и невозмутимое лицо дворецкого.

– Да, это возможно. Мистер Гоуэн, случайно, не сообщил, как долго будет отсутствовать?

– Он упомянул о том, что его не будет примерно неделю или дней десять.

– Оставил вам какой-нибудь адрес?

– Он пожелал, чтобы все письма переправлялись в его клуб.

– Какой клуб?

– «Муштабель» на Пикадилли.

Инспектор сделал запись в блокноте и задал еще один вопрос:

– Вы не получали известий от мистера Гоуэна после его отъезда?

Дворецкий вскинул брови.

– Нет. – Он немного помолчал, а потом продолжил: – Мистер Гоуэн не станет мне писать до тех пор, пока в этом нет острой необходимости.

– Значит, насколько вам известно, мистер Гоуэн сейчас находится в Лондоне.

– У меня нет оснований полагать, что он где-то в другом месте.

– Что ж, а теперь мне хотелось бы поговорить с Хаммондом.

– Хорошо.

Мистер Элкок позвонил в колокольчик, и в холле тут же возникла молодая, хорошенькая служанка.

– Бетти, – обратился к ней мистер Элкок, – будь так любезна сообщить Хаммонду, что с ним желает побеседовать инспектор.

– Подождите минуту, – промолвил Макферсон. – Бетти, а в котором часу мистер Гоуэн уехал из дому в понедельник вечером?

– Около восьми часов, сэр, – поспешно ответила девушка, украдкой бросив взгляд на дворецкого.

– Он поужинал, перед тем как уехать?

– Не могу припомнить, сэр.

– Ну же, дитя мое, – властно произнес мистер Элкок, – разумеется, ты все помнишь. Бояться совершенно нечего.

– Н... нет, мистер Элкок.

– Нет, – повторил дворецкий. – Ты совершенно в этом уверена? Мистер Гоуэн не ужинал перед отъездом?

– Нет.

– Тогда беги и передай Хаммонду мою просьбу. Если, конечно, у инспектора больше нет к тебе вопросов.

– Больше вопросов не имею, – сказал Макферсон.

– Что-нибудь случилось? – с дрожью в голосе спросила Бетти.

– Ничего особенного, – ответил дворецкий. – Насколько я понимаю, инспектор проводит обычный опрос. Прошу тебя, Бетти, позови Хаммонда и сразу возвращайся обратно. Нигде не останавливайся и ни с кем не заговаривай. Инспектор просто выполняет свою работу, как ты или я.

– Да... то есть нет, мистер Элкок.

– Хорошая девочка, – заметил дворецкий, когда Бетти скрылась за дверью, – но туго соображает.

Хаммонд, водитель, оказался невысоким бойким мужчиной со своеобразным выговором, напоминающим кокни. Инспектор быстро упомянул о рутинной проверке и сразу перешел к делу:

– Вы куда-нибудь возили мистер Гоуэна в понедельник вечером?

– На станцию в Дамфрис.

– В котором часу?

– В восемь. Чтобы он успел на поезд в восемь сорок пять.

– Вы отвезли его на двухместном автомобиле?

– Нет, на обычном.

– В котором часу мистер Гоуэн вернулся на своем двухместном автомобиле?

– Примерно в четверть восьмого. Я поужинал в половине восьмого, и когда вернулся, «райли» уже стоял в гараже.

– Мистер Гоуэн взял с собой какой-нибудь багаж?

– Сумку или портфель. Вот такого размера. – Он развел руки примерно на два фута.

– Вы видели, как он сел на поезд?

– Нет. Он пошел на станцию, а мне велел возвращаться домой.

- В котором часу это было?
- В восемь тридцать пять или около того.
- И вы сразу поехали в Керкубри?
- Ясное дело. Хотя нет. Я привез с собой сверток.
- Вот как? Что же в нем было?
- Две картины мистера Гоуэна, принадлежащие какому-то джентльмену из Дамфриса.

Хозяин не захотел отправлять их поездом, поэтому я привез их на машине. Они уже были запакованы и ждали, чтобы я их забрал.

- Значит, вы поехали за картинами после того, как оставили мистера Гоуэна на станции?
- Совершенно верно. Того джентльмена зовут Филлипс. Хотите назову адрес?
- Да, будьте любезны.

Водитель сообщил инспектору адрес.

- А мистер Гоуэн, случайно, не сообщил, куда направляется?
- Нет. Только сказал, что хочет успеть на поезд до Карлайла.
- До Карлайла? Вы уверены, что он не упоминал Лондон?
- Абсолютно. Поезд до Карлайла.

– А когда вы узнали, что должны везти мистера Гоуэна на станцию?

– Мистер Элкок спустился вниз, когда я ужинал. Он-то и сказал мне, что хозяин велел подать автомобиль к восьми часам, потому что ему нужно попасть в Дамфрис. Я ответил: «Будет исполнено!» А еще добавил, что могу забрать по дороге картины. Как сказал, так и сделал.

– Благодарю вас, мистер Хаммонд. Поймите: наш разговор с вами – чистая формальность.

– Все?

– Что?

– Я говорю – все? Мы закончили? Я свободен?

– Да. Пока у меня больше нет к вам вопросов.

– Ну что ж, в таком случае пока!

– Не желаете поговорить с миссис Элкок? – вежливо поинтересовался дворецкий, явно приготовившись стойко терпеть мучения.

– Думаю, в этом нет необходимости. Большое вам спасибо, мистер Элкок.

– Не за что, – ответил дворецкий. – Надеюсь, вы скоро нападете на след негодяя. Я просто счастлив, что смог оказаться полезен. Осторожнее, там перед входной дверью две ступеньки. Какой сегодня восхитительный вечер, не правда ли? Всего хорошего, инспектор!

«И все же, – подумал Макферсон, – не будет лишним навести справки в Дамфрисе. Гоуэна с его окладистой темной бородой трудно не запомнить. Странно, что он вдруг решил провести два-три часа в Карлайле в ожидании поезда до Лондона. Он вполне мог нанять там еще один автомобиль, чтобы добраться до дома».

Инспектор двинулся в сторону полицейского участка.

«К тому же, – продолжал размышлять он, – эта девица была не совсем уверена в своих словах. Не то что дворецкий с водителем».

Макферсон сдвинул фуражку и поскреб голову.

– Ладно, – весело произнес он вслух. – Я в этом еще разберусь.

Миссис Маклеод

Вечер выдался насыщенным. Уимзи проводил своих гостей до дома и собирался вернуться к себе, когда голубая калитка внезапно распахнулась. Последовавший за ней крик заставил Уимзи поспешить на помощь начальнику полиции, застрявшему между велосипедами, заполнявшими узкий проход.

– Хочу вам сказать, – произнес сэр Максвелл, когда вскоре уже сидел в удобном кресле в гостиной Уимзи и потягивал виски, – что это дело меня беспокоит. Хотелось бы увидеть впереди хоть какой-то просвет. Даже если предположить, что в своем списке вы указали всех возможных подозреваемых, я просто не знаю, с чего начать. Вполне ожидаемо, что у одного-двух не окажется надежного алиби. Но то обстоятельство, что все они попадают под подозрение, приводит меня в замешательство.

– Проклятье! – кивнул Уимзи.

– Грэм и Стрэчен, – продолжил начальник полиции, – как вам уже известно, не находились дома в интересующее нас время, и не могут объяснить своего отсутствия. Судя по тому, что вы мне сообщили, Фергюсона можно исключить из списка подозреваемых. И все же мы так его и не допросили. А после того, что случилось сегодня, я уже начинаю ставить под сомнения слова всех и каждого. Исчезновение Фаррена настолько подозрительно, что, если бы не странное поведение остальных, я немедленно выписал бы ордер на его арест. Гоуэн...

– Как? Его вы тоже подозреваете?

– Гоуэн уехал в Англию, но в отчете инспектора Макферсона есть моменты...

– Этого я еще не слышал.

– Да. – Начальник полиции вкратце изложил суть беседы Макферсона со слугами и продолжил: – Некоторые моменты требуют более детального анализа. А уж в том, что касается Уотерса, и вовсе ничего не понятно.

– Поделитесь же со мной своими соображениями, – попросил Уимзи. – Одна голова хорошо, а две – лучше.

– Что ж, извольте. Когда Уотерс не вернулся сегодня вместе с двумя молодыми дамами, вашими соседками, инспектор Макферсон побеседовал с миссис Маклеод, которая, похоже, направила вас по ложному следу. Хотя я надеюсь, что сделала она это непреднамеренно. Так вот, беседа с ней пролила свет на весьма примечательное обстоятельство.

Очевидно, Уотерс попросил разбудить его во вторник пораньше и сообщил о том, что собирается поехать в Глазго. В понедельник вечером миссис Маклеод слышала, как он вернулся домой вместе с вами и поднялся в свою спальню. Вскоре вы ушли. Она говорит, что это было примерно в десять тридцать. Так?

– Вы хотите спросить, действительно ли я ушел в половине одиннадцатого? Да.

– В промежутке между одиннадцатью часами и полуночью миссис Маклеод услышала, как кто-то кидает камешки в окно спальни Уотерса. Ее собственная комната расположена недалеко от его спальни, и окна обеих выходят на Хай-стрит. Женщина посмотрела на улицу и увидела мужчину. Она не могла разглядеть его как следует, но утверждает, что он невысок и широк в плечах. Незнакомец был закутан в пальто и толстый теплый шарф. Маклеод хотела крикнуть, чтобы он перестал шуметь, но окно спальни Уотерса распахнулось и тот сердито воскликнул: «Какого черта тебе надо?» Миссис Маклеод не разобрала слов незнакомца, а вот Уотерс сказал: «Хватит шуметь. Я сейчас спущусь».

Миссис Маклеод высунулась из окна и заметила стоявший поодаль четырехместный автомобиль. Вскоре вышел Уотерс в какой-то уличной одежде – женщине показалось, что это были брюки и свитер, – и они вместе с незнакомцем направились в гостиную. Мужчины разговаривали, а миссис Маклеод вернулась в постель. Вскоре она услышала, как кто-то вбежал

в спальню Уотерса, а потом снова спустился вниз. Входная дверь открылась и захлопнулась. Миссис Маклеод снова выглянула в окно и увидела, как мужчины сели в машину и уехали. Примерно через три четверти часа – к тому времени сон у миссис Маклеод как рукой сняло – она услышала, как дверь снова тихо отворилась и кто-то на цыпочках прокрался в спальню Уотерса.

После этого ничего больше не происходило. В семь тридцать утра квартирная хозяйка, как и было условлено, постучала в дверь Уотерса, поскольку принесла воду для бритья, а в восемь часов оставила завтрак в его гостиной. После этого она двинулась на улицу и занялась своими делами, а когда вернулась в дом – это было в восемь двадцать, – Уотерс уже позавтракал и ушел.

Я заметил две интересные детали. Во-первых, Уотерс вышел из дому – предположительно для того, чтобы отправиться на выставку в Глазго, – в старом свитере, серых фланелевых штанах, теннисных туфлях и выдавшем виды плаще. И во-вторых, забрал с собой велосипед.

– Что? – воскликнул Уимзи.

– Забрал с собой велосипед. Точнее, свой велосипед, который еще в понедельник вечером стоял перед дверью, а в восемь двадцать утра вторника исчез. Я предположил, что его забрал Уотерс.

– Вот это да!

– Ну и что вы думаете по этому поводу? – поинтересовался начальник полиции.

– Вы ждете, что я сейчас скажу, – медленно произнес Уимзи, – что человеком на улице был Кэмпбелл, явившийся прояснить свои разногласия с Уотерсом? И они уехали вместе, чтобы решить спор на кулаках? Что в драке Кэмпбелл получил удар по голове, а Уотерс спрятал где-то тело, а потом вернулся домой, чтобы обеспечить себе алиби? Затем, по вашему мнению, он придумал, как отвести от себя подозрения. Для этого встал в оговоренное раньше время, положил труп и велосипед в машину Кэмпбелла и поспешил к Минноху, желая создать видимость несчастного случая.

– Что еще вы скажете?

– Я мог бы привести вам пятьдесят вариантов развития событий, – ответил Уимзи. – Но признаю, что все перечисленные вами обстоятельства хорошо вписываются в картину совершенного преступления. Кроме одного.

– Да, я тоже об этом подумал. Где находилось тело в период между полуночью и восемью часами утра?

– Нет, – возразил Уимзи. – Тут я как раз не вижу никакой сложности. От Уотерса лишь требовалось положить труп в автомобиль и отогнать его к себе в студию. Рядом достаточно свободного места, где люди оставляют свои машины и повозки. Вряд ли кто-либо обратил бы внимание на старый автомобиль с грузом, прикрытым ковриком. Это же не Пикадилли. Здесь люди оставляют машины на улице на целую ночь, и никому нет до этого дела. Нет, меня озадачило иное.

– Что же?

– Я с вами поделюсь. Если все вышесказанное правда, то куда подевался Уотерс? Ему следовало находиться здесь еще вчера, всем своим видом излучая невиновность. Стоило ли осуществлять столь хитроумный план, чтобы потом сбежать и навлечь на себя подозрения?

– Вероятно, совершив убийство, он просто струсил. В конце концов ваше подозрение пало на всех, кроме Стрэчена и, возможно, Фергюсона.

– Верно. Что ж, мистер Максвелл, полагаю, вам нужно объявить Уотерса в розыск.

– Полностью с вами согласен. Как думаете, мне воспользоваться помощью Скотленд-Ярда?

– Вам понадобится помощь, если придется искать людей по всей стране. И все же я склонен думать, что это как раз тот случай, когда местная полиция справится сама. Ведь они знакомы с окрестностями. Впрочем, кто я такой, чтобы давать вам советы?

– Конечно, мне хотелось бы справиться самостоятельно. Макферсон прекрасно выполняет свои обязанности, как и Дэлзиел.

– Кстати, что насчет того молодого парня, которого они задержали в Странраре?

Максвелл тяжело вздохнул:

– Да ничего особенного. Оказался вполне уважаемым человеком, работником полотняной фабрики в Ларне. Судя по всему, он взял выходные, чтобы повидать родных, живущих на уединенной ферме близ Пинвери. Он должен был вернуться в понедельник вечером, но в это время на ферме устроили гулянку и парня уговорили остаться. Во вторник утром, едва придя в себя после попойки, он поспешил на станцию в надежде вернуться на работу к обеду, но перепутал расписание, ближайший пароход отправлялся лишь в семь часов вечера.

– А на утренний пароход он, конечно, опоздал.

– Да. Именно на него парень и рассчитывал попасть, но из-за гулянки проспал. Оказавшись в Странраре, он решил, что возвращаться сегодня вечером нет смысла. Лучше остаться дома и вернуться в среду утром на пароходе, отправляющемся в шесть десять. Тут-то его и задержали полицейские Странрара, получившие сообщение Дэлзиела. Сержант целый день трудился точно негр на плантации, устанавливая личность парня с помощью родственников, начальника станции в Пинвери и знакомых в Ларне. И в итоге парень оказался повинен лишь в том, что выпил лишнего и не смог вернуться на работу в понедельник вечером. Черт бы его побрал! Из-за него наш опытный сотрудник потратил впустую столько времени, а следствие топчется на том же месте. Надеюсь, этого болвана уволят.

– Ну-ну, не надо быть таким мстительным, – укорил начальника полиции Уимзи. – Он же не знал, чем все обернется. Парень и сам перепугался до чертиков, как говорится в книге Йена Хэя про блоху в одеяле.

Однако начальник полиции лишь недовольно пробурчал что-то в ответ.

– А есть какие-нибудь новости о мужчине с велосипедом, севшем на поезд в Герване? – спросил Уимзи.

– Нет. Но мы проверили все билеты и выяснили, что он действительно направлялся в Эр.

– Что с велосипедом?

– Билет на велосипед тоже был сдан. Однако нам не удалось разыскать контролера, который мог бы что-нибудь вспомнить. Все было бы гораздо проще, если бы мы точно знали, какой велосипед разыскиваем.

– Вы правы. Неплохо было бы заглянуть в описание этого транспортного средства. Миссис Маклеод должна знать, как выглядел велосипед Уотерса. К тому же я готов поклясться, что Энди знает каждую царапину на своей развалюхе. Кстати, он поставил новые шины. Этот факт может вам помочь.

– И нельзя забывать о велосипеде Фаррена.

– Я помню. Не говоря уж о богатой коллекции мужских и дамских велосипедов в нашем тупике. Если в Гейтхаусе или Керкубри кому-нибудь срочно понадобилось бы разжиться средством передвижения, это не составило бы труда. Все они примерно одинаковые – древние, как само время, добротные. Судя по тому, что нам известно, велосипед убийцы, если, конечно, он таковым воспользовался, наверняка уже вернулся на прежнее место.

– С этим не поспоришь, – кивнул начальник полиции. – Но получить описание все же нужно.

Сержант Дэлзиел

В четверг утром сержант Дэлзиел проснулся совершенно неотдохнувшим и раздраженным, поскольку очень рассчитывал на молодого человека в Странраре. Он прослыл бы настоящим знатоком своего дела, если бы получил сообщение об убийстве в полдень вторника и поймал преступника в половине седьмого утра на следующий день. И вот теперь ему придется начинать все сначала. Дэлзиела беспокоили объемные, противоречивые и сбивавшие с толку рапорты из Керкубри, к тому же разочаровала информация о велосипедисте из Гервана. Наверняка можно проследить его след, а также след его велосипеда. А от этих телефонных переговоров никакого толку. В общем, ничего не поделаешь: придется ехать в Керкубри лично. Раздосадованно ворча, Дэлзиел уселся в свой старый автомобиль, прихватил с собой констебля Росса и отправился собирать информацию.

Начал он с гостиницы «Энвос». Здесь ему посчастливилось допросить разъяренного владельца пропавшего велосипеда. Информации он получил в избытке и теперь знал, что следует искать шестилетний «рейли» с новыми шинами «данлоп», выкрашенной в черный цвет рамой, сломанной рукояткой на руле, оторванным звонком и испорченными тормозами. У велосипеда имелась сумка с набором необходимых инструментов, прикрепленный к раме насос и багажник. Сержант тщательно записал слова потерпевшего и, пообещав сделать все, двинулся дальше.

С велосипедом Уотерса вопрос оказался сложнее. Миссис Маклеод неделю за неделей наблюдала стоявший перед дверью дома велосипед постояльца, но, как многие женщины, имела весьма расплывчатое представление о том, как он выглядел. Велосипед был «старый», «обычного цвета». Что касается всего остального, то она «никак не припомнит». Вроде на велосипеде был фонарь, поскольку она время от времени жаловалась постояльцу на капли масла на полу. Марку велосипеда не знает, ей в голову не приходило этим интересоваться.

Зато сынишка миссис Маклеод оказался более наблюдательным. Он заявил, что это был очень старый и ржавый «хамбер», у которого не было ни фонаря, ни звонка, ни насоса.

– А на маленькой багажной бирке значилось имя мистера Уотерса, – добавил мальчишка, весьма польщенный тем, что может оказать помощь полиции.

– Только вот теперь ее, наверное, там нет, – вздохнул сержант и отправился к Фаррену.

Здесь его поначалу ждало разочарование. Миссис Фаррен не имела ни малейшего понятия, какой велосипед был у ее мужа. Она извинилась за собственную непрактичность и намекнула сержанту, что для художника подобные мелочи ничего не значат.

– Уверена, – добавила она, – что я не сумею описать вам даже свой собственный велосипед.

– Хм, – протянул сержант, которого внезапно осенило. – Так, может, мэ, вы позволите мне на него взглянуть?

– Да, конечно. – Миссис Фаррен провела сержанта в хозяйственную пристройку и указала на чистый и довольно ухоженный «санбим». Он был не совсем новый, зато тщательно смазанный и с отлаженными деталями.

– Сразу видно, что вы о нем заботитесь, – с одобрением заметил Дэлзиел.

– Я люблю чистоту и порядок, ведь в этом есть своеобразная красота. Даже неодушевленные предметы способны источать очарование, если о них заботятся должным образом, вы не находите?

– Не могу с вами не согласиться, миссис Фаррен, вы правы. Ваши с супругом велосипеды были приобретены одновременно?

– Нет. Его велосипед гораздо новее этого.

– Что ж, не сомневаюсь, что мистер Фаррен скоро вернется. От него нет никаких известий?

– Нет. Но это неудивительно: порой он исчезает из дому на несколько дней. Вы же знаете мужчин. А уж про художников и рыболовов и говорить нечего.

– Ну да, ну да, – закивал Дэлзиел. – Если я вдруг где-нибудь его встречу, непременно сообщу, что его ждут дома. Не мог бы я побеседовать с той девушкой, служанкой? Надеюсь, она расскажет мне о велосипеде вашего мужа.

– С Дженни? Конечно. Только сомневаюсь, что она что-нибудь добавит. Я всегда твержу ей, что следует быть более наблюдательной. Хотя сама вряд ли могу служить примером. Кстати, сержант, а почему...

Миссис Фаррен осеклась и схватилась рукой за горло, словно ей трудно было говорить.

– Так что вы хотели спросить?

– Почему вас интересует велосипед моего мужа?

Сержант сурово посмотрел на миссис Фаррен, а потом отвел взгляд и вежливо ответил:

– Ничего особенного не случилось. Просто в последнее время пропало несколько велосипедов. Мы поймали торговца в Касл-Дугласе с парой-тройкой велосипедов, происхождение которых он затруднился объяснить, поэтому и опрашиваем всех владельцев в округе, чтобы выяснить, все ли велосипеды на месте. Вы уверены, что ваш муж забрал свою машину с собой?

– Да. А с чего бы ему поступить иначе? Он на нем уехал. Хотя – мне, конечно, неизвестно, – возможно, он его где-то оставил. Или велосипед действительно кто-то украл... Вы его нашли?

Под пристальным взглядом сержанта Дэлзиела миссис Фаррен начала робеть и заикаться.

«Готов биться об заклад, – подумал он, – эта женщина знает, что с велосипедом связано нечто важное. Только вот она никак не может решить, нужно ли ей сказать, что муж уехал на велосипеде, или же все отрицать. Откуда ей известно, что ее мужа подозревают? Точно не от лорда Питера. Он слишком умен, хотя и любит поболтать. Макферсон тоже отпадает. Из него слова не вытянешь. Значит, есть некто, кого бы не удивило нахождение велосипеда Фаррена в неожиданном месте».

Дженни не сказала ничего определенного относительно велосипеда мистера Фаррена, однако поведала, что он всегда сам ухаживал за обеими машинами. Это выдавало в нем человека, разбирающегося не только в красках и кистях, но и в технике.

Гораздо больше информации Дэлзиел получил в городском магазине, торгующем велосипедами. Фаррен действительно был хозяином черного с позолоченным рулем «рейли», нового, но в нормальном техническом состоянии. Несколько недель назад в магазине поменяли шину на заднем колесе. Шину той же марки «данлоп» на переднем колесе установили полгода назад. Звонки, тормоза, фонари и сама рама отлажены и в полном порядке.

Вооруженный столь исчерпывающей информацией сержант отправился на станцию Герван. Здесь он разыскал носильщика, мужчину средних лет по фамилии Макскимминг, который в точности пересказал ему все то, что уже ранее доложил начальнику станции.

Во вторник поезд из Странрара ожидался в 13.06 и прибыл на станцию вовремя. Он как раз подъезжал к платформе, когда на станции появился мужчина с велосипедом, который явно спешил. Он окликнул Макскимминга: «Эй, носильщик!» – и тот отметил его высокий взволнованный голос и английский выговор. Мужчина попросил носильщика побыстрее закрепить на велосипеде бирку до Эра, и Макскимминг подвез его к ящику с багажными бирками. Пассажир отстегнул от рамы небольшой кожаный портфель, сообщив, что заберет его с собой в вагон. Поскольку до отправления поезда оставалось совсем мало времени, он достал из кармана бумажник и отправил носильщика за билетом в третий класс до Эра и билетом на провоз велосипеда. Вернувшись, носильщик увидел, что пассажир уже стоит у вагона третьего класса

для курящих. Макскимминг отдал ему билеты, получил свои чаевые и поставил велосипед в багажное отделение. Сразу после этого поезд тронулся.

Нет, он не разглядел лица джентльмена с велосипедом. Только серый фланелевый костюм и клетчатое кепи. Кроме того, джентльмен постоянно подносил к лицу носовой платок, будто сильно вспотел после езды на велосипеде под палящим солнцем. Отдавая чаевые, он пробормотал что-то относительно того, что, к счастью, успел и что ему непросто далась дорога из Баллантрея. На нем были солнцезащитные очки. Носильщику показалось, что пассажир чисто выбрит и носит небольшие аккуратные усики. У Макскимминга не было времени на то, чтобы рассмотреть его. К тому же у него сильно болел желудок. Сегодня он чувствовал себя еще хуже – даже посетовал на то, что перетаскивание тяжелых чемоданов под палящим солнцем докучает кого угодно.

Посочувствовав носильщику, Дэлзиел поинтересовался, сможет ли тот узнать джентльмена и велосипед, если увидит снова. Носильщик засомневался и ответил, что вряд ли. Велосипед был старым и покрытым пылью. На марку он внимания не обратил. Да и какое ему дело до чужих велосипедов? Ему было поручено прикрепить к велосипеду бирку и поставить его в багажное отделение. Вот и все.

Что ж, и на том спасибо. Итак, у велосипеда был багажник. Впрочем, как и у большинства велосипедов. Носильщику он показался старым: значит, не принадлежал Фаррену, – зато мог быть одним из двух других. Дэлзиел не сомневался в том, что пассажир и его велосипед благополучно добрались до Эра и покинули поезд в 13.11.

Поблагодарив носильщика за помощь, сержант вернулся в свою машину. Сверившись с расписанием, он отметил, что перед Эром поезд останавливался только на одной станции – в Мейболе. Стоило заехать туда и выяснить, не сошел ли подозрительный пассажир там вместо Эра.

В Мейболе сержант побеседовал с начальником станции и узнал, что во вторник с поезда, следовавшего из Странрара, сошли всего два пассажира. Это были женщины. И ни у одной не было с собой велосипеда. Собственно, ничего иного Дэлзиел и не ожидал. Начальник станции добавил, что у пассажиров вышеозначенного поезда, следовавших до Эра, билеты собирались в Мейболе. Было сдано восемь билетов третьего класса, включая один, проданный в Герване. Эту информацию подтвердил кассир. Если возникает какое-либо несоответствие между количеством заявленных и сданных билетов, это выясняется в ревизионной конторе в Глазго, о чем в течение трех дней составляется отчет, который затем высылается на место. Если в данном случае произошли какие-то накладки, известно об этом станет на следующий день. Билеты на провоз велосипедов, принадлежавших пассажирам, следовавшим до Эра, в Мейболе не собирают, поскольку они нужны для того, чтобы получить багаж на конечной станции.

Дэлзиел попросил начальника станции сразу связаться с ним, если появятся какие-нибудь сомнения относительно билетов, после чего полицейские отправились в Эр.

Эр являлся довольно большой по размерам станцией, откуда расходилось сразу несколько железнодорожных веток. Основная, соединяющая Странрар и Глазго, была в непосредственной близости от станции. С западной стороны располагалась главная платформа с железнодорожными кассами, книжным киоском и выходом к поездам других направлений.

Здесь Дэлзиел вновь расспросил персонал о билете на провоз велосипеда. Сверившись с журналом учета, ему ответили, что билет, купленный в Герване, был, как и положено, сдан в Эре. Следующий вопрос касался того, кому именно сдали этот самый билет. Поскольку все билеты пассажиров были собраны в Мейболе, на выходе с платформы в Эре контролера не было. Билет на провоз багажа был предположительно сдан носильщику, доставившему велосипед из багажного отделения.

Дэлзиел и Росс по очереди опросили носильщиков, но все утверждали, что не доставали велосипед из багажного отделения поезда, прибывшего из Странрара во вторник, зато один

припомнил кое-что насчет билета. После того как из поезда вышли несколько пассажиров, он отправился к последнему вагону, чтобы выгрузить багаж. Тогда-то проводник и передал ему билет на провоз велосипеда, объяснив, что он принадлежит джентльмену, забравшему велосипед самостоятельно. Носильщик счел, что пассажир решил таким образом уклониться от уплаты чаевых, а может, просто спешил. Проводник видел, как он быстро покатил велосипед к выходу. Люди частенько скупаются на чаевые, особенно велосипедисты. Теперь, когда наступили тяжелые времена, даже и двухпенсовика не получишь там, где раньше давали шесть пенсов или даже шиллинг. И виновато во всем правительство. И без того нелегкая жизнь рабочего человека становится еще труднее. А что касается Джимми Томаса, так он с потрохами продался капиталистам. Если бы с ним, носильщиком, обращались должным образом, то он, не исключено, стал бы кем-то совсем другим, но когда на тебя постоянно нападают со всех сторон, то...

Дэлзиел прервал эту жалобную тираду и поинтересовался, работает ли сегодня тот же самый проводник. Носильщик кивнул, и сержант решил дождаться прибытия поезда и поговорить с проводником. А пока они с Россом могли бы перекусить, а после ленча попытаться найти того, кто видел, как велосипедист покидал станцию.

Наскоро отобедав в местном буфете, полицейские обсудили, что делать дальше. Потребуется время, чтобы отследить передвижения загадочного пассажира, после того как он покинул здание вокзала в Эре. Значит, Дэлзиелу необходимо скорее вернуться в Ньютон-Стюарт и связаться с Макферсоном. К тому же следовало опросить людей в Глазго и запастись фотографиями всех подозреваемых на случай, если кто-нибудь запомнил внешность велосипедиста. Поскольку все подозреваемые были известными художниками, их фотографии наверняка отыщутся в ведущих новостных агентствах Глазго. Да, не надо разыскивать фотографии художников в Гейтхаусе и Керкубри. Ведь это может спугнуть убийцу. В общем, было решено, что Дэлзиел сядет в поезд из Странрара и отправится в Глазго. По дороге он побеседует с проводником. Машина останется в распоряжении Росса. Он продолжит расследование, время от времени отправляя рапорты в Ньютон-Стюарт. Если обнаружится след велосипедиста, Россу надлежит следовать за ним и, если придется, задержать его.

В 13.48 на станцию прибыл поезд. Дэлзиел зашел в вагон, предварительно убедившись, что его обслуживает тот же проводник, что и во вторник. Поезд тронулся, и Дэлзиел увидел в окно, что Росс беседует с продавцом из книжного киоска. Констебль слыл весьма энергичным и деятельным человеком, поэтому Дэлзиел был уверен, что оплошностей при расследовании он не допустит. Более того, сержанту хотелось, чтобы Росс понял, что на его долю выпала более интересная и запутанная часть расследования. И все же он не слишком-то верил в то, что неуловимый велосипедист имеет какое-то отношение к преступлению, и считал, что человеку его положения не следует тратить время впустую, гоняясь за химерами. Рассуждая подобным образом, Дэлзиел отправился на поиски проводника.

Тот прекрасно помнил инцидент с велосипедом. Не успел поезд затормозить, как один из пассажиров – молодежавый мужчина в клетчатом кепи, сером фланелевом костюме и солнцезащитных очках «крукс» – спрыгнул на перрон и поспешил к последнему вагону. Он обратился к проводнику с просьбой незамедлительно выдать ему велосипед, поскольку не может терять ни минуты. Все носильщики находились в голове состава, поэтому проводник открыл багажное отделение и отдал пассажиру велосипед, предварительно сверив бирку с билетом. В качестве станции назначения был указан Эр, и проводник припомнил, что велосипед поместили в багажное отделение в Герване. Пассажир отдал ему билет вместе с шиллингом чаевых и сразу направился к выходу. Проводник заметил, что в руках у мужчины был небольшой чемоданчик. Он не видел, как тот покинул станцию, поскольку должен был проследить за присоединением пульмановского вагона-ресторана, что всегда происходило в Эре. Прежде чем поезд

снова тронулся в путь, проводник отдал багажный билет носильщику, чтобы тот, как и полагается, отправил его в Главное управление железной дороги.

Дэлзиел попросил свидетеля описать того путешественника, только получить подобного рода информацию оказалось не так-то просто. Проводник видел пассажира лишь полминуты, однако припомнил, что тот был среднего роста, тридцати – сорока лет, чисто выбрит или же с небольшими светлыми усиками. Точно не темными, иначе проводник непременно запомнил бы их. Разглядеть волосы пассажира под кепи не представлялось возможным, но у проводника сложилось впечатление, что это светловолосый человек со свежим цветом лица. Да, волосы были мышиного или соломенного цвета. Глаза под солнцезащитными очками не слишком темные. Голубые, серые или ореховые. Проводник, как и носильщик в Герване, обратил внимание на высокий взволнованный голос пассажира и английский выговор. Он, пожалуй, сумеет узнать мужчину по фотографии, но не уверен. В пассажире не было ничего примечательного, если не принимать во внимание своеобразный голос и то обстоятельство, что он всю дорогу не снимал солнцезащитных очков. Велосипед тоже обычный – старый и поцарапанный. Проводник не обратил внимания на марку, однако заметил сравнительно новые шины.

Дэлзиел кивнул. Он и не ждал, что получит детальное описание внешности человека в кепи и очках, которого весьма занятой сотрудник поезда видел всего несколько секунд. Сержант вернулся в свое купе и провел остаток пути, делая заметки в блокноте. После короткой остановки в Пейсли поезд прибыл на станцию Сент-Инок.

Здесь ему нечего было делать, кроме как узнать, все ли билеты, собранные во вторник, отправлены в ревизионное ведомство. Убедившись, что это так, Дэлзиел отправился в это самое ведомство, и вскоре уже сидел в кабинете начальника.

В ведомстве задача сержанта заключалась в том, чтобы проверить билеты, купленные и сданные во вторник между станциями Гейтсхаус и Сент-Инок и Керкубри и Сент-Инок. В ведомстве уже произвели все подсчеты, не обнаружив при этом расхождения в числе проданных и собранных билетов. Похоже, предположение лорда Уимзи о том, что Уотерс сел в Керкубри в поезд до Глазго, но так и не доехал до конечного пункта, скрывшись по дороге, было ошибочным. Если же он, не замеченный ни железнодорожными служащими, ни мисс Селби или мисс Кохран, действительно сел в поезд, отправляющийся из Керкубри в 08.45, то им был куплен билет до какой-то промежуточной станции. Но с чего они вообще решили, будто Уотерс воспользовался поездом? Он просто пропал и прихватил с собой велосипед. Только вот этот ли велосипед добрался до Эра? Сержант помнил о том, что юный Эндрю поставил на свой велосипед новые шины, и поэтому был склонен думать, что это и есть велосипед из гостиницы «Энвос». Впрочем, он ничего не знал о состоянии шин велосипеда Уотерса.

Дэлзиел поинтересовался билетом Фергюсона, и ему сразу дали ответ, поскольку это был единственный билет первого класса до Глазго, купленный в тот день в Гейтсхаусе. Его должным образом прокомпостировали в Максвеллтауне, что располагается между Гейтсхаусом и Дамфрисом, а затем еще раз в Герлфорде и Моклайне, между Дамфрисом и Сент-Иноком. Из этого можно было заключить, что Фергюсон действительно проделал путь от дома до Глазго.

Однако, не удовлетворившись полученной информацией, Дэлзиел запросил сведения обо всех билетах, на все направления в радиусе пятидесяти миль от Ньютон-Стюарта, проданных во вторник. Это было сделано на случай, если вдруг выяснится какое-нибудь несоответствие. После этого сержант отправился в Главное полицейское управление Глазго.

Там он организовал поиски велосипедиста, путешествовавшего во вторник по дороге между Багрэннаном и Герваном между 11.00 и 13.11. Его также интересовали все велосипедисты, замеченные во вторник во второй половине дня в окрестностях Эра, как и те, что сажались на поезда, отправляющиеся из Эра или с близлежащих станций во вторник вечером или в среду утром. Внезапно Дэлзиел сообразил, что таинственный велосипедист мог доехать поездом из Эра до любой близлежащей станции, купить там другой билет, возможно, как-то изме-

нив при этом внешность. Но потом он подумал о том, что такую приметную деталь, как велосипед, вполне можно где-нибудь оставить. Дэлзиел отправил запросы на все станции с просьбой проверить камеры хранения на предмет невостребованного велосипеда. Он попросил также проинформировать его, если вдруг в окрестностях Эра обнаружится какой-нибудь бесхозный велосипед. К своему запросу он приложил описания трех пропавших в Гейтхаусе велосипедов, отметив при этом, что не следует ограничиваться поиском машин только двух марок. Его интересовали все подозрительные велосипеды, найденные в обозначенный промежуток времени.

Таким образом, приведя в движение машину правосудия, сержант переключил свое внимание на фотографии. Ему не составило труда отыскать нужные в редакциях города. К вечеру у него в руках уже была отличная коллекция портретов шести художников. Однако со всеми этими заботами Дэлзиел опоздал на последний поезд до Ньютон-Стюарта, и теперь попасть домой можно было, лишь добравшись до Гервана или Локерби и пересев там на автомобиль.

Собственная машина сержанта находилась в Эре. Он устало подошел к телефону и набрал номер полицейского управления Эра, чтобы узнать, в городе ли еще констебль Росс. Но на сей раз удача отвернулась от него. Росс побывал в полицейском управлении и оставил сообщение, что отправляется по следу в Килмарнок, откуда будет рапортовать снова.

Проклиная судьбу, хотя и приободрившись от известия, что появилась какая-то зацепка, Дэлзиел позвонил в Керкубри. Трубку поднял инспектор Макферсон. Да, появились новые улики. Да, инспектор считает, что Дэлзиелу непременно нужно вернуться домой сегодня, если это возможно. Жаль, что он опоздал и на поезд до Гервана, отправляющийся в 18.20. От досады Дэлзиел заскрипел зубами, но ничего не поделаешь: придется ехать поездом в 19.30, который прибудет на место назначения в 21.51. А там уж за ним пришлют машину.

Сержант с мрачным удовлетворением ответил, что поезд прибывает в 21.51 только по субботам, в 21.56 – по вторникам, а поскольку сегодня четверг, машине придется ждать его в Эре в 20.55. Оставив надежды на то, чтобы вкусно поужинать и заночевать в одной из гостиниц Глазго, Дэлзиел нехотя направился в местный буфет, чтобы наскоро перекусить, перед тем как сесть в поезд, отправляющийся в 19.30.

Инспектор Макферсон

А тем временем в деле наметился прогресс. Во всяком случае, как заметил Уимзи, оно наконец сдвинулось с мертвой точки. Первым поводом для радости стал визит молодого фермера, робко переступившего порог полицейского участка в Керкубри и попросившего о встрече с инспектором Макферсоном.

Выяснилось, что в понедельник около девяти часов вечера он выпивал в «Гербе Мюррея» в Гейтхаусе, когда внезапно в заведении появился мистер Фаррен, выглядевший разгневанным. Он громко и безапелляционно спросил: «Где этот... Кэмпбелл?» Узнав, что того нет поблизости, Фаррен немного успокоился и заказал две или три порции виски. Фермер попытался узнать, что произошло, но не услышал от Фаррена ничего, кроме угроз. Вскоре Фаррен вновь принялся выяснять местонахождение Кэмпбелла. Свидетель, недавно приехавший из Керкубри и знавший наверняка, что Кэмпбелл находится в «Гербе Макклеллана», решил, что Фаррен слишком возбужден, и, желая предотвратить стычку, солгал, сообщив, что вроде видел, как Кэмпбелл на своем автомобиле выезжал на дорогу, ведущую в Критаун. Фаррен пробормотал, что еще доберется до него, сопровождая свои слова оскорбительными эпитетами. Из услышанного свидетель заключил, что состояние мистера Фаррена как-то связано с миссис Фаррен. После этого он, Фаррен, выскочил из бара, и свидетель увидел, как он сел в машину, но отправился вовсе не в Критаун, а в Керкубри. Молодому человеку это не понравилось, и он двинулся следом, однако, поравнявшись с военным мемориалом, Фаррен вдруг повернул налево, в сторону полей для гольфа. Тогда молодой фермер лишь пожал плечами и выбросил это происшествие из головы.

Однако во вторник, когда стало ясно, что полицейские считают несчастье с Кэмпбеллом убийством, произошедшее накануне вечером предстало в зловещем свете. Свидетель посоветовался с барменом и парочкой посетителей, находившихся в баре во время визита Фаррена, и они решили, что полиции следует знать об этом. Фермера делегировали в полицейский участок, и поэтому он здесь. Молодой человек совсем не желал мистеру Фаррену зла, но убийца есть убийца, и ничего с этим не поделаешь.

Макферсон поблагодарил фермера и сразу начал наводить справки в Критауне. Ему хотелось выяснить, действительно ли Фаррен поехал по ложному следу. Инспектора озадачило заявление, что он свернул к полям для гольфа. За три часа до этого Фаррен расстался с Кэмпбеллом в Керкубри и, вероятно, не обнаружив того в Гейтхаусе, стал бы поджидать его на дороге, ведущей в Керкубри. Тогда почему он выбрал своей целью поля для гольфа? Если только...

Если только он не поехал навестить Стрэчена. Всем было известно, что эти двое очень дружны. Были ли они соучастниками? Находился ли Стрэчен дома между девятью и десятью часами вечера в понедельник? Это нетрудно проверить. Инспектор сделал запрос в Гейтхаус и стал ждать.

Затем случилось еще одно волнующее событие, оказавшееся весьма обнадеживающим. Явилось оно в образе маленькой и невероятно застенчивой девочки лет десяти, которую тащила за руку решительно настроенная мамаша. Она постоянно встряхивала дочь, грозясь хорошенько отшлепать, если девочка не сделает так, как ей велят.

– Я точно знаю, что она способна на всяческие шалости. И не успокоюсь, пока не выбью дурь из ее головы. А ну-ка выморкайся и отвечай полицейскому как подобает, а не то он посадит тебя в тюрьму. Эта дрянная девчонка шатается по улицам с мальчишками, вместо того чтобы спать. Но вы же знаете этих современных детей. Совершенно не слушаются родителей. Никакого с ними сладу.

Инспектор выразил сочувствие и спросил имя дамы.

– Миссис Макгрегор, – ответила та. – У нас домик между Керкубри и Гейтхаусом. Да вы знаете: это место близ Оченхей. В понедельник вечером мы с мужем отправились в Керкубри, а Хелен оставили дома одну. Едва только мы за порог, она вон из дома. Даже дверь не заперла. Заходи кто хочешь...

– Минуточку! Эта крошка и есть Хелен?

– Да. Я подумала, что будет лучше привести ее к вам, после того как узнала, что с бедным мистером Кэмпбеллом случилось несчастье. Я так и сказала Джорджу: если мистер Кэмпбелл дрался с кем-то на дороге той ночью, то полиция должна об этом знать, – а Джордж ответил, что...

Инспектор вновь перебил не в меру болтливую посетительницу:

– Если ваша малышка Хелен знает что-либо о смерти мистера Кэмпбелла, то мы с удовольствием послушаем ее. А теперь, миссис Макгрегор, позвольте девочке рассказать все с самого начала. Ну же, Хелен, не бойся.

Приободренная, девочка начала свой рассказ, хотя понять ее было совсем непросто: малышка сильно волновалась, да и мать норвила ее перебить, – однако с помощью уговоров и кулька конфет, за которым послали констебля, инспектор смог наконец докопаться до сути дела.

В понедельник вечером мистер и миссис Макгрегор уехали в Керкубри на машине соседа навестить друзей, строго-настрога наказав Хелен запереть дверь и лечь в постель, но вместо этого предоставленная самой себе девочка ушла играть с мальчишками с соседней фермы. Дети свернули с дороги в поле, где мальчишки собирались ставить противозаконные капканы на кроликов.

Услышав это, инспектор неодобрительно покачал головой, хотя и пообещал, что маленькие живодеры не понесут сурового наказания. Обеспокоенная судьбой друзей больше, нежели угрозами матери, Хелен продолжила рассказ более связно.

Поле, где сорванцы намеревались охотиться на кроликов, располагалось между Керкубри и Гейтхаусом, в том самом месте, где дорога, окаймленная с обеих сторон высокой каменной насыпью, делает очень резкий и опасный S-образный поворот. Сумерки начали сгущаться, подножия холмов затянул туман. Мальчишки зашли довольно далеко и не хотели возвращаться, но примерно без четверти десять Хелен внезапно вспомнила, что вот-вот вернутся домой родители, оставила друзей в поле, а сама направилась в сторону дороги. Она точно знала время, поскольку у одного из мальчиков на руке красовались новенькие часы, подаренные дедом.

Хелен пересекла поле и уже собралась перебраться через насыпь, когда заметила стоявшую на обочине машину с водителем. Тот явно направлялся в Гейтхаус, но почему-то решил остановиться, хотя и не заглушил мотор. Потом автомобиль внезапно пришел в движение и выехал на дорогу, словно намеревался развернуться. В этот самый момент Хелен услышала гудение другой машины, встречной, со стороны Гейтхауса.

Девочка описала место весьма подробно. Это была не самая крутая и опасная часть известного в округе поворота с довольно высокой насыпью по бокам и располагалась ближе к Керкубри. Здесь дорога расширялась, а чуть просевшая насыпь начала зарастать кустиками утесника и ежевики. Вторая машина вылетела из-за поворота в тот самый момент, когда первая развернулась и преградила путь. Раздался громкий визг тормозов, и второй автомобиль резко вильнул вправо, чудом избежав столкновения. Водитель что-то выкрикнул, и мужчина в первой машине ответил. Тогда водитель второго автомобиля громко и зло воскликнул: «Кэмпбелл! Ну конечно! А кто же еще...»

Мужчины стали обмениваться оскорблениями, после чего Кэмпбелл заглушил мотор и вышел из машины. Хелен видела, как он вскочил на подножку другого автомобиля. Послышались звуки возни, а затем оба мужчины оказались на дороге и сцепились в драке. Они нанесли друг другу удары и выкрикивали грязные ругательства. Девочка не видела, что там про-

исходит, поскольку дерущихся закрывали автомобили. Они упали на землю и начали по ней кататься. Хелен не разглядела марок автомобилей. Заметила лишь, что Кэмпбелл приехал на четырехместном, а другой мужчина – на большом двухместном с очень яркими фарами.

Драчуны не унимались, и девочка натерпелась страха. Внезапно в воздух взлетел большой гаечный ключ, просвистел у Хелен над головой и упал рядом с ней. Девочка укрылась за насыпью, не в силах оставаться на своем месте и в то же время сгорая от желания посмотреть, что же происходит на дороге. До ее слуха доносились ужасные звуки, будто кого-то колотили и пытались задушить. Вскоре она решилась выглянуть из-за насыпи и напугалась еще больше. Один из мужчин шел со стороны обочины и тащил на плечах другого. Судя по тому, как безвольно обмяк тот, второй, Хелен догадалась, что он мертв. Девочка едва сдержалась, чтобы не закричать. Она очень боялась, что этот страшный мужчина заметит ее и тоже убьет. Он отнес тело к двухместному автомобилю и уложил на пассажирское сиденье. Эта машина стояла ближе к Гейтхаусу. Хелен не видела лица живого мужчины, поскольку он постоянно наклонял голову под тяжестью ноши, однако, когда проходил мимо четырехместного автомобиля, фары на мгновение осветили лицо мертвого человека, и оно показалось девочке страшным и неестественно белым. Описать его подробнее Хелен не сумела. Помнила только чисто выбритые щеки и закрытые глаза. Ужасный человек сел за руль и стал сдавать задом в сторону Гейтхауса. Хелен услышала шум мотора, потом свет фар метнулся сначала в одну, а затем в другую сторону, словно автомобиль разворачивался. Шум мотора стал громче, но вскоре затих вдали.

Когда все закончилось, девочка перелезла через насыпь и решила взглянуть на четырехместный автомобиль, который перекрывал часть дороги. Он был развернут в сторону Гейтхауса, и свет его фар освещал дорогу. Однако прежде, чем она успела приблизиться, со стороны Гейтхауса раздались шаги. Хелен надеялась, что прохожий поможет ей добраться домой, но внезапно поняла, что ужасный человек возвращается, чтобы расправиться и с ней. Охваченная ужасом, она бросилась бежать в сторону дома. Услышав, как взревел мотор, Хелен спряталась в кустах, решив, будто страшный человек собрался преследовать ее на машине. Однако ничего подобного не произошло, и через некоторое время она вновь отважилась выбраться на дорогу и припустила к дому. Едва только Хелен оказалась за калиткой, как мимо пронесся автомобиль, направлявшийся в Керкубри. Девочка вбежала в дом, когда часы в кухне пробили десять, бросилась в спальню, забралась в постель прямо в одежде и с головой укрылась одеялом.

Дальше продолжила миссис Макгрегор. Они с мужем вернулись домой в половине одиннадцатого и обнаружили дочь в кровати полностью одетой. Она дрожала всем телом, плакала навзрыд и была так напугана, что не могла вымолвить ни слова. Родителям ничего не оставалось, кроме как отругать дочь, снять с нее платье, напоить горячим чаем, уложить в постель и посидеть с ней до тех пор, пока не уснет. На следующий день Хелен отказалась что-либо рассказать, а ночью трижды будила родителей громкими криками: вроде кто-то хочет ее убить. В среду вечером отцу, любившему нянчиться с дочерью, удалось вытянуть из нее всю историю. Услышав про Кэмпбелла, родители решили, что все это следует обязательно сообщить полиции. На вопрос инспектора о кухонных часах миссис Макгрегор ответила, что они отстают минут на пять-шесть.

Макферсон горячо поблагодарил обеих, похвалил девочку, заметив, что она очень храбрая, и попросил миссис Макгрегор не наказывать дочь, поскольку та оказала неоценимую помощь следствию. В конце беседы он настоятельно порекомендовал женщине никому больше не рассказывать о том, что случилось в понедельник вечером.

Когда посетители ушли, инспектор откинулся на спинку стула и принялся размышлять. Время, фигурировавшее в рассказе девочки, соответствовало заключению доктора. Значит, смерть Кэмпбелла наступила гораздо раньше, чем они предполагали поначалу. Инспектор попытался восстановить цепь событий. Кэмпбелл и неизвестный встретились на дороге и поссорились. Завязалась драка, в которой Кэмпбелл получил смертельный удар. Неизвестный

погрузил тело в двухместный автомобиль, чтобы спрятать где-нибудь у дороги, затем вернулся, сел в машину Кэмпбелла и отогнал ее в Гейтхаус, намереваясь впоследствии инсценировать несчастный случай. Вскоре убийца, вероятно, вернулся за собственным автомобилем и... Что же он сделал? Отправился в Гейтхаус?

Инспектор вздохнул. Кое-какие детали требовали объяснения. Почему преступник не погрузил тело Кэмпбелла в его же «моррис» и не отогнал машину с трупом в потайное место? Зачем оставлять тело в собственном автомобиле где-то у дороги? Пока он отгонял «моррис» в Гейтхаус и возвращался обратно на велосипеде, машину мог обнаружить случайный прохожий. Ведь, чтобы забрать свой автомобиль, преступник должен был приехать на велосипеде или прийти пешком. Да, похоже, он проделал обратный путь на велосипеде, который затем положил на дополнительное складное сиденье автомобиля. Но оставался вопрос: почему преступник не забрал тело с собой?

Наверное, подумал Макферсон, в тот момент он вовсе не думал о том, чтобы инсценировать несчастный случай и обеспечить себе алиби. Да, пожалуй, это все объясняет. Убийца мог уехать, словно ничего не произошло, и только потом придумать план и вернуться за трупом. Но нет! Не получается. Ведь он уехал на машине Кэмпбелла. Объяснить это можно лишь тем, что в его голове уже тогда зародилась идея инсценировки несчастного случая. Но это просто невысказано. Если верить рассказу девочки – а он показался инспектору правдоподобным, – встреча Кэмпбелла с неизвестным мужчиной оказалась чисто случайной. И в те несколько мгновений после драки убийца вряд ли сумел бы придумать столь хитроумный план избавления от трупа.

Но была ли эта встреча незапланированной? Поведение Кэмпбелла свидетельствует об обратном. Он остановил машину в том месте дороги, где двум транспортным средствам сложно разъехаться. Когда же услышал шум мотора другого автомобиля, то развернул свой так, чтобы закрыть проезд. С его стороны это было настоящим сумасшествием, поскольку подобные действия могли спровоцировать страшную аварию. Впрочем, как известно, Кэмпбелл был пьян и скорее всего не задумывался о последствиях.

Но если доверять показаниям свидетельницы, то становится ясно: не ожидал встречи как раз убийца. А если он этого не предвидел, то и убийства не замышлял. И никакого предварительного плана не существовало.

– Да, – вздохнул инспектор, – но одно может быть никак не связано с другим. Не исключено, что преступник заранее подготовил себе алиби, намереваясь расправиться с Кэмпбеллом в ином месте и в другое время, но тут ему подвернулся удобный случай осуществить это гораздо раньше.

Однако ситуация с автомобилем оставалась непонятной. Были показания относительно того, что вскоре после драки в направлении Керкубри на полной скорости пронесся автомобиль. Был ли это убийца? Нет, поскольку он отгонял машину Кэмпбелла в Гейтхаус. Но если появился кто-то третий, то кто? Этот неизвестный наверняка встретился на дороге с убийцей. И его необходимо найти. Поразмышляв еще немного, инспектор решил временно записать эту проблему в список загадок и переключил внимание на другой аспект.

Каким образом данная история перекликается с информацией о Фаррене? Если здесь вообще существует какая-либо взаимосвязь. Макферсон изо всех сил ударил ладонью по столу. Ну конечно! Время совпадало идеально. К тому же стало ясно, почему Фаррен внезапно свернул с дороги к полям для гольфа. Он догадался, что молодой фермер солгал ему, пусть и из лучших побуждений. Фаррен попытался найти Кэмпбелла в Гейтхаусе, а когда поиски не увенчались успехом, решил, что его обидчик все еще находится в Керкубри. И вот тогда он поспешил к Стрэчену – наверное, для того чтобы позаимствовать автомобиль. Были ли они со Стрэченем в сговоре, пока неясно. Возможно, Стрэчен совершенно ни при чем. Нет! Инспектора озарила очередная догадка, и он снова ударил ладонью по столу. Это же все объясняет! И то, что убийца сел не в ту машину, и что бросил труп. Вообще все. Замысел Фаррена заключался

в том, чтобы подозрения пали на Стрэчена. Тело должно было обнаружиться в его машине. И тогда полицейские решили бы, что Стрэчен под каким-то предлогом заманил Кэмпбелла в уединенное место и расправился с ним.

Не слишком удачный план: ведь Стрэчен сразу рассказал бы, что одолжил свой автомобиль Фаррену, и, вероятно, предоставил бы свидетеля. Да и вообще вся эта история выглядела нелепо и неправдоподобно. Кто окажется настолько глуп, чтобы бросить собственную машину с трупом в салоне? Мысль эта сразу пришла в голову инспектору, а значит, и Фаррен понял бы, насколько неразумно поступает. Однако у него было время все обдумать, пока он отгонял автомобиль Кэмпбелла в Гейтхаус. Ему могла прийти гораздо более удачная идея – инсценировать несчастный случай в Миннохе. А что потом? Как бы он поступил?

Прежде всего отогнал бы машину Кэмпбелла обратно и поставил в гараж. Затем ему пришлось бы забрать свой велосипед из дома Стрэчена. Ночью ему было бы легко остаться незамеченным, особенно если он оставил свой велосипед поблизости – например, у садовой калитки.

В сильном волнении инспектор положил перед собой блокнот и принялся поминутно отмечать время, озаглавив сей документ просто и ясно: «Дело против Хью Фаррена».

Понедельник

18.00. Фаррен возвращается домой, обнаруживает там Кэмпбелла и прогоняет его вон. (Это засвидетельствовала сестра Джесси.)

19.00. После ссоры с женой, когда она предположительно делает какое-то неловкое признание относительно своих отношений с Кэмпбеллом, Фаррен садится на велосипед и уезжает.

21.00. Фаррен появляется в «Гербе Мюррея» в поисках Кэмпбелла (по свидетельству фермера).

21.15. Фаррен направляется в дом Стрэчена и одалживает у него автомобиль.

21.45. Встречается с Кэмпбеллом на дороге в Керкубри и убивает его (по свидетельству Хелен Макгрегор).

21.55. Фаррен кладет тело Кэмпбелла в машину Стрэчена.

22.00. Фаррен едет обратно на автомобиле Кэмпбелла.

22.10. Фаррен прибывает в Гейтхаус, проделав примерно пять миль, и ставит автомобиль Кэмпбелла в гараж.

22.30. Фаррен пешком приходит в дом Стрэчена, чтобы взять велосипед.

23.00. Фаррен на велосипеде приезжает на место преступления.

23.10. Фаррен возвращается к дому Кэмпбелла и прячет тело в доме или гараже.

23.20. Фаррен возвращает автомобиль Стрэчену.

23.40. Фаррен возвращается в дом Кэмпбелла и устраивает все так, чтобы подумали, будто тот ночевал дома и позавтракал утром.

Инспектор посмотрел на собственные записи. Разумеется, кое-где он указал время приблизительно, но по основным пунктам все сходилось. Фаррен мог передвигаться чуть медленнее или действовать иначе, но в остальном у него было достаточно времени до утра вторника, чтобы осуществить вышеописанные манипуляции.

Воодушевленный инспектор попытался додумать остальное.

Исходя из показаний «юного Джока» из Боргана, в 10.10 утра вторника ненастоящий Кэмпбелл сидел на берегу реки в Миннохе. То есть Фаррен мог приехать туда не позднее этого времени. Хотя инспектор полагал, что это произошло раньше. Фаррен не рискнул бы задерживаться в доме Кэмпбелла до самого утра: ему нужно было исчезнуть оттуда до восьми часов, ведь именно в это время должна была явиться миссис Грин, – однако покинуть дом слишком

рано тоже не мог. А все из-за Фергюсона. Услышав шум мотора автомобиля Кэмпбелла, тот должен был подтвердить, что сосед уехал из дома в привычное время. Проанализировав собственные рассуждения, Макферсон сделал следующую запись:

07.30. Фаррен покидает дом Кэмпбелла в шляпе и плаще покойного и садится в автомобиль, где на полу под велосипедом лежит труп, накрытый старым ковриком.

8.35. Фаррен приезжает в Миннох, прячет тело и начинает рисовать.

10.10. Джок видит Фаррена – в одежде Кэмпбелла – в первый раз.

11.05. Джок видит Фаррена во второй раз.

Инспектор задумался. Достаточно ли двух с половиной часов для того, чтобы нарисовать картину? Он не разбирался в живописи, и пейзаж показался ему схематичным и незавершенным наброском. Нужно посоветоваться с тем, кто в этом понимает.

Надо же быть таким тупоголовым! Разумеется, Фаррен не сумел бы начать работать над картиной без надлежащего освещения. Может, инспектор и не разбирался в живописи, но не до такой же степени. Он стряхнул с ручки несколько капель чернил и продолжил.

Теперь инспектор вполне допускал, что тем пассажиром в Герване и был Фаррен. Значит, далее события развивались следующим образом:

Вторник

11.10. Фаррен сбрасывает тело в реку, надевает шляпу и плащ, садится на велосипед и едет на станцию в Герван.

13.17. Фаррен прибывает в Герван. На его велосипед крепят багажную бирку до Эра.

13.11. Фаррен садится на поезд до Эра.

13.48. Прибывает в Эр.

На этом пункте дедуктивный метод инспектора себя исчерпал. Он знал, что сержант Дэлзиел отправился по следу велосипедиста. Следует дождаться его отчета, а потом продолжить цепь рассуждений, однако у него недурно получается. Инспектору удалось не только сосредоточиться на единственном подозреваемом вместо нескольких, но и составить правдоподобную схему его передвижений. Ведь многие пункты подтверждены свидетельскими показаниями.

Он снова посмотрел на результат своих изысканий.

Если Фаррен разыскивал Кэмпбелла в Гейтхаусе между 20.00 и 21.15, то его наверняка видели не только в «Гербе Мюррея». Пора навести справки в гостиницах «Эйнджел» и «Энвос»: наверняка, прежде чем отправиться на поиски в общественные места, Фаррен заглянул к Кэмпбеллу домой. И если это так, то его непременно кто-нибудь заметил. Ему пришлось бы дважды проехать по мосту, а тот не пустует никогда. Мост является для местных жителей своего рода клубом. Здесь встречаются, чтобы обсудить последние новости, проезжающие мимо машины, клев в реках и политику. Но даже если случилось чудо и на мосту не было ни единой живой души, когда там проезжал Фаррен, то уж гостиницы «Энвос» ему точно не миновать. На длинной скамье перед ней всегда сидят рыболовы: вяжут сети, треплют по холке дворового пса и вопрошают кота Феликса, сколько крыс ему удалось поймать за день. И последнее. Даже если и в этом случае Фаррену удалось проскользнуть мимо отеля незамеченным, то все равно остается вероятность, что Фергюсон видел его возле дома соседа.

И потом, если Фаррен забрал автомобиль Стрэчена, то скорее всего об этом знал кто-нибудь еще. Стрэчен мог утаить информацию, чтобы выгородить друга, но ведь в доме проживают еще миссис Стрэчен, их дочь и служанка. Не могли же все они сговориться. В соответствии с выдвинутой инспектором версией Фаррен посещал Стрэчена трижды: в 09.15, чтобы

одолжить автомобиль; примерно в 10.40, чтобы забрать велосипед, и около 11.30, чтобы вернуть машину. После первого и последнего визитов наверняка остались следы.

Подозреваемый трижды посещал и дом Кэмпбелла: в первый раз, чтобы поставить в гараж его машину; во второй раз – спрятать тело, а в третий раз пришел пешком, чтобы сфабриковать улики. Нет, могло быть и не совсем так. Фаррен мог нанести только два визита. Не исключено, что машину Кэмпбелла он где-то спрятал, чтобы поставить ее в гараж в свой последний визит. Это значительно снижает риск быть замеченным. Фаррен мог переложить тело Кэмпбелла в салон автомобиля в каком-нибудь тихом месте, поэтому и отпала необходимость дважды приезжать в дом убитого на разных машинах, – подобное выглядело бы подозрительно. Понятно, что Фаррен перекладывал труп не в Гейтхаусе. Он же не сумасшедший. Наверняка это случилось где-то между Керкубри и Гейтхаусом – например, на безлюдном участке дороги между военным мемориалом и домом Стрэчена. Или, если Стрэчен все же замешан в преступлении, тело можно было спокойно переложить из машины в машину у него дома.

Инспектор исправил одну или две строчки в своей таблице в соответствии с этим новым выводом и сделал пометку, что нужно разместить объявление и попросить связаться с полицией всех, кто видел «моррис» Кэмпбелла на дороге, соединяющей Гейтхаус и Керкубри.

Наконец-то утренние передвижения убийцы можно подтвердить фактами. Если расчеты инспектора верны, то автомобиль Кэмпбелла проехал через Гейтхаус сразу после 07.30 утра, оказался в Критауне в 08.00 и в Ньютон-Стюарте – в 08.15. Макферсон не сомневался, что ее кто-то видел. Вообще-то полицейские Ньютон-Стюарта уже расспрашивали жителей относительно данного обстоятельства, но теперь, когда инспектор знал точное время, их задача значительно облегчится.

Макферсон сделал звонок в Ньютон-Стюарт и Гейтхаус, а затем с еще большим энтузиазмом погрузился в размышления. Внезапно он увидел то, что проглядел, увлекшись составлением таблицы, а именно невероятно важную улику, которая сама шла к нему в руки. Если повезет, он сможет найти оружие убийства!

Тот самый тяжелый гаечный ключ, просвистевший над головой бедняжки Хелен, оказавшейся не в том месте и не в то время. Чем, как не им, проломили череп Кэмпбеллу? Странно, что на голове покойника почти не было крови. Но в любом случае ключ необходимо найти. Доктор точно определит, им ли был нанесен роковой удар. Какая удача, что Кэмпбелла еще не успели похоронить! Похороны должны состояться на следующий день. Да, ключ нужно отыскать как можно скорее. Дрожа от возбуждения, инспектор Макферсон надел фуражку и поспешил к машине.

Рассказ Фергюсона

В то же утро четверга, когда сержант Дэлзиел с констеблем Россом отправились в Эр, а инспектор Макферсон занялся составлением схемы передвижений Фаррена, лорд Питер Уимзи появился на пороге дальнего из двух домов, расположенных на Стэндинг-Стоун-Пул.

Дверь ему отворил мистер Фергюсон с палитрой в руках. На нем были старые фланелевые брюки, расстегнутая рубашка и бесформенный мешковатый пиджак. Не ожидавший гостей в столь ранний час, он пребывал в замешательстве, и Уимзи поспешил объяснить цель своего визита.

– Не знаю, помните ли вы меня. Моя фамилия Уимзи. Полагаю, мы встречались у Боба Андерсона.

– Да, конечно, проходите. Услышав стук в дверь, я подумал, что принесли фунт колбасы или же прибыл посыльный из лавки зеленщика. Боюсь, у меня тут беспорядок. Я уезжал на пару дней, и миссис Грин воспользовалась моим отсутствием, чтобы навести порядок по своему разумению. В итоге мне пришлось потратить пару часов и все вернуть на свои места. – Он обвел рукой сваленные в кучу холсты, обрывки тряпок, коврики, бутылки и прочие принадлежности для рисования. – Когда в студии порядок, я ничего не могу найти.

– А теперь пришел я и оторвал вас от работы.

– Вы не помешаете. Выпьете чего-нибудь?

– Благодарю, но я уже выпил. Продолжайте и не обращайтесь на меня внимания.

Уимзи сел на стул, предварительно убрав с него стопку книг и каких-то бумаг, а хозяин дома развернулся и принялся обозревать прикрепленный к мольберту холст. Изображенный на нем пейзаж напомнил Уимзи злую пародию Грэма на работы Фергюсона: дерево с кривыми корнями, его отражение в воде, гранитный валун и голубая даль. Все это выглядело декоративно и нереально.

– Ездили в Глазго?

– Да. На выставку.

– Понравилось?

– Недурно. – Фергюсон выдавил на палитру немного зеленой краски. – Крейг представил несколько интересных работ. И у Дональдсона мне запомнилась одна вещь. А в остальном ничего примечательного. Хотя, если честно, я поехал на выставку, чтобы посмотреть картины Фаркухарсона.

Фергюсон добавил каплю алой киновари в полукруг красок на палитре и, решив, что этого достаточно, взял несколько кисточек и принялся смешивать оттенки. Уимзи задал еще несколько вопросов, касающихся выставки, а потом заметил:

– Значит, вы лишились соседа.

– Да. Но не слишком из-за этого переживаю. Мы с Кэмбеллом не очень хорошо ладили, но я бы никогда не пожелал ему такой участи.

– Все это весьма странно, – продолжил Уимзи. – Наверное, к вам уже приходили из полиции.

– Разумеется. Но они скоро поняли, что у меня есть алиби. Послушайте, Уимзи, я знаю, что вы хорошо разбираетесь в подобных делах. Скажите, уже точно установлено, что это был... не несчастный случай?

– Боюсь, это правда.

– А почему полицейские так считают?

– Я человек посторонний, и полицейские не слишком охотно делятся со мной информацией, но, полагаю, их выводы как-то связаны с тем, что Кэмбелл умер до того, как оказался в реке. У них появились какие-то улики, или как там это называется.

– Я слышал, что его вроде ударили по голове. Как думаете, что случилось? Кто-то напал на него сзади, чтобы отобрать деньги?

– Что-то вроде того. Хотя обычно полиция не может точно определить, был ли человек ограблен, до тех пор пока не выяснится, сколько у него было при себе. Наверняка поинтересуются его счетом в банке.

– Странно, что в наших краях объявился грабитель, вы не находите?

– Ну, не знаю. Может, в холмах и обосновался какой-нибудь бродяга.

– А если Кэмпбелл просто упал и разбил голову о камни? Разве такого не могло произойти?

Уимзи мысленно застонал. Его начала утомлять необходимость уклоняться от прямых ответов на многочисленные вопросы художника: все вокруг желали знать одно и то же, – поэтому лорд Питер ответил весьма расплывчато:

– Все это выглядит именно так. На вашем месте я бы спросил у доктора, осматривавшего тело.

– Он ничего мне не скажет. Как и вы.

Несколько минут Фергюсон молча наносил на холст мазки. Уимзи показалось, будто он делает это как-то рассеянно и необдуманно, и поэтому его светлость совершенно не удивился, когда художник внезапно швырнул палитру на стол и, развернувшись, резко проговорил:

– Послушайте, Уимзи, не слишком хорошо с вашей стороны прикидываться, будто вы ничего не знаете, когда на самом деле вам все известно. Есть ли какие-то сомнения в том, что Кэмпбелл умер тем же утром, когда его нашли?

Уимзи почувствовал себя так, словно ему нанесли удар в солнечное сплетение. Что заставило Фергюсона задать этот вопрос? Неужели он выдал себя, мучимый угрызениями совести?

– Почему вы спросили? – поинтересовался Уимзи.

– А почему вы не можете дать мне хотя бы один прямой ответ?

– Ну... это такой странный вопрос. Я хочу сказать... Вам, наверное, не рассказали о картине?

– О какой картине?

– О той, что рисовал перед смертью Кэмпбелл. Краски на ней были еще сырые, когда его обнаружили. Значит, тем утром он был жив. А иначе, как он ее нарисовал?

– А! – Фергюсон шумно выдохнул и снова взял в руки палитру. – Нет, об этом мне ничего не говорили. Что ж, тогда все ясно.

Он сделал пару шагов назад, запрокинул голову и, прищурившись, принялся обозревать результат своей работы.

– И все же, почему вы спросили?

– Что ж... – Фергюсон взял мастихин и стал счищать с холста только что нанесенную на него краску. – В общем, полицейские задавали мне множество вопросов, вот я и подумал... Послушайте... Возможно, вы подскажете, как быть.

– Что вы имеете в виду?

– Полицейские сразу взялись проверять мои передвижения начиная с вечера понедельника. Это оказалось нетрудно, поскольку я сел в поезд до Глазго, отправляющийся в девять ноль восемь и провел в городе целый день. Но я должен был признаться, что весь вечер понедельника находился здесь. И вот тут-то они в меня вцепились мертвой хваткой.

– Неужели? Вот это да!

– Вот почему я задал вам тот вопрос. Ужасно неприятно, если возникли какие-либо сомнения относительно того, что во вторник утром Кэмпбелл был еще жив.

– Насколько мне известно, хотя я знаю далеко не все, человек, у которого есть алиби на утро вторника, может ни о чем не беспокоиться.

– Рад это слышать. Я переживаю не только за себя. Никому не понравится быть под подозрением. Уимзи, проблема заключается в том, что я не знаю, что сказать этим людям.

– Да? – Взгляд Уимзи скользил по студии. – Мне нравится вон тот пейзаж с белым домиком и вересковым полем на переднем плане. Он так красиво расположился на склоне холма.

– Смотрится неплохо. Послушайте, Уимзи. После того, что вы сказали, я уже не уверен... В общем, когда полицейские были тут, я решил, что в их вопросах что-то кроется, и кое о чем умолчал. Но вам я сообщу все как на духу. А вы дадите совет, нужно ли мне упомянуть об этом в полиции. Мне совсем не хочется лишних проблем, но и быть обвиненным в соучастии я тоже не желаю.

– Если мое мнение сколько-нибудь вас волнует, – произнес лорд Питер, – выкладывайте. В конце концов, если беднягу действительно кто-то уколошил, то лучше как можно скорее выяснить, кто именно.

– Вы правы. Но, к сожалению, Кэмпбелла с того света уже не вернуть. Если бы можно было это сделать, я бы ни секунды не колебался. И все же...

– Кроме того, – перебил Уимзи, – никогда не знаешь, как повлияют на дело те или иные показания. Порой люди утаивают информацию, надеясь защитить своих мужей, сыновей или подруг. А когда правда все же выплывает наружу, то выясняется, что скрытая информация как раз и смогла бы спасти их от виселицы... Я говорю о мужьях, сыновьях или подругах...

На лице Фергюсона отразилась досада.

– Если бы я только знал, почему они так интересуются вечером понедельника, – вздохнул он.

– Хотят найти последнего человека, который видел Кэмпбелла живым, – объяснил Уимзи. – Так поступают всегда. Это стандартная процедура. Вы прочтаете об этом в любом детективном романе. И последний, кто видел жертву живой, как правило, не является убийцей. Это было бы слишком просто. Когда-нибудь я напишу книгу о том, как двух мужчин видели вместе в тупике. Потом раздался выстрел. Один из них упал замертво, а другой побежал прочь с пистолетом в руке. На протяжении двадцати глав ведется скрупулезное расследование, постоянно сворачивающее на ложный путь, но в конце концов выясняется, что убийца и есть тот самый мужчина с пистолетом.

– Так я бы сразу поставил на девять из десяти, что это сделал именно он. В реальной жизни так и бывает.

– Что вы сообщили полиции? – спросил, теряя терпение, Уимзи, вертя в руках тубик с белой краской.

– Я сказал, что весь вечер находился дома, и они поинтересовались, не слышал ли я или не видел чего-нибудь подозрительного в соседнем доме. Я ответил, что ничего не слышал и не видел, и, собственно, не солгал. Они спросили, не видел ли я, как Кэмпбелл вернулся домой. Я сказал, что не видел, однако слышал шум подъезжавшей машины. Это случилось примерно в начале одиннадцатого. Часы пробили десять, и я подумал, что пора отправляться спать, поскольку утром мне нужно было успеть на поезд. Я пропустил стаканчик, прибрался, взял из шкафа книгу, чтобы почитать на ночь, и уже начал подниматься по лестнице, когда услышал шум мотора.

– Это было последнее, что вы слышали тем вечером?

– Да. Хотя мне показалось, будто вскоре я услышал, как открылась и захлопнулась дверь: вроде мой сосед снова вышел из дому, – но утверждать, что так и было, не берусь. Наверное, потом он вернулся, если действительно выходил, потому что утром я заметил, как он отъезжает от дома на машине.

– Любопытно. В котором часу это было?

– Между семью тридцатью и семью сорока пятью. Я как раз заканчивал одеваться. Мне нужно было позавтракать и успеть на автобус. Все-таки до этой проклятой станции шесть с половиной миль.

– Вы действительно видели в машине Кэмпбелла?

– Да, я видел его собственными глазами, однако если мне придется свидетельствовать под присягой, то поручусь только за одежду и общее впечатление. Лица я не видел. Хотя, конечно, это был Кэмпбелл, кто же еще?

– Ясно.

Сердце Уимзи, на мгновение замершее в груди, снова забилося спокойно и размеренно. Ведь он уже представил, как на запястьях Фергюсона защелкиваются наручники. Вот если бы он поклялся в том, что видел Кэмпбелла живым в тот момент, когда тот был мертв... Но в жизни все складывается не так просто, как в детективах.

– Во что он был одет?

– В отвратительный клетчатый плащ и свою знаменитую шляпу. Их ни с чем не спутаешь.

– Это точно. Так о чем же вы умолчали?

– О паре деталей. Хотя не знаю, имеют ли они какое-нибудь отношение к делу. Около восьми вечера в понедельник за окнами раздался шум.

– Вот как? Фергюсон, простите, но я выдавил из тюбика «Винзор энд Ньютон» приличную порцию краски. Что за дурная привычка теревить все, что попадает в руки!

– Ничего страшного. Просто закройте колпачок. Вот, возьмите тряпку. Надеюсь, вы не перепачкали одежду?

– Нет, благодарю. Все в порядке. Так что за шум, вы говорите?

– Какой-то мужчина колотил в дверь Кэмпбелла и ругался. Слава богу, его не было дома. Я сразу понял, что скандала не миновать.

– Что это был за мужчина?

– По-моему, Фаррен.

Уимзи присвистнул.

– Да. Я высунулся из окна и попросил его не сквернословить. А он лишь спросил, где этот чертов Кэмпбелл. Я сказал, что не видел его целый день, и предложил Фаррену убраться восвояси. Тогда он разразился тирадой, что такой-сякой Кэмпбелл постоянно отирается возле его дома, и он, Фаррен, намерен раз и навсегда решить этот вопрос. Еще добавил, что если только встретит негодяя, то сам не знает, что с ним сделает. Я не обратил на его слова никакого внимания. Фаррен постоянно возмущается, но, как и Дама Червей¹¹, никогда никого не казнит. Я посоветовал Фаррену все забыть, но он обругал меня, и мое терпение лопнуло. Я сказал, что он может пойти и повеситься с горя, а Фаррен ответил, что именно это и намеревается сделать, вот только сначала разыщет Кэмпбелла. Я крикнул, что пусть поступает как хочет, только не беспокоит людей своими криками. Фаррен послунялся около дома Кэмпбелла еще некоторое время, а потом ушел.

– На своих двоих?

– Нет, на велосипеде.

– Ах да, конечно. Вряд ли он пришел из Керкубри пешком. Как думаете, Фергюсон, миссис Фаррен имеет к этому какое-нибудь отношение?

– Именно из-за нее и разгорелся скандал. Думаю, она по-своему нравилась Кэмпбеллу. Только вот эта женщина слишком возвышенна, чтобы ввязаться в скверную историю. Она любит окружать всех материнской заботой, вдохновлять, знаете ли, и оказывать положительное влияние. Твори добро, и плевать на то, что говорят вокруг. Красота, милосердие и прочая чепуха. Черт! Куда я подевал кобальт? Не выношу женщин рядом. И никогда не выносил. А...

¹¹ Королева из сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес».

сунул в карман, как обычно. Вам, наверное, известно, что мы с женой не живем вместе. Так вот, Гильда Фаррен считает своим долгом наставлять меня на путь истинный. Сейчас-то я от нее наконец отделался, но однажды она имела дерзость попытаться «свести нас вместе». Черт бы ее побрал! Она поставила всех в неловкое положение. Впрочем, теперь это не имеет значения. Но я терпеть не могу этих назойливых, исполненных добрых побуждений дамочек. Когда мы с ней встречаемся, она так скорбно и снисходительно заглядывает мне в лицо. Просто невыносимо!

– Ужасно, – кивнул Уимзи. – Как и то, когда кто-нибудь предлагает за вас помолиться.

Фаррен ушел насовсем или же через некоторое время вернулся?

– Не знаю. Вот об этом-то я и хотел сказать. Позднее к Кэмпбеллу кто-то приходил.

– В котором часу?

– Примерно в полночь. Но я не стал подниматься с постели, чтобы посмотреть, кто это.

Посетитель постучал в дверь и вошел внутрь.

– Вы не слышали, как таинственный гость выходил из дома?

– Нет. Понятия не имею, как долго он – или она – там пробыл.

– Она?

– Я говорю «он» или «она», поскольку не имею ни малейшего представления, кто это был, однако не думаю, что Фаррен. Мне почудилось, будто я слышал шум мотора. Можете отдать мне эту тряпку, если она вам больше не нужна? Если честно, то я решил, что Джок Грэм снова решил разыграть моего соседа.

– Это похоже на правду. На вашем месте, Фергюсон, я все же сообщил бы об этом полиции.

– О чем? О полуночном посетителе? Или о Фаррене тоже?

– И о том, и о другом. Но особенно о ночном визитере. Вероятно, он последний, кто видел Кэмпбелла живым.

– Что вы хотите этим сказать? Я видел его утром.

– Но не разговаривали, – заметил Уимзи. – А тот человек мог бы оказать полицейским неоценимую помощь, если бы с ним побеседовали.

– Так почему он сам не явился в полицейский участок?

– На то может быть сотня причин. Например, он торговал незаконно выловленным лососем. Или к Кэмпбеллу действительно приходила женщина.

– Вы правы. И лучше сделать это как можно скорее, иначе они решат, будто я знаю больше, чем говорю.

– Да, – кивнул Уимзи. – Я бы не стал терять время.

После этого его светлость последовал своему же собственному совету и, не теряя времени даром, направился в Керкубри, где застал инспектора Макферсона, садившегося в машину.

Лорд Питер Уимзи

– Привет-привет! – воскликнул Уимзи. – Куда собрались? У меня кое-что для вас есть. Инспектор выбрался из машины и сердечно поприветствовал лорда Питера.

– Что ж, – произнес он, – раз уж вы здесь, у меня тоже есть что вам показать. Зайдете ненадолго в участок?

Макферсон похвастался составленной им таблицей, и Уимзи вознаградил его щедрыми аплодисментами.

– А знаете, я готов помочь вам восполнить пару пробелов.

Его светлость открыл свою сумку, и инспектор нетерпеливо облизал губы.

– Да, – кивнул он, – теперь все ясно. Бедняга Фаррен! Он, наверное, пребывал в ужасном отчаянии, коль решился на подобное. Жаль только, что мы впустую потратили столько времени. Ставлю сто к одному, что он уже за пределами страны.

– За пределами страны или за пределами нашего мира, – предположил Уимзи.

– И такое может быть. Он же заявил, что сначала разделяется с Кэмпбеллом, а потом наложит на себя руки. Частенько это лишь слова, но порой они не расходятся с делом.

– Верно, – согласился Уимзи.

– Я вот что думаю, – продолжил Макферсон. – Хуже не будет, если я отдам распоряжение обыскать холмы за Критауном. Вы помните, что пару лет назад там случилось несчастье. Одна женщина бросилась на дно заброшенного свинцового рудника. Коль такое случилось однажды, где гарантия, что история не повторится? Ужасно, если бедняга валяется там внизу, а мы его даже не пытаемся искать. Знаете, милорд, по-моему, миссис Фаррен боялась именно этого, хотя и не пожелала признаться.

– Не исключено. Полагаю, она боится, что ее муж наложил на себя руки, но не решилась поведать нам о своих страхах, поскольку подозревает, что он совершил убийство. В общем, вам лучше как можно скорее пустить своих ищеек по следу, а мы пока устроим охоту на гаечный ключ.

– Сколько же всего нужно сделать, – покачал головой Макферсон. – Хватит ли нам людей?

– Выше нос! – подбодрил Уимзи. – Вы ведь значительно сузили круг поисков, не так ли?

– Верно. Однако я не слишком на это рассчитываю. Мы вполне могли допустить ошибку, поэтому я пока не хочу выпускать из поля зрения ни одного из подозреваемых.

Крошка Хелен так точно описала место драки Кэмпбелла с неизвестным мужчиной, что не было необходимости брать ее с собой.

– Будет удобнее, если мы отправимся на место одни, – заметил Макферсон, усаживаясь на переднее сиденье просторного «даймлера» его светлости.

Через шесть-семь минут они оказались на роковом повороте. Здесь Уимзи высадил инспектора, а сам припарковал автомобиль на обочине и присоединился к поискам.

Судя по словам Хелен, она спряталась за насыпью с левой стороны дороги, ведущей в Гейтхаус. Отсюда Макферсон с Уимзи и начали свои поиски. Разделившись, они двинулись вдоль насыпи навстречу друг другу. У обоих сразу заломило спину, поскольку трава была высокой. Ощупывая землю вокруг, лорд Уимзи внезапно поймал себя на том, что сочиняет стихи, словно они могли бы помочь ему в поисках.

Чтобы ключик раздобыть,
Два магнита нужно.
Мы веревкой свяжем их
И потянем дружно.

А потом мы продадим
Ключик за монеты.
Что-то, что-то, что-то там...
Шлю тебе с приветом.

Он остановился, чтобы распрямить спину.

– Не слишком складно, но для описания одной из иллюстраций Хита Робинсона¹² вполне подойдет.

Или кремня я куплю,
Искры высеку в ночи.
И тогда не нужно нам
Ни лампы, ни свечи.

– Для такой тяжелой работы мне следовало прихватить с собой Бантера. Нет, это определенно ниже достоинства любого человека, если только он не солдат армии Наполеона, которые, как известно, могли проползти изрядное расстояние на брюхе. Эй! Эй! Эй!

Трость Уимзи, которую он носил с собой везде и даже брал в машину из страха, что в случае аварии придется ковылять до ближайшего населенного пункта, ударила обо что-то металлическое. Его светлость остановился, присмотрелся и издал громкий крик. Инспектор бросился к нему.

– Вот он! – с гордостью провозгласил Уимзи.

Большой и тяжелый гаечный ключ фирмы «Кинг Дик» лежал в паре футов от насыпи, уже слегка покрытый ржавчиной от росы.

– Вы его не трогали? – с беспокойством спросил инспектор.

– За кого вы меня принимаете? – оскорбился Уимзи.

Макферсон присел на корточки, достал рулетку и торжественно измерил расстояние от насыпи до гаечного ключа. Затем посмотрел поверх насыпи на дорогу, вытащил из кармана блокнот и тщательно зарисовал положение всех объектов. Инспектор воткнул между камнями насыпи большой складной нож, чтобы отметить место, где проводились замеры, и лишь после этого осторожно поднял с земли гаечный ключ, предварительно накрыв его белым носовым платком и бережно завернув.

– На нем могут обнаружиться отпечатки пальцев, – пояснил он.

– Да, не исключено, – согласился Уимзи.

– Нам останется лишь взять отпечатки Фаррена и сравнить с теми, что на ключе. Только вот где их раздобыть?

– На бритве, – подсказал Уимзи, – на мастихине, рамках от картин, чашках. В студии наверняка множество его отпечатков, ведь там никогда не убирают. Полагаю, основная часть действия развернулась на противоположной стороне дороги. Только, боюсь, никаких следов нет.

Инспектор покачал головой:

– Скорее всего. Здесь часто проезжают машины и проходит скот. Кровапролития не было. На сухой траве тоже никаких отметин. Жаль. И все же давайте осмотримся.

На покрытом щебенкой шоссе ничего нельзя было разглядеть, как и на жухлой траве, однако Уимзи, шаривший среди зарослей ежевики и папоротника-орляка, внезапно издал возглас изумления.

– Что такое? – вскинул голову Макферсон.

¹² Хит Робинсон (1872–1944) – английский иллюстратор и карикатурист.

– И правда – что это такое? По-моему, у нас возникла проблема, инспектор. Вы когда-нибудь слышали историю о котках из Килкенни, дравшихся до тех пор, пока не остались одни хвосты? Так вот, тут дрались два джентльмена, которые затем исчезли, оставив после себя лишь клок волос, да еще такого странного цвета. Что вы на это скажете?

Уимзи показал инспектору черную прядь, наводившую на мысли об ассирийских фресках.

– Действительно странно.

– Прядь срезана, а не вырвана. – Уимзи достал из кармана лупу и внимательно осмотрел находку. – Волосы мягкие и шелковистые. Их кончики никогда не подстригали. Такие могли бы принадлежать одной из тех очаровательных старомодных девиц с длинными волосами. Несмотря на шелковистость, они немного грубоваты. Это работа для эксперта: только он может определить, что это за волосы.

Инспектор осторожно взял прядь и принялся рассматривать через лупу, придав своему лицу деловитости.

– А почему вы считаете, что их никогда не подстригали? – поинтересовался он.

– Видите, как они истончены на кончиках? Есть ли в окрестностях женщина с черными как смоль кудрявыми волосами, которая ни разу в жизни не посещала парикмахера? Неужели наши драчуны сражались здесь за этот символ любви, инспектор? Только кому принадлежит эта прядь? Точно не миссис Фаррен, если, конечно, она не превратилась за одну ночь из светло-волосой красотки с полотна Бёрн-Джонса в темноволосую натурщицу Россетти. Но если драка случилась не из-за миссис Фаррен, то из-за кого? Каковы ваши соображения, инспектор?

– Может, эти волосы вообще не имеют отношения к делу.

– Как здраво вы мыслите, – произнес Уимзи. – И излучаете спокойствие. Кстати, как скоро откроются местные пабы? Ба! Да тут еще один локон – свидетельство любви и преданности. Говорю вам: едем обратно – расспросим Бантера. Уверен, наши находки его заинтересуют.

– Вы так считаете? – с сомнением спросил инспектор. – Впрочем, хуже не будет. Только для начала нам следует заехать в Ньютон-Стюарт: посетить доктора и попросить сотрудника похоронного бюро открыть гроб. Мне не терпится посмотреть, совпадают ли очертания ключа с раной на голове покойного.

– Хорошо, – кивнул Уимзи. – Мне тоже будет любопытно взглянуть на это. Но подождите немного. Давайте осмотримся и попробуем понять, что случилось с телом. Нам известно, что убийца погрузил его в машину и направился в сторону Гейтхауса. Он не мог отъехать слишком далеко, поскольку вскоре вернулся за «моррисом» Кэмпбелла. Где-то поблизости я видел шлагбаум.

Поиски не заняли много времени. Примерно в пятидесяти ярдах от поворота с правой стороны дороги действительно обнаружился ржавый шлагбаум. Он перекрывал поросшую травой тропу длиной около тридцати ярдов, которая затем резко сворачивала влево и терялась в густых кустах.

– Вот это место, – произнес Уимзи. – И сюда совсем недавно заезжала машина. Зацепилась крылом за столбик. Цепочка и крючок, на которые запирается шлагбаум, совсем не помеха. Вероятно, убийца сдавал задом до поворота. Выключив фары, он стал совершенно незаметен с дороги. Несложные выводы. К тому же я уверен, что в радиусе мили больше нет такого удобного места, как это. Я испытал необычайное удовлетворение. Торжествую, как Сталки¹³. А теперь идемте обратно к машине, инспектор. Поплюйте на ладони и держитесь крепче. Я чувствую небывалый прилив энергии и готов быстро доставить вас в Ньютон-Стюарт, побив все временные рекорды.

¹³ Персонаж книги Р. Киплинга «Сталки и компания».

Доктора Кэмерона чрезвычайно заинтересовал гаечный ключ. Он с трудом сдерживался, чтобы не взять его в руки, поэтому было решено сразу снять с него отпечатки. Вскоре это было сделано при содействии полицейских, местного фотографа и лорда Уимзи. После использования специального порошка взору присутствующих предстал замечательно четкий отпечаток большого пальца. В общем, говоря языком журналистов, полиция обзавелась первоклассным негативом.

Тем временем инспектор Макферсон связался с сотрудником похоронного бюро, и тот, быстро допив остатки чая, приготовился к встрече. Последующая задержка была вызвана тем, что кому-то пришлось в голову оповестить о происходящем окружного прокурора. Тот, к счастью, оказался в городе и присоединился к остальным. По дороге в похоронное бюро он рассказывал Уимзи о том, что ему еще не приходилось сталкиваться с более неприятным расследованием, чем это, и его до глубины души поразило превосходство шотландских законов над английскими в такого рода делах.

– Публичность действий коронера причиняет много лишней боли родственникам покойного, – возмущался прокурор. – Этого можно избежать, не предавая огласке результаты расследования.

– Совершенно с вами согласен, – вежливо промолвил Уимзи, – но подумайте о радости, которую нам доставит чтение воскресных газет. Ведь самый смак в них – описание хода расследования.

«Затем мы отправились в похоронное бюро, – говорилось в официальном отчете инспектора Макферсона, – где гроб был вскрыт в присутствии окружного прокурора, доктора Кэмерона, Джеймса Макуэна (сотрудника похоронного бюро), лорда Питера Уимзи и меня. Тело Кэмпбелла было извлечено из гроба. При сравнении найденного следствием гаечного ключа с ранениями на голове покойного доктор Кэмерон пришел к выводу, что контур раны над левой скулой полностью совпадает с очертаниями головки вышеозначенного гаечного ключа. С большой вероятностью можно сказать, что удар был нанесен этим или очень похожим инструментом. Относительно второй, смертельной раны над виском покойного доктор Кэмерон высказался с меньшей уверенностью, хотя, судя по ее внешнему виду, здесь тоже могло иметь место соприкосновение с вышеозначенным гаечным ключом».

После такого торжественного вступления, на написание которого потребовался литературный талант, последовало продолжение: «По совету лорда Питера Уимзи были взяты отпечатки пальцев покойного (последнюю фразу впоследствии заменили на более подходящее выражение) и сделаны их фотографии, которые следствие приобщило к делу. Данные отпечатки полностью совпали с теми, что следствие обнаружило на гаечном ключе. В соответствии с инструкцией полученные отпечатки были отправлены в экспертный отдел Глазго».

Однако сей исполненный достоинства параграф никак не отразил того горького разочарования, что испытывал инспектор Макферсон. Ему казалось, что теперь, когда у него была улика – отпечатки пальцев, дело близилось к логическому завершению. Но не тут-то было. Он чувствовал, что вновь погружается в пучину неизвестности, и готов был скрежетать зубами от досады. Однако бушевавшая в груди буря никак не отразилась на его поведении, остававшемся в высшей степени безупречным.

– Нам просто повезло, – обратился он к Уимзи, – что вашей светлости пришла в голову такая прекрасная мысль. Я бы до этого не додумался. Теперь на основании имеющихся отпечатков мы можем вычеркнуть из списка подозреваемых шесть человек. Это была потрясающая идея, милорд. Просто потрясающая. – Инспектор вздохнул.

– Выше нос! – подбодрил Уимзи. – Просто удача повернулась ко мне лицом. Давайте отобедаем в «Гербе Галловея».

Однако на сей раз его светлости не повезло.

В тот вечер в студии Боба Андерсона собралось много людей. О доброте и сердечности этого художника ходили легенды, и никто из знавших его местных жителей не допустил бы даже мысли, что Боб может ненавидеть Кэмпбелла, причинить ему зло и иметь какое-то отношение к его таинственной смерти. Он обитал в Керкубри почти так же давно, как и Гоуэн, и пользовался популярностью не только у художников. Особенно у рыбаков и рабочих порта. Боб редко ходил в гости, предпочитая коротать вечера дома, однако последние новости быстро проникали в его студию.

Когда длинный любопытный нос привел Уимзи в четверг вечером на порог дома Боба Андерсона, все местное общество было уже в сборе. Его светлость заметил мисс Кохран и мисс Селби, а также Джока Грэма в весьма примечательном наряде, состоявшем из рыбацкого свитера, широкого ремня, бриджей для верховой езды и ботинок на толстой пеньковой подошве. Здесь присутствовал Фергюсон (весьма странно, поскольку он редко выходил из дома по вечерам), начальник порта, доктор, Стрэчен (синяк под его глазом заметно посветлел), миссис Террингтон (художница, работающая по металлу), высокий худощавый мужчина по имени Темпл, о котором Уимзи знал лишь то, что он получил пять дополнительных очков на соревнованиях в Сент-Эндрюсе, и, наконец, миссис, мисс и юный мистер Андерсон. В помещении царили шум и гвалт.

Появление Уимзи встретили приветственными криками:

– А вот и он! Проходите же скорее! Вы нам все расскажете!

– Расскажу о чем? – произнес его светлость, прекрасно понимая, о чем речь. – Может, вернемся к разговору о Фернана Леже?¹⁴

– К черту Леже! Мы хотим знать, что там случилось с беднягой Кэмпбеллом. Полицейские шныряют от дома к дому. Это просто ужасно. Уже никто не чувствует себя спокойно. К счастью, у меня твердое алиби. Иначе и я тоже начал бы ощущать себя преступником.

– Нет, Боб, только не вы, – возразил Уимзи.

– В наши дни ни в чем нельзя быть уверенным. Но в понедельник вечером мне посчастливилось ужинать с мэром. Домой я вернулся только в полночь. А вот во вторник утром я прогуливался по Сент-Катберт-стрит. И свидетелей тому масса. Но скажите же нам, Уимзи, вы ведь на короткой ноге с представителями полиции...

– Мне запрещено разглашать подробности дела, – печально промолвил он. – И не соблазняйте меня. Это нечестно. Как бы сильно я ни любил вас, Боб, собственная честь все равно дороже. К тому же все ждут, что я буду задавать вопросы, а не отвечать на них.

– Да ради бога. Мы и сами сообщим вам все, что знаем, – сказала мисс Селби.

– Вот как? – вскинул брови Уимзи. – В таком случае скажите мне, сколько сотен человек, помимо Джока, знали, что Кэмпбелл собирался во вторник в Миннох?

– Пожалуй, вам лучше спросить, кто этого не знал, – усмехнулся доктор. – Он сам объявил об этом во всеуслышание в воскресенье вечером. В тот день Кэмпбелл сделал кое-какие наброски. А в понедельник намеревался порыбачить в одном чудесном месте, о котором не хотел рассказывать никому...

– Хотя мне это место прекрасно известно! – воскликнул Грэм.

– Никто не сомневается. Во вторник же он собирался в Миннох на этюды, если позволит погода. Вы тоже слышали это, Мэри.

– Да, – кивнула мисс Кохран.

– Я тоже при этом присутствовал, – подтвердил Фергюсон, – и прекрасно все помню. По-моему, мы даже обсуждали это с Фарреном в понедельник утром, поскольку во вторник

¹⁴ Фернан Леже (1881–1955) – французский художник, скульптор, мастер декоративного искусства.

он решил устроить пикник или нечто подобное на Бригхаус-Бей и надеялся, что не столкнется с Кэмпбеллом.

– И я знал, – присоединился к беседе Стрэчен. – Мы с женой встретили Кэмпбелла в воскресенье. Но я уже сообщил вам это, Уимзи.

– Вроде Кэмпбелл был разговорчивее обычного, – заметил тот.

– Знаете, – произнес Боб, – Кэмпбелл был не таким уж плохим человеком, если обращаться с ним соответствующим образом. Он казался агрессивным, но, наверное, от того, что везде чувствовал себя лишним. Вот и привык устраивать ужасные ссоры...

– Он был невероятно упрямым, – вставил начальник порта.

– Да, и потому эта история выглядит еще более странной. Никто не воспринимал Кэмпбелла всерьез.

– Я бы не сказал этого о Гоуэне, – произнес доктор.

– Верно. Но Гоуэн все воспринимает слишком серьезно. И прежде всего себя.

– И все равно, – промолвила миссис Андерсон, – Кэмпбелл не должен был так отзываться о Гоуэне.

– А Гоуэна нет? Мне сказали, он уехал в Лондон. Кстати, Уимзи, что случилось с Уотерсом?

– Не имею понятия. Предполагается, что сейчас он должен находиться в Глазго. Вы ничего не слышали о нем, Фергюсон?

– Нет. Полицейские уже спрашивали меня об этом. Насколько я понимаю, его в чем-то подозревают?

– Уотерс находился здесь в воскресенье вечером, – возразил доктор. – Однако, после того как пришел Кэмпбелл, задерживаться не стал.

– Вы просто кладёте полезной информации, когда дело касается фактов, доктор. Но если Уотерс был в Глазго, то как оказался в Миннохе?

– Странно, что никто не видел его в Глазго, – задумчиво протянула мисс Селби. – Он должен был ехать нашим поездом, но не поехал. Да, мистер Фергюсон?

– Я его не видел. Если уж на то пошло, то и не искал, зато видел, как вы обе сели в поезд в Дамфрисе, а чуть позднее на станции Сент-Инок разговаривали с друзьями. Но я очень торопился и потому не остановился, чтобы перемолвиться с вами словечком. Перед посещением выставки мне нужно было кое-что купить. И вообще я был не в духе. Вышел из строя индуктор в моей машине, иначе я встал бы пораньше, чтобы поспеть на экспресс, что отправляется из Дамфриса в семь тридцать. А вместо этого мне пришлось дожидаться этого ужасного состава в одиннадцать двадцать два, который останавливается на каждой станции.

– Вместо того чтобы тащиться еле-еле, я бы подождал еще немного и сел на поезд в тринадцать сорок шесть, – заметил Уимзи.

– Вы имеете в виду тот, что отправляется в десять пятьдесят шесть из Гейтхауса?

– Или на одиннадцатичасовом автобусе. Он доставил бы вас в Дамфрис в двенадцать двадцать пять.

– А вот и нет, – возразил Стрэчен. – Этот автобус ходит только по воскресеньям. В другие дни он отправляется в десять часов.

– Как бы то ни было, я этого не сделал, потому что в пятнадцать пятнадцать у меня была назначена встреча на выставке с одним человеком, а поезд, отправляющийся в тринадцать сорок шесть, прибывает в Глазго лишь в пятнадцать тридцать четыре. Пришлось принести себя в жертву. Но самое отвратительное, что тот человек не явился на встречу; оставил мне записку в отеле, в которой сообщал, что вынужден был срочно уехать к больному родственнику.

– Больных родственников нужно запретить законодательно, – усмехнулся Уимзи.

– Да уж. Потому что мне это надоело. Однако нет худа без добра. Я отвез свой индуктор в «Спаркс энд Крисп». И он до сих пор там, черт бы его побрал. Насколько я понял, что-то

случилось с обмоткой. Да они и сами толком не знают. А машина-то совсем новая. Я проехал на ней всего несколько тысяч. В общем, пусть возмещают мне ремонт по гарантии.

– Но зато, – поспешил утешить Уимзи, – «Спаркс энд Крисп» обеспечат вам алиби.

– Верно. Не помню, в котором часу я к ним прибыл. Но там наверняка отмечено. Я ехал в трамвае и был на месте около трех часов. Поезд опоздал на четверть часа. Впрочем, как всегда.

– Мы приехали почти на двадцать минут позднее, – недовольно пробурчала мисс Селби. – И это обстоятельство нас ужасно раздосадовало, поскольку мы провели с Кэтлин меньше времени, чем хотели бы.

– Местные поезда всегда опаздывают, – ответил Уимзи. – Так уж здесь заведено. Это делается для того, чтобы проводник и машинист могли выходить на каждой станции и любоваться садиком начальника. Вы же знаете эти соревнования садоводов и огородников. О них пишут во многих журналах. Вот как это происходит. Проводник сходит с поезда в Киркганзоне или Бриг-оф-Ди с линейкой в руке, измеряет самый большой кабачок и объявляет: «Два фута четыре дюйма, мистер Макгеок. А вот в Далбитти вырастили на два дюйма больше. Джордж, взгляните на это». К овощу подходит машинист и произносит: «Да-да, вам лучше удобрить почву навозом и настойкой азиатского ландыша». Затем они возвращаются в Далбитти и сообщают, что кабачок из Киркганзона вот-вот догонит их чемпиона. А смеяться нехорошо. Я знаю, что так происходит в действительности. А что еще им делать, курсируя между тремя-четырьмя станциями каждый день?

– Вам должно быть стыдно, – промолвила мисс Андерсон. – Несете чушь, в то время как несчастного мистера Кэмпбелла еще даже не предали земле.

– Но ведь похороны уже завтра, не так ли? – уточнил Джок Грэм. – В Гейтхаусе? Кто-нибудь пойдет? Лично у меня нет подходящего костюма.

– О боже, – протянул Боб. – Я об этом как-то не подумал. Полагаю, мы должны пойти. Со стороны будет выглядеть странно, если мы проигнорируем похороны. К тому же нужно отдать дань уважения бедняге. Мы можем отправиться на кладбище в том, что у нас есть.

– Нет, вы не должны появляться там в этих ужасных штанах, Боб! – воскликнула мисс Селби.

– Почему? – удивился он. – Какая разница, в чем скорбеть – в клетчатом костюме или пропахшем нафталином смокинге? Я пойду в своей привычной рабочей одежде, только добавлю черный галстук. Подойдет мне цилиндр, как считаете?

– Папа, ты говоришь ужасные вещи, – заметила мисс Андерсон.

– Надеюсь, Бантер не забыл заказать венки? – спросил Уимзи. – Скорее всего нет. Он никогда ничего не забывает. Собираетесь послать венок от клуба, Стрэчен?

– Естественно, – ответил председатель гольф-клуба. – Мы решили, что так будет правильно.

– Проблема Кэмпбелла состояла в том, – внезапно заявил обладатель пятиочкового гандикапа, – что он не умел проигрывать. Небольшое отклонение мяча от траектории или неудачный выводящий удар могли на целый день выбить его из колеи.

Высказав данное критическое замечание, он вновь погрузился в размышления и больше в разговор не вступал.

– По-моему, осенью в Лондоне состоялась его персональная выставка? – произнес Фергюсон.

– Надеюсь, теперь этим займется сестра Кэмпбелла, – высказал предположение доктор. – Не исключено, работы покойного ждет успех.

– Никогда не понимала, что именно хочет сказать доктор, – вздохнула юная мисс Андерсон. – Кстати, что собой представляет его сестра? Кто-нибудь ее видел?

– Она звонила вчера, – сообщила миссис Андерсон. – Милая тихая девушка. Мне она понравилась.

– Что она обо всем этом думает?

– Послушайте, Джок, а что она может думать? Показалась мне очень расстроенной. Да это и неудивительно.

– Не высказала никаких версий относительно того, кто мог это сделать? – спросил Уимзи.

– Нет... Насколько я поняла, они с братом не общались несколько лет. Она вышла замуж за инженера из Эдинбурга. Она этого не говорила, но я догадалась, что ее муж и брат не очень ладили.

– Все это неприятно и загадочно, – промолвила мисс Андерсон. – Надеюсь, что все эти слухи о насильственной смерти не подтвердятся. Вряд ли кто-либо из наших знакомых мог совершить убийство. Полицейские просто жаждут сенсации. Вполне возможно, что в действительности имел место несчастный случай.

Доктор открыл рот, но, поймав на себе предостерегающий взгляд Уимзи, промолчал. Уимзи догадался, что его коллега из Ньютон-Стюарта кому-то проболтался, поэтому поспешил перевести беседу в безопасное русло, а также получить какую-нибудь полезную информацию.

– Многое зависит от того, – произнес он, – сколько времени Кэмпбелл провел во вторник в Миннохе. Мы знаем, вернее – это знает Фергюсон, что тот выехал из дома в половине восьмого. До Минноха примерно двадцать семь миль, так что он добрался туда, скажем... В половине девятого или без четверти девять. Сколько времени ему потребовалось, чтобы нарисовать пейзаж?

– Начиная с набросков?

– Неизвестно, с чего он начал, но предположим, что с чистого холста.

– Скорее всего так и было, – кивнул Стрэчен. – В воскресенье Кэмпбелл показывал мне карандашные наброски в своем блокноте, а в понедельник никуда не поехал.

– Насколько нам известно, – подчеркнул Фергюсон.

– Да.

– Так что же? – не унимался Уимзи.

– Мы не видели картины, – сказал Боб. – Как же мы сможем ответить?

– Послушайте, – произнес Уимзи. – Я знаю, как получить представление о количестве времени. Представьте, что все вы начали делать наброски на холсте такого же размера. Сможете изобразить что-нибудь, подражая манере Кэмпбелла, пока я буду стоять с секундомером? Мы высчитаем среднее время и сделаем выводы.

– Воссоздать картину преступления? – улыбнулась юная Андерсон.

– В некотором роде.

– Уимзи, идея, конечно, недурна. У всех художников разная манера письма. Двух одинаковых не сыскать. Если бы я, например, попытался писать как Кэмпбелл, с помощью мастихина, получилась бы ужасная мазня. Это ни к чему не приведет.

– Возможно. Да, Фергюсон, вы с Кэмпбеллом рисовали по-разному. Но вот Джок, как я знаю, может передать чью угодно манеру. Уотерс сумеет вполне прилично скопировать работу Кэмпбелла. Да и Боб неплохо обращается с мастихином.

– Я тоже приму участие в эксперименте, лорд Питер, – неожиданно заявила мисс Селби. – Если это действительно важно для дела, я готова и осрамиться.

– Какая сила духа! – воскликнул Грэм. – Я с вами, Питер.

– Что ж, в таком случае и я попытаю силы, – сказал Стрэчен.

– Ладно, – кивнул Боб. – Мы всего готовы помочь вам. Отправимся на место трагедии, приятель?

– В половине восьмого? Как и Кэмпбелл? – уточнила мисс Селби.

– Не нужно ехать туда слишком рано, – запротестовал Стрэчен. – Из-за освещения.

– Кстати, это один из пунктов, требующих проверки, – заметил Уимзи. – Надо выяснить, как скоро Кэмпбелл смог приступить к работе.

– Уф! – шумно выдохнул Боб Андерсон. – Раннее пробуждение идет вразрез с моими принципами.

– Ну и что? Только представьте, какую помощь вы окажете следствию.

– Ладно. Вы предлагаете выехать на место завтра утром?

– Чем раньше, тем лучше.

– Вы нас подвезете?

– С максимальными удобствами. А Бантер обеспечит нас горячим кофе и сэндвичами.

– Ну же, решайтесь! – принялась подзадоривать художника мисс Селби.

– Ну, раз нужно... – нерешительно протянул Боб.

– А я считаю, что это просто чудовищно, – возмутился Фергюсон, – прикатить на место преступления всей толпой и устроить там пикник. За кого нас примут люди?

– Какое вам дело до того, что скажут люди? – усмехнулся Грэм. – Вы абсолютно правы, Уимзи. Черт возьми, мы просто обязаны сделать все, что в наших силах. Я с вами. Ну же, Фергюсон, не отдаляйтесь от коллектива!

– Я поеду, если хотите, – откликнулся тот. – И все равно идея кажется мне отвратительной.

– Мисс Селби, Боб, Фергюсон, Стрэчен, Грэм и я в качестве наблюдателя. Кофе и мастихины на шестерых. Стрэчен, вам лучше захватить Фергюсона и Грэма, а я заберу обитателей Керкубри. Необходимо присутствие хотя бы одного полицейского.

– Надеюсь, вы не будете разочарованы, лорд Питер, – произнесла миссис Террингтон. – По-моему, расследования такого рода доставляют вам удовольствие.

– Да, это всегда интересно, – кивнул Уимзи. – Каждый человек увлечен своим делом. Не так ли, мистер Даултон? – добавил он, обращаясь к начальнику порта.

– Да, милорд. Помню, много лет назад я поступил примерно так же. Проводил расследование относительно парусного судна, вошедшего в устье реки и разбившегося в щепки во время бури. Страховые агенты не поверили в несчастный случай. Мы взяли на себя смелость продемонстрировать, что при таком ветре и направлении течения корабль находился бы далеко от берега, если бы вышел в море в то время, о каком говорилось. Мы проиграли дело, однако я не изменил своего мнения.

– Устье может стать настоящей западней, если не знать фарватера, – поддакнул Боб.

– Вы верно заметили. Но опытный моряк, такой, как шкипер того корабля, не должен был допустить подобной ошибки. Если только не был пьян.

– С каждым может случиться, – сказал Уимзи. – А кто были те люди, что устроили потасовку в городе в выходные?

– Парочка англичан с яхты, причалившей в Дауне. Совершенно безобидные ребята, порядочные и радушные: отец с сыном. Знают, как управляться со снастями. Они отплыли во вторник утром. Сказали мне, что собираются на западное побережье, в Скай.

– С погодой им повезло, – заметил доктор.

– Это верно. Но, думаю, ночью погода испортится. Меняется ветер. Из Исландии идет холодный циклон.

– Пусть держит свои циклоны при себе, – недовольно пробурчал Уимзи, помня о своем эксперименте.

Гости разошлись лишь в одиннадцать часов вечера. Выйдя на улицу, Уимзи сразу ощутил перемену погоды. В воздухе повисла влажность, а небо покрылось густыми тучами. Его светлость хотел уже отправиться домой, когда заметил в дальнем конце улицы алые стоп-сигналы автомобиля. В темноте трудно было определить расстояние, но интуиция подсказала лорду Питеру, что машина остановилась перед домом Гоуэна. Охваченный любопытством, он напра-

вился туда. Уимзи напрягал зрение и слух, и ему показалось, будто он слышит приглушенные голоса и видит две смутные фигуры.

– Тут что-то затевается, – пробормотал себе под нос лорд Питер и ускорил шаг, бесшумно ступая по булыжной мостовой благодаря мягким резиновым подошвам, а услышав, как заурчал мотор, побежал, однако, зацепившись за что-то ногой, споткнулся и упал головой вперед, больно ударившись о камни.

Когда же его светлость немного пришел в себя, красные фонари уже скрывались за поворотом, а внезапно появившийся начальник порта помог ему подняться и воскликнул:

– Позор! И кто только придумал такие пороги? Вы не ушиблись, милорд? Городскому совету непременно нужно принять меры. Помню, когда я был моложе...

– Прощу прощения, – перебил его Уимзи, отряхивая колени и локти. – Со мной все в порядке. Еще раз простите, но у меня назначена встреча.

Он бросился в сторону полицейского участка, оставив начальника порта стоять с открытым от удивления ртом.

Констебль Росс

На следующий день разразилась страшная буря с проливным дождем и порывистым юго-западным ветром. В сложившихся обстоятельствах запланированный Уимзи выезд на этюды пришлось отложить. И все же день нельзя было назвать полностью лишенным каких бы то ни было событий.

Неожиданно из Эра вернулся констебль Росс с любопытной информацией. Накануне вечером он отправился в Килмарнок, чтобы отследить передвижения велосипедиста в непромокаемом плаще, которого видели покидавшим Эр после 13.48, однако данный след ни к чему не привел. Констебль без труда отыскал загадочного пассажира. Им оказался ни в чем не повинный и весьма уважаемый молодой фермер, заезжавший на станцию узнать о пропавшем во время транспортировки товаре.

Не желая возвращаться с пустыми руками, констебль Росс навел справки в городе и выяснил следующее. Продавец из книжного ларька видел, как пассажир в сером прошел мимо него к выходу в 13.49, однако не заметил, как тот покидал станцию, поскольку угол ларька закрывает обзор.

Водитель такси, припарковавшийся напротив выхода, видел, как из здания вышел молодой человек в непромокаемом плаще с велосипедом в руках (фермер, которого впоследствии допросил констебль). Таксист заметил молодежого мужчину в кепи и сером фланелевом костюме, выходявшего из здания станции. В руках он нес небольшой чемоданчик. Велосипеда при нем не было. Затем к машине подошел клиент, и таксист уехал. Однако ему показалось, будто он видел, как человек в сером сворачивал в проулок. Это случилось через две минуты после того, как на станцию прибыл поезд из Странрара, то есть примерно в 13.50.

Около 14.20 носильщик, кативший тележку с багажом к поезду, отправлявшемуся в 14.25 в Карлайл, заметил велосипед, стоявший возле стенда с расписанием и железнодорожной рекламой, как раз напротив платформы с книжным ларьком. Носильщик осмотрел велосипед и обнаружил на нем бирку до Юстона. Носильщик ничего не знал об этом велосипеде, кроме того, что тот стоял здесь некоторое время. Предположив, что его поставил кто-либо из его коллег и он принадлежит пассажиру, по какой-то причине решившему прервать путешествие в Карлайле, носильщик оставил велосипед на том же месте. Однако в пять часов вечера он заметил, что велосипед так и находится возле стенда, и расспросил о нем других носильщиков. Однако никто из них не помнил, чтобы доставал его из багажного вагона или снабжал биркой. Поскольку с биркой было все в порядке, носильщик должным образом исполнил свои обязанности и погрузил велосипед в экспресс до Юстона, отправлявшийся в 17.20. Если его владелец ехал поездом в 14.25, то велосипед прибудет в Юстон одновременно с ним. Ведь поезд, отправляющийся от станции в 14.25, идет не прямо в Юстон, поэтому пассажиры, следующие до Лондона, делают пересадку в Карлайле и ждут два часа с четвертью, чтобы сесть на поезд в 17.20.

Носильщик, обративший внимание на велосипед, изучил его достаточно хорошо. Это был «рейли» – старый, в запущенном состоянии, зато с новыми шинами.

Услышав описание велосипеда, Росс едва не подпрыгнул от возбуждения и поспешил поговорить со всеми носильщиками, однако ему так и не удалось разыскать того, кто прикрепил бирку на бесхозный велосипед, как и получить хоть какую-то информацию о его владельце.

Кассир продал десять билетов на поезд до Карлайла, отправлявшийся в 14.25. Из них пять билетов в третий класс в один конец, три билета в третий класс туда и обратно, один билет первого класса в один конец, один билет первого класса туда и обратно и два билета третьего класса до Юстона. Никто из пассажиров данного поезда не приобретал багажного билета на велосипед. То же самое можно было сказать и о восьми пассажирах, прибывших из Эра в 17.20.

Еще один носильщик, не тот, что отправил велосипед на поезде в 17.20, припомнил мужчину в сером костюме, направлявшегося в Карлайл на поезде в 14.25. Багажа при нем не было. Он ехал через Моклайн и задал носильщику несколько вопросов относительно продолжительности пути. На нем не было очков, и он ни словом не упомянул о велосипеде, как и пассажиры, садившиеся в поезд в 17.20.

Далее констебль Росс предпринял попытку пройти по следу мужчины в сером, свернувшего на боковую улочку. Безрезультатно. Это был скорее узкий переулок, куда выходили задние двери нескольких магазинов и где располагались общественные туалеты.

Вновь допрошенный продавец книжного киоска вспомнил, что мимо него проходил мужчина в мягкой фетровой шляпе и непромокаемом плаще. Он двигался со стороны касс и катил с собой велосипед. Это случилось примерно в 13.53. Однако продавец не обратил на него внимания. Этого мужчину не видел больше никто из сотрудников станции, поскольку поезд из Странрара почти сразу отправлялся дальше, в Глазго, и на него спешило множество пассажиров.

Два носильщика, загрузивших багаж в поезд до Глазго в 13.54, поклялись, что ни в одном из багажных отделений никакого велосипеда не было.

Констебль Росс пребывал в растерянности и не понимал, что со всем этим делать. Описание велосипеда почти совпадало с описанием похищенного из гостиницы «Энвос», и чуть меньше – с описанием велосипеда Фаррена. Но как получилось, что на нем оказалась бирка до Юстона? На велосипед, помещенный в багажное отделение поезда в Герване, прикрепили бирку до Эра. Это подтвердили носильщик и проводник, достававший велосипед в Эре. Маловероятно, нет, даже невозможно, что бирку заменили за те шесть минут, что поезд стоял на станции, поскольку рядом с ящиком, в котором хранились багажные бирки, постоянно находился кто-то из носильщиков. И каждый из них готов был поклясться чем угодно, что велосипед через его руки не проходил.

Оставалось одно: бирку на велосипеде заменили после того, как поезд на Глазго ушел. Только сделал это не носильщик, ведь ни один из них в этом не признался. И что случилось с мужчиной в сером костюме? Если им был тот самый пассажир в непромокаемом плаще, что в 13.53 прошел мимо книжного киоска с велосипедом в руках, то он вполне мог снять плащ (в общественном туалете, например), а потом вернуться через кассы. Каковы его дальнейшие действия? Ждал на станции до 14.55? Но где именно? В буфет он не заходил – продавщица сказала, что не видела никого похожего. В зале ожидания или на платформе его тоже никто не видел. Можно предположить, что мужчина оставил велосипед у щита с расписанием и снова вышел на улицу или сел на другой поезд.

Только вот на какой?

Он не мог сесть на поезд до Глазго в 13.54, поскольку велосипед просто не успели бы переоформить.

Оставались поезда в 13.56 до Мьюркирка, в 14.23 до Глазго, в 14.30 до Далмеллингтона, в 14.35 до Килмарнока, в 14.45 до Странрара, ну и, собственно, поезд, отправляющийся в 14.25.

Из этих семи маршрутов Росс смог исключить три – в 13.56, в 14.30 и в 14.35. В них не сел ни один пассажир, сколько-нибудь подходящий под описание. Росс решил, что поезд до Странрара в 14.45 неизвестный тоже пропустил. С его помощью было легко напасть на след убийцы (если, конечно, это был убийца), а Росс хорошо помнил замечание Уимзи, что преступник захочет как можно скорее вернуться домой. Причем все это должно было выглядеть убедительно. Однако констебль представить не мог, что кто-то проделает неблизкий путь до Эра лишь для того, чтобы отделаться от велосипеда. Ведь гораздо проще и быстрее уладить проблему где-то рядом с домом.

Оставались два поезда до Глазго и поезд в 14.25. Тот, что отправлялся в 14.12, двигался очень медленно и прибывал в Глазго в 15.30. Поезд, отправлявшийся в 14.23, забирал пасса-

жиров, высадившихся с парохода в Странраре, и прибывал в конечный пункт в 15.29. Предыдущий поезд отличался от этого лишь тем, что отходил от станции чуть раньше. Констебль навел справки об обоих поездах и получил весьма расплывчатые описания нескольких мужчин в серых костюмах и непромокаемых плащах. Почему все одеваются так одинаково? Констебль Росс ненадолго ухватился за версию, что нужный ему человек переоделся, перед тем как покинуть Эр, но затем отбросил ее как несостоятельную. Еще один костюм и плащ никак не могли бы уместиться в небольшом чемоданчике. К тому же вряд ли незнакомец отправился в город, чтобы купить смену одежды и переодеться. Нет, он, конечно, вполне мог это сделать. Только зачем напрасно рисковать? К тому же в этом случае ему пришлось бы сесть в более поздний поезд. Но если бы он потерял в Эре еще больше времени, его алиби стало бы совсем неубедительным. А если не собирался обеспечивать себе алиби, то к чему все эти сложности в Миннохе? Если же он отправился в Глазго, то прибыл туда самое раннее в 15.29.

Значит, оставался поезд в 14.25. Незнакомец вполне мог оказаться путешественником в сером костюме, направлявшимся в Юстон. Но если так, зачем брать с собой велосипед, который можно было оставить в Эре?

Хотя нет! Взять велосипед с собой было бы лучше всего. Ведь преступник наверняка предполагал, что велосипед станут искать, пусть и не как улику в деле об убийстве, а просто как краденый. Юстон находится от места преступления дальше, чем Эр. Велосипед легко затеряется в Лондоне. Если велосипед не заметят у злоумышленника в руках, то можно отрицать причастность к нему.

Однако ни одно из данных объяснений не удовлетворило констебля Росса. Не исключено, что неизвестный не сел ни в один из поездов. Может, он до сих пор находится в Эре. Либо взял такси, либо воспользовался автобусом. Констебль почувствовал, что дело становится слишком запутанным и справиться с ним в одиночку сложно, поэтому решил вернуться в Ньютон-Стюарт, предоставить начальству отчет о проделанной работе и получить дальнейшие указания.

Было очевидно, что прежде всего необходимо выяснить, что случилось с велосипедом, если он прибыл в Лондон. Дэлзиел отправил запрос в Юстон. Ответ пришел уже через час. В нем сообщалось, что подходящий под описание велосипед марки «Рейли» прибыл в Лондон согласно расписанию поезда в пять часов утра среды. Поскольку никто из пассажиров не предъявил на него свои права, велосипед отправили на склад забытых вещей.

В полиции почесали голову над очередной загадкой и дали указание начальству приглядывать за велосипедом до тех пор, пока его не опознают. А если вдруг объявится владелец, его следует задержать. В полицию Лондона был сделан звонок с просьбой помочь железнодорожному начальству, хотя все прекрасно понимали, что только полный болван явился бы за краденым велосипедом.

– Он не сможет забрать его, даже если и придет, – заметил констебль Росс. – Велосипед не отдадут без билета.

– Неужели? – удивился сержант Дэлзиел. – А если пассажир сошел с поезда и купил билет на другой станции – например, в Карлайле, Крю или Регби?

– Ваша правда, – согласился констебль. – Но если так, то он уже забрал бы велосипед. Чем дольше он будет тянуть, тем выше риск.

– Нам повезло, что он еще этого не сделал, – заметил Дэлзиел.

Инспектор Макферсон тоже испытывал удовлетворение. Он выехал в Ньютон-Стюарт рано утром, чтобы положить перед сержантом Дэлзиелом свою таблицу, и теперь его распирало от гордости.

– Моя версия подтверждается, – заявил он. – Готов съесть собственную фуражку, если это не велосипед Фаррена.

А тем временем сержанта Дэлзиела ждало потрясение. Предыдущим вечером его распирала гордость от сознания быстроты и эффективности собственных действий. Возвращаясь из Эра, он заехал в полицейский участок Гервана, чтобы оставить там несколько фотографий с указанием предъявить их для опознания носильщику Макскиммингу, как только тот явится на работу. И вот теперь Дэлзиелу позвонили из Гервана с сообщением о том, что вышеозначенный носильщик был доставлен ночью в больницу с острой болью в животе, которая оказалась приступом аппендицита. Позвонив в больницу, сержант выяснил, что беднягу как раз оперируют и в последующие несколько дней поговорить с ним будет нельзя. Сержанта обеспокоили слова «перфорация», «угроза перитонита» и «неудовлетворительное состояние сердечной мышцы». Выругавшись, Дэлзиел тотчас послал Росса на станцию с еще одним комплектом фотографий. На сей раз их следовало предъявить для опознания другим сотрудникам.

Второй удар настиг инспектора Макферсона.

– Готов съесть собственную фуражку, если это не велосипед Фаррена, – сказал он, но едва эти слова сорвались с его губ, как на столе зазвонил телефон.

– Звонят из полиции Критауна, – раздался голос в трубке. – Мы нашли велосипед мистера Фаррена. Он валялся в холмах Фолбе. Нет никаких сомнений в том, что велосипед принадлежит именно этому джентльмену, поскольку к рулю прикреплена бирка с его фамилией.

Не стоит забывать о том, что накануне вечером инспектор отправил отряд в заброшенный рудник, где год или два назад случилось несчастье. Рудник состоял из полудюжины узких шахт, прорубленных в гранитной поверхности холмов, раскинувшихся в нескольких милях к востоку от Критауна. Попасть туда можно было, следуя по дороге, ведущей на ферму Фолбе. Отсюда две узких тропы, протоптанных отарами овец, тянулись к шахтам. Работы здесь производились на небольшой – тридцать – сорок футов – глубине. Тут все еще можно было обнаружить клетки, в которых рабочие опускались вниз, хотя остальное оборудование исчезло. Рудник снискал дурную славу, особенно после того, как здесь покончила с собой несчастная девушка, бросившись в одну из шахт. Местные жители старались сюда не заглядывать. Даже пастухи обходили это место стороной. Поскольку люди на рудник не заходили, дорога тут и обрывалась. Несмотря на близость к цивилизации, рудник выглядел заброшенным, словно находился посреди пустыни.

И вот в этом зловещем месте обнаружили велосипед Фаррена. Поспешно приехавший на место происшествия Макферсон встретил здесь полицейских из Критауна и нескольких добровольцев, сгрудившихся у входа в шахту. Один уже обвязался веревкой и готовился к спуску.

Велосипед находился в нескольких сотнях ярдов от фермы и примерно в полумиле от ближайшей шахты и пребывал в неплохом состоянии, хотя блестящие детали начали понемногу покрываться ржавчиной, поскольку он несколько ночей пролежал в зарослях папоротника. Никаких следов повреждения обнаружено не было. Все выглядело так, словно его тут бросили, когда тропа стала слишком ухабистой и крутой для езды на велосипеде.

– Тело не нашли? – спросил инспектор.

Нет, не нашли ни тела, ни одежды. Но не исключено, что бедняга Фаррен лежит на дне одной из шахт. В соответствии с полученной инструкцией полицейские намеревались обыскать все шахты по очереди. Сделать это будет непросто: на дне одной или двух скопилась вода. Макферсон велел продолжать, и если обнаружится что-нибудь важное немедленно сообщить ему. После этого, раздосадованный и разочарованный, он угрюмо поехал обратно в Керкубри.

На долю начальника полиции выпала тяжелая миссия сообщить миссис Фаррен о том, что с ее мужем могло произойти несчастье. Хозяйка с улыбкой открыла дверь. Впервые за несколько дней она выглядела по-настоящему радостной, поэтому слова давались сэру Максвеллу с огромным трудом. В целом миссис Фаррен восприняла известие относительно спо-

койно. Начальник полиции сделал упор на том, что у следствия пока нет доказательств самоубийства, а поиски на руднике лишь мера предосторожности.

– Я хорошо вас понимаю, – произнесла миссис Фаррен. – Все это так любезно с вашей стороны. Честно говоря, мне просто не верится, что Хью отважился на столь ужасный поступок. Я уверена, что это ошибка. Знаете, муж весьма эксцентричен, и я скорее готова поверить в то, что он просто где-то гуляет. Но вы, конечно, должны обыскать рудник.

Начальник полиции задал женщине еще несколько вопросов, стараясь действовать как можно тактичнее.

– Ну, раз уж вам все известно, я должна признаться, что, уходя из дому, Хью пребывал в гневе. Его легко вывести из себя. А в тот раз мужа расстроило что-то за обедом. О господи, нет, это не имеет никакого отношения к мистеру Кэмпбеллу. Что за нелепая идея!

Сэр Максвелл почувствовал, что оставлять без внимания ее слова нельзя, и постарался мягко объяснить, что в тот злополучный вечер несколько человек стали свидетелями инцидента, когда Фаррен не слишком лестно высказывался в отношении мистера Кэмпбелла.

Миссис Фаррен призналась, что муж действительно возражал против визитов Кэмпбелла в их дом.

– Но как только Хью все хорошенько обдумает, – продолжила она, – поймет, что был ко мне несправедлив. Он никогда бы не дошел до того, чтобы наложить руки на себя или кого-либо другого. Сэр Максвелл, вы должны мне поверить. Я знаю своего мужа. Он импульсивен, но быстро остывает. Я убеждена, что Хью жив и не совершил ничего плохого. Даже если... вы найдете его мертвое тело, ничто не переубедит меня в том, что произошел несчастный случай. Что-либо другое просто невероятно, и скоро вы вернетесь и сообщите мне, что я была права.

Женщина говорила так уверенно, что Джеймисон начал колебаться. Сказав, что хочет надеяться, что все именно так, как говорит миссис Фаррен, сэр Максвелл попрощался и ушел. На повороте ему встретилась машина Стрэчена, и, обернувшись, сэр Максвелл заметил, что она остановилась у дома Фарренов.

– Что бы там ни случилось с Фарреном, – пробормотал он себе под нос, – Стрэчен имеет к этому какое-то отношение.

Сэр Максвелл повернул обратно. Он вспомнил, что Макферсон так и не получил ответа на свой запрос в Гейтхаус относительно местонахождения Стрэчена в понедельник в 21.15.

– Мистер Стрэчен! – воскликнул он.

– Доброе утро, сэр Максвелл!

– Хотел кое-что у вас спросить. Не знаю, слышали ли вы уже... тревожные новости о Фаррене.

– Нет. А что с ним такое?

Сэр Максвелл рассказал о найденном велосипеде.

– О! – выдохнул Стрэчен. – Выглядит не очень хорошо, верно? Фаррен ужасно вспылчив. Надеюсь, с ним не случилось ничего дурного. Миссис Фаррен знает?

– Да. Я решил, что лучше ее подготовить на случай...

– Она расстроена?

– Нет. Держалась стойко. Кстати, мои люди искали вас вчера вечером.

– Да? Ну, извините. Мы все отправились в Сэнд-Грин, а служанку отпустили. Зачем я вам понадобился?

– Просто хотел спросить, не было ли вас дома в понедельник, в четверть десятого.

– В понедельник вечером? Сейчас вспомню. Нет, я отсутствовал: уезжал на рыбалку в Тонгланд. А что?

– Фаррена видели на Лористон-роуд, и мы подумали, что он заехал к вам.

– Об этом мне ничего не известно, – произнес Стрэчен. – Но я спрошу у жены: она-то наверняка знает, – а если не она, так служанка. Они ничего мне не говорили, так что, думаю,

Фаррен к нам не заезжал. Бедолага! Ни за что себе не прощу, если он действительно искал встречи со мной и я мог бы предотвратить... Впрочем, пока неясно, что с ним случилось.

– Вы правы, – ответил начальник полиции. – Но мы в любом случае надеемся на лучшее.

И он тронулся в путь.

– Совершенно непробиваемый человек, – пробормотал он. – Не доверяю я ему. Но, конечно же, Фаррен не имеет к этому никакого отношения. А вот удивительный рассказ Уимзи...

Дело в том, что часом раньше сэр Питер сообщил ему такое, что все остальное по сравнению с этим звучало детским лепетом.

Бантер

Потрясение было необычайным и не утратило своей силы, даже будучи преподнесенным в форме укора. Уимзи встретил бурю со склоненной головой и настолько пал духом, что смиренно позволил снять с себя серый фланелевый костюм и отправился на похороны Кэмпбелла в черном сюртуке, цилиндре и черных лайковых перчатках, к ужасу своих друзей и восхищению мистера Макуэна.

Проблема заключалась в следующем. В четверг утром Бантер попросил выходной, чтобы сходить в кино, и, естественно, получил его. Поскольку Уимзи обедал с инспектором Макферсоном в Ньютон-Стюарте, а затем сразу отправился к Бобу Андерсону, Бантера он увидел снова лишь после полуночи, когда вернулся домой после визита в полицейский участок.

Его первыми словами были:

– Бантер! В доме Гоуэна что-то происходит.

На что камердинер ответил:

– Я тоже хотел поговорить с вами об этом, милорд.

– Кто-то только что спешно покинул дом, – продолжил Уимзи. – Я сообщил об этом полиции. – Вообще-то на улице непроглядная тьма, и я споткнулся о какую-то ступеньку и сильно ударился. Но суть дела от этого не меняется. Кстати, нет ли у вас настойки арники?

– Милорд, в отсутствие вашей светлости я взял на себя смелость ознакомить сэра Максвелла Джеймисона с планом побега мистера Гоуэна. У меня есть основания предвкушать, что его задержат в Дамфрисе или Карлайле. Если вы, ваша светлость, будете так любезны и снимете с себя костюм, я нанесу лекарство на раны.

– Ради всего святого, Бантер, – простонал лорд Питер, падая на стул, – объяснитесь немедленно.

– Когда вы, ваша светлость, проявили любезность и познакомили меня с результатами расследования инспектора Макферсона в доме мистера Гоуэна, мне пришло в голову, что у слуг в доме мистера Гоуэна можно выведать много полезной информации. Причем они охотнее доверятся не представителю власти, а такому же слуге, как и они сами. Помня об этом, я испросил у вашей светлости позволения посетить кинематографический сеанс. У мистера Гоуэна, – Бантер тихо откашлялся, – работает молодая особа по имени Элизабет, от которой в легкой и непринужденной беседе я узнал, что она освобождена от работы на целый вечер. Я пригласил ее посетить киносеанс. Сам я уже видел этот фильм в Лондоне, но для нее он был в новинку и она с радостью приняла мое приглашение.

– Не сомневаюсь.

– Во время сеанса мне удалось перевести наши отношения на более доверительный уровень.

– Бантер, Бантер!

– Вашей светлости совершенно не о чем беспокоиться. Если в двух словах, то дело обстоит следующим образом. Юная Элизабет призналась, что не совсем довольна своим нынешним положением. Миссис Гоуэн всегда была к ней добра, как и супруги Эллок, однако в последние несколько дней возникли кое-какие обстоятельства, пробудившие в ее душе беспокойство. Я поинтересовался, что это за обстоятельства. Элизабет намекнула, что ее беспокойство связано с пребыванием в доме таинственного незнакомца.

– Просто нет слов!

– Благодарю вас, милорд. Я немного надавил, но юная Элизабет опасалась, что кто-то может услышать ее рассказ в людном месте. Я смиренно дождался окончания фильма (а закончился он в десять часов) и пригласил девушку прогуляться по городу. Дабы не утомлять вас слишком длинным рассказом, милорд, скажу, что вытянул-таки из нее подробности. Таин-

ственные события, причиняющие ей беспокойство, начали разворачиваться в прошлый понедельник, когда Элизабет получила разрешение навестить вечером больную родственницу. Вернувшись домой в половине одиннадцатого, она узнала, что мистера Гоуэна внезапно вызвали в Лондон и он уехал поездом в двадцать сорок пять в Карлайл. Элизабет утверждала, что не придавала бы значения данному обстоятельству, если бы дворецкий и экономка не говорили о нем многозначительно. На следующий день она удивилась тому, что миссис Элкок запретила ей подниматься на верхний этаж дома. Там располагается несколько нежилых комнат, и при обычных обстоятельствах Элизабет и в голову бы не пришло туда заходить. Наша служанка ничем не отличается от остальных женщин, и поэтому запрет пробудил в ней жгучее любопытство. При первой удобной возможности, когда остальные слуги были заняты на нижнем этаже, она поднялась в запретный коридор и прислушалась. Ничего интересного Элизабет не услышала, однако ее весьма чувствительный нос уловил слабый запах бактерицидного средства, и она почему-то сразу подумала о смерти. Кстати, милорд, это напомнило мне, что ваши раны...

– Забудьте о моих ранах и продолжайте!

– Элизабет, и без того пребывавшая в смятении, перепугалась еще больше, услышав на лестнице чьи-то шаги. Не желая быть уличенной в непослушании, она поспешила спрятаться в крошечной кладовой для хранения метел, расположенной на лестничной клетке, и, выглянув в щель, увидела, как Элкок с кувшином горячей воды и безопасной бритвой миновал коридор и вошел в самую дальнюю комнату. Убежденная, что в доме находится труп, который Элкок собирался обмыть и побрить перед похоронами, Элизабет бросилась вниз и, забившись в кладовую, дала волю слезам. К счастью, миссис Элкок поблизости не оказалось. Вскоре Элизабет успокоилась и вернулась к своим обязанностям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.